

1250
ЛЕТ

СТАРАЯ ЛАДОГА

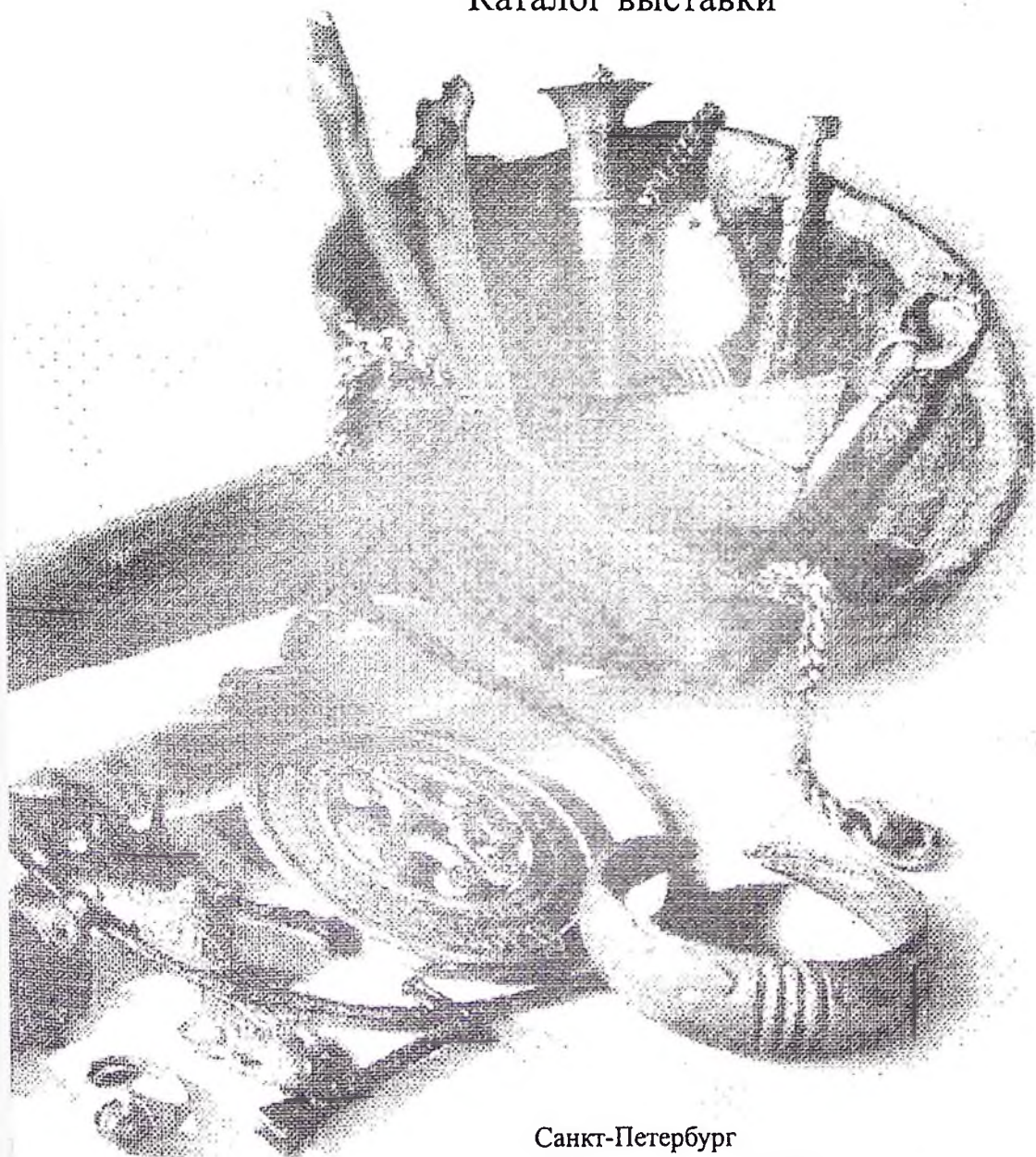
ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА РУСИ

Государственный Эрмитаж
Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
Государственный Исторический музей

СТАРАЯ ЛАДОГА ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА РУСИ

Каталог выставки

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2003

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Каталог выставки

Государственный Эрмитаж

Санкт-Петербург, 18 февраля – 18 апреля 2003 года

Государственный Исторический музей

Москва, 3 июня – 27 июля 2003 года

Выставка организована Государственным Эрмитажем, Староладожским историко-архитектурным и археологическим музеем-заповедником, Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук и Государственным Историческим музеем

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

Государственный Эрмитаж:

М.Б. Пиотровский

Директор, член-корреспондент Российской Академии наук,
действительный член Российской Академии художеств,
профессор Санкт-Петербургского Государственного университета,
доктор исторических наук

Г.В. Вилинбахов

Заместитель директора по научной работе, кандидат исторических наук

В.Ю. Матвеев

Заместитель директора по выставкам и развитию, кандидат искусствоведения

А.Ю. Алексеев

Заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири,
доктор исторических наук

В.А. Федоров

Заведующий Отделом истории русской культуры

**Староладожский историко-архитектурный и археологический
музей-заповедник:**

Л.А. Губчевская

Директор

А.А. Селин

Заместитель директора по научной работе, кандидат исторических наук

Н.Д. Чеховских

Главный хранитель

Институт истории материальной культуры Российской Академии наук:

Е.Н. Носов

Директор, член-корреспондент Российской Академии наук, действительный член Российской Академии художеств, доктор исторических наук

А.Н. Кирпичников

Заведующий Отделом славяно-финской археологии, доктор исторических наук

Государственный Исторический музей:

А. И. Шкурко

Директор, кандидат исторических наук

Т. Г. Игумнова

Заместитель директора по зарубежным связям и выставочной деятельности

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР:

Б.С. Короткевич

АВТОРЫ СТАТЕЙ:

О.И. Богуславский, Б.Г. Васильев, А.И. Волковицкий, А.Н. Кирпичников, Б.С. Короткевич, С.Л. Кузьмин, З.А. Львова, Д.А. Мачинский, М.В. Медведева, К.А. Михайлов, П.Е. Сорокин, С.В. Томсинский

РАБОЧАЯ ГРУППА:

Н.Б. Андреева, З.Д. Бессарабова, О.Н. Богданова, Л.В. Вакульчик, П.Е. Герман, Г.В. Длужневская, О.Е. Емелина, О.Е. Ильменкова, М.Д. Кузнецова, А.К. Мартынов, М.В. Медведева, С.М. Осташинский, Н.В. Риндюк, Л.В. Скалина

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЭКСПОНАТОВ осуществлена в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (заведующий А.И. Косолапов)

РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ЭКСПОНАТОВ осуществлена в Отделе научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа (заведующая К.Ф. Никитина): Лаборатория научной реставрации произведений прикладного искусства (заведующий А.И. Бантиков), Лаборатория научной реставрации предметов из органических материалов (заведующая Т.И. Баранова), Лаборатория научной реставрации тканей (заведующая Н.С. Пинягина), Лаборатория научной реставрации монументальной живописи (заведующая А.М. Бляхер), Лаборатория научной реставрации графических произведений (заведующая В.А. Козырева)

В ОФОРМЛЕНИИ ВЫСТАВКИ использованы реконструкции костюмов, предоставленные Клубом военно-исторической реконструкции «Черный Ворон» (администратор К.В. Мишин), и макет реконструкции Успенского монастыря в Старой Ладого, исполненный А.Ю. Белинским

ФОТОГРАФЫ:

Д.А. Боброва, Л.М. Волков, В.С. Теревенин

РЕДАКТОР:

Г. В. Голубева

ДИЗАЙН ВЫСТАВКИ:

Б.Г. Кузякин, Ю.М. Колотилов, В.Б. Королев,
О.А. Сокруто, А.И. Штин, Е.Л. Штихман

ТРАНСПОРТИРОВКА:

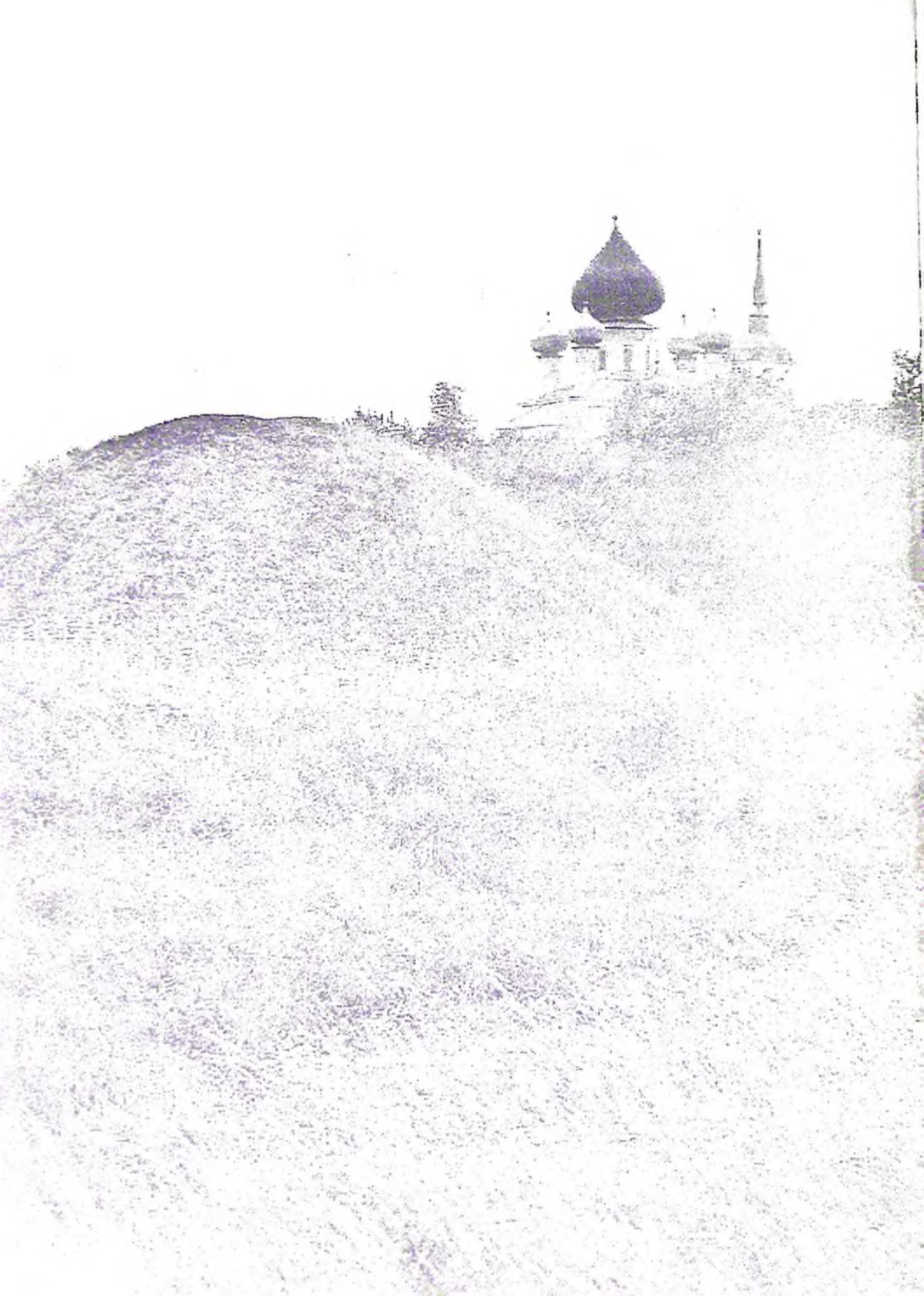
Компания «Хепри»

- © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2003
- © Музей-заповедник «Старая Ладога», Старая Ладога, 2003
- © Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук, Санкт-Петербург, 2003

ISBN 5-93572-099-X

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
<i>Д.А. Мачинский</i> Ладога – древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу»	11
<i>А.Н. Кирпичников</i> Древности Старой Ладоги в исследованиях Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН	36
<i>М.В. Медведева</i> Старая Ладога в документах фотоархива ИИМК РАН	46
КАТАЛОГ	
Усадьба и быт населения Ладоги	53
Ремесла	68
Прикладное искусство в деталях костюма	74
Водный транспорт	92
Торговля и быт торговых людей	94
Война	100
Мир мертвых: курганы и сопки	104
Мир духов: идолы и руны	108
Погребальные древности Приладожья	112
Русь крещеная	117
Образ Бога: лики и письма	119
КОММЕНТАРИИ	
<i>А.И. Волковицкий, Б.С. Короткевич, С.Л. Кузьмин</i> Материальная культура древней Ладоги	133
<i>П.Е. Сорокин</i> Суда Старой Ладоги и водные сообщения на Северо-Западе Руси	142
<i>З.А. Львова</i> Стеклянные бусы Старой Ладоги	151
<i>К.А. Михайлов</i> Курганные могильники Старой Ладоги	153
<i>О.И. Богуславский</i> История Юго-Восточного Приладожья в погребальных древностях	158
<i>С.В. Томсинский</i> Предметы православного культа и элементы храмового убранства	170
<i>Б.Г. Васильев</i> Фрески Старой Ладоги	173
Литература	182
Принятые сокращения	189

ПРЕДИСЛОВИЕ

В самом центре Ленинградской области, вдали от больших городов и важных транспортных артерий, лежит небольшое село, имя которого стоит в нашей памяти у истока русской истории и государственности. Даже в самом сочетании слов – Старая Ладога – звучит его глубокая древность. Первое упоминание о поселении Ладога в древнейшей русской летописи – «Повести временных лет» – относится к 862 г. Оно связано с призыванием на княжение варяга Рюрика, который сделал Ладогу своей «столицей». Однако само поселение возникло задолго до этого события – в VIII, а возможно, даже в VII в. В 2003 г. Старая Ладога отмечает свое 1250-летие. Эта дата основана на дендрохронологическом исследовании бревен из древнейшего горизонта застройки. Самая ранняя из полученных дат – 753 г., который условно и принят за год основания Ладоги.

Ладожское поселение возникло в нижнем течении Волхова как торгово-ремесленный центр и морской порт на пути из Северной Европы в Арабский халифат и Византию. Здесь приставали крупные морские суда, пришедшие из Балтики с разноплеменными торговцами и воинами, разница между которыми в те времена улавливалась весьма слабо. Навстречу им шли из южнорусских и хазарских степей, с Волги и Днепра, а возможно, и из более отдаленных земель такие же искатели удачи. Их усилиями здесь сформировался важнейший центр восточноевропейской торговли. Одним из таких людей, вероятно, был и летописный Рюрик, от которого вели свою родословную все последующие правители Руси вплоть до первых царей. Однако в археологических исследованиях Старой Ладоги существуют и иные аспекты, казалось бы не связанные напрямую с громкими событиями. Стремление в деталях представить себе, как протекала здесь повседневная жизнь и во времена Рюрика, и до него, и после, заставляет пристально всматриваться в добытые раскопками предметы. Редкие из них могут привлечь к себе внимание сами по себе, вне общего исторического и археологического контекста, но в своей совокупности они рисуют богатую подробностями картину хозяйственного уклада ладожан, среди которых были и «кормящиеся» от земли пахари, и живущие главным образом за счет торговых путей ремесленники, торговцы, воины.

Структура выставки, в полной мере отраженная в каталоге, подчинена стремлению показать жизнь древней Ладоги во всем ее многообразии. Экспонаты размещены по нескольким условным разделам, охватывающим все основные сферы человеческой деятельности. Однако содержащаяся

в археологических находках информация зачастую оказывается разноплановой. Одна и та же вещь может отражать разные области человеческого бытия. Таким образом, распределение экспонатов по разделам оказывается сугубо условным, и, несмотря на то, что в последовательности разделов существует достаточно жесткая внутренняя логика, при знакомстве с выставкой может оказаться не лишним иной раз вернуться в предыдущий зал.

Среди экспонатов представлены оружие, украшения, элементы костюма, а также инструменты, использовавшиеся в домашнем хозяйстве и ремесленном производстве. Специальные разделы выставки посвящены торговле и судоходству, игравшим определяющую роль в возникновении и существовании средневековой Ладоги. Эту картину дополняет погребальный инвентарь из древнейших могильников в окрестностях Ладоги. Материалы раскопок курганов из района Юго-Восточного Приладожья характеризуют среду местного населения, в которой возникло и развивалось интернациональное по составу обитателей Ладожское поселение. Фрагменты стенной росписи ладожских церквей и некоторые предметы христианского культа, относящиеся к более позднему времени, логически завершают выставку, показывая преобразование Руси языческой в Русь христианскую.

В выставке участвуют почти 500 экспонатов из фондов Государственного Эрмитажа и Староладожского музея, а также некоторые находки из последних раскопок Института истории материальной культуры РАН, пока еще не переданные на хранение в музей. Впервые в рамках одной выставки собраны результаты практически целого века археологических исследований: от организованной в конце XIX в. экспедиции Н.Е. Бранденбурга до современных работ, проводимых сотрудниками музея-заповедника и экспедицией ИИМК. В итоге никогда еще Старая Ладога не была столь полно представлена любителям отечественной истории в самых ярких, в том числе и уникальных, находках. Размещенные рядом с подлинными археологическими предметами современные научные реконструкции костюмов помогли воочию увидеть облик людей далекой эпохи рождения Древнерусского государства.

В подготовке выставки и написании каталога принял участие большой коллектив ученых, изучающих археологию и историю раннесредневековой Руси. Среди них пользующиеся заслуженным признанием исследователи Старой Ладоги. Описание экспонатов предваряется тремя обобщающими статьями. Статья Д.А. Мачинского посвящена культурно-историческому значению Ладоги в рамках истории Древней Руси и средневековой Европы. Начальник Староладожской археологической экспедиции ИИМК А.Н. Кирпичников рассказывает о многолетней работе экспедиции по изучению культурного слоя Ладожского поселения. Многие находки экспедиции представлены на нашей выставке. Завершает блок вводных статей подготовленный М.В. Медведевой краткий обзор фотодокументов, относящихся к истории археологического изучения Старой Ладоги и хра-

Николай Ефимович Бранденбург (1839–1903)

нящихся в Фотоархиве ИИМК РАН. Некоторые из них использованы в оформлении выставки и каталога.

Заканчивает каталог комментарий, статьи которого призваны отобразить сложившиеся на сегодняшний день в науке представления об истории и археологии начального этапа существования Ладоги. Сообщения русских летописей об этом времени носят скорее легендарный характер, и на их фоне особую значимость приобретают археологические источники. Отдельные исторические события могут и не оставить зримого следа в археологических находках. Зато археология зачастую способна дать очень подробную информацию о тех сферах человеческой деятельности, которые не привлекали внимания летописцев. Это информация, касающаяся повседневной жизни: устройства дома, структуры хозяйства, набора

орудий труда, типов вооружения и транспортных средств. А.И. Волковицкий, Б.С. Короткевич и С.Л. Кузьмин сделали попытку представить материальный мир древних ладожан во всем его разнообразии. Дополняют эту картину статьи П.Е. Сорокина о водном транспорте, З.А. Львовой о ладожских бусах и их месте в системе средневековой торговли и К.А. Михайлова о древних могильниках в окрестностях Ладоги. Отдельная большая тема – история Юго-Восточного Приладожья. О.И. Богуславский раскрывает ее на материалах погребальных памятников, некоторые из них представлены на выставке. Статьи С.В. Томсинского и Б.Г. Васильева рассказывают о христианских древностях Ладоги.

Конечно, многие научные положения, сформулированные в статьях каталога и отразившиеся в атрибуции тех или иных экспонатов выставки, на сегодняшний день остаются предметом для споров. Скорее всего, часть из них так и не найдет удовлетворительных подтверждений в будущем. Однако не выяснение отдельных нюансов научных дискуссий представляется главным при знакомстве с ладожскими древностями. Все участники подготовки выставки и каталога в первую очередь надеялись донести до широкого зрителя свою любовь к Старой Ладоге и русской истории. Если наши надежды оправдались, то эта выставка выполнила свое предназначение.

Д.А. Мачинский

ЛАДОГА – ДРЕВНЕЙШАЯ СТОЛИЦА РУСИ
И ЕЕ «ВОРОТА В ЕВРОПУ»

В последней трети 2-го тыс. до н.э. произошел (по данным естественных наук) прорыв вод переполненного Ладожского озера (15–18 м над уровнем моря у его южного берега) в Балтику на месте современной Невы. Падение уровня озера могло растянуться на несколько веков, но не позднее середины 1-го тыс. до н.э. он приблизился к современному состоянию (ок. 4–5 м над уровнем моря). Тогда-то и Волхов и Нева приобрели тот облик, в котором они предстали перед глазами первых славян и скандинавов, появившихся еще тысячелетие спустя на их берегах. На Волхове возникли каменистые пороги, ранее перекрытые высокой водой, а теперь отчетливо отделявшие от остальной реки его нижнее течение, где со временем возникла Ладога, первая столица Руси. Нева превратилась в плыводную протоку, воспринимавшуюся как устье великого озера Нево (Ладожское), которое «ввидеть в море Варяжское». Постепенно сформировалась промывная дельта Невы, где судьбой и природой предназначалось место для Санкт-Петербурга, позднейшей (по времени возникновения) столицы России. «Невы державное теченье» властно несло ладьи и корабли на запад, а господствующие в этих местах западные ветры естественным образом гнали парусные суда на восток.

Реки бассейна Ладожского озера в трех местах сближаются своими истоками с истоками рек Волжско-Каспийского бассейна, и, таким образом, вся Восточная Европа, именовавшаяся у античных авторов (в широком смысле) Скифией или Сарматией, получала после прорыва Невы то место, где наиболее естественно могли возникнуть некие «ворота», ведущие в Европу Западную, т. е. в собственно Европу в пушкинском смысле этого понятия.

Путь торговых и культурных контактов между Приуральем и Южной Финляндией существовал уже во 2-м тыс. до н.э., до прорыва Невы, однако он становится более отчетливым и достигает Скандинавии после прорыва, в конце 2–1-го тыс. до н.э. Но очарование античного мира делало более притягательным южное направление, и, начиная с последней трети 1-го тыс. до н.э. до VI–VII вв. н.э., галлы, затем германцы и, наконец, славяне последовательно устремляются и переселяются на берега Дуная, Средиземного и Черного морей. И лишь с конца седьмого века, а особенно в веке восьмом, когда многочисленные группы славян, получив отпор

от Византии и почувствовав удары новых тюркских кочевников (болгар и хазар), мигрируют на север, когда у скандинавов на Балтике получает широкое распространение парус (VI–VII вв.), когда возникают новые мощные государства – очаги культуры, центры производства и рынки сбыта одновременно (Франкское королевство, позднее империя, и Арабский халифат), – тогда и начинается новая эпоха на берегах Ильменя, Волхова и Невы.

В это время на землях, занятых ранее финноязычными племенами, происходит расселение двигавшихся с юга славян и, видимо, балтославян, встречавшихся здесь с приходящими с запада относительно малочисленными, но весьма напористыми группами скандинавов (северные германцы).

Христианская и исламская цивилизации, довольно жестко противостоявшие друг другу на юге, в Средиземноморье, одновременно опосредованно соприкасались и обменивались многими экономическими и культурными импульсами через торговые пути на севере, наиболее мощные из коих пролегли по Волго-Балтийскому пути через земли, заселенные более веротерпимыми язычниками – финнами, славянами и скандинавами.

И в важнейшей точке этого пути, в нижнем течении Волхова, к северу от порогов, возник контролирующий этот путь центр – протогородское поселение Ладога/Альдейгя, ставшее столицей древнейшего раннегосударственного образования, господствующий этносоциум которого именовался русь/рос. С помощью воздвигнутых на Волхове и Сяси крепостей, опираясь на свой флот, правители Ладоги могли контролировать все три речные ветви Волго-Балтийского пути (по Волхову, Сяси, Свири), замыкавшиеся на Ладожское озеро и Неву.

Таким образом, древнейшая Ладога возникла как некий контрольный пункт и одновременно – широкие ворота, ведущие из Восточной Европы в Западную и обратно. И судя по свидетельствам письменных источников и археологическому материалу, Ладога может быть уподоблена именно воротам. Широко и необдуманно используемый ныне пушкинский образ «в Европу прорубить окно» – весьма двусмыслен и содержит горький для «невыездного» Пушкина подтекст: через окно нельзя ни ходить, ни ездить, можно только смотреть и лазить тайком. Недаром этот образ возник в вводной части «Медного всадника», рассчитанной на высочайшее одобрение, в единственной части поэмы, которую Пушкину было разрешено напечатать еще при жизни. К этому образу Пушкин сделал многозначительное примечание: «Альгаротти (итальянец, побывавший в России в 1739 г. – Д. М.) где-то сказал: “Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу”».

Итак, древняя Ладога – это «ворота в Европу», и такие ворота, которые «прорубались» одновременно и приплывавшими с запада скандинавами, и расселявшимися с юга на север славянами. «Варяжское море» русской летописи, простиравшееся на западе «до земли Агнянски и до Волошьски», т. е. до Англии и Франции, – это не просто Балтика, а все «Сканди-

навское Средиземноморье», включающее Балтику и Северное море до Ла-Манша на западе. И неотъемлемой частью этого Северного Средиземноморья были, как явствует из летописи, озеро Нево и, прибавим, нижнее течение Волхова, до которого по XIII в. свободно доходили морские суда. Так что древняя Ладога/Альдейгья одновременно принадлежала и к континентальному единству, известному в разные времена под именами Скифия, Сарматия, Гардарика, Русь, Россия, Восточная Европа, и к единству морскому: Варяжскому морю, Скандинавскому Средиземноморью, «Циркумбалтийскому культурному ареалу».

История освоения славянами и скандинавами прилегающих к Волхову земель отчетливо выражена в истории сложения самих названий «Ладога» и «Русь».

Исходным для названия первой столицы Руси является убедительно реконструируемый лингвистами прибалтийско-финский гидроним *Ala-djogi – «нижняя река», где «ala» означает «низ, нижний», а «djogi» (диалектное «djogi») – «река». Из этого гидронима происходит скандинавское название поселения на берегу этой «Нижней реки» – «Aldeigja», а из него – славянское «Ладога». С момента построения здесь крепости поселение приобретает названия «Aldeigjuborg» и «город Ладога».

Обычно считается, что «Нижней рекой» называлась речушка, ныне именуемая «Ладожка» или «Еленка», при впадении которой в Волхов и возник город Ладога. Полагаю, что в действительности название «Ala-djogi» – «Нижняя река» относилось к нижнему течению Волхова севернее порогов, куда беспрепятственно могли входить морские суда, а Ладогой первоначально называлось не только центральное поселение Северного Поволховья, но и все нижнее течение Волхова вместе с его берегами, освоенными разноэтничным населением.

Как было установлено независимо друг от друга русским ученым А.А. Куником (одно время исполнявшим обязанности директора Императорского Эрмитажа) в 1844–1845 гг. и знаменитым датским ученым В. Томсенем в 1879 г. название «русь», первоначально обозначавшее господствующий этносоциум, сложившийся в Поволховье и Приильменье, восходит к финскому наименованию шведов «ruotsi» (с праформой rotsi), из которого фонетически безупречно выводится славянская форма «русь». Само финское слово возводится к древнескандинавскому глаголу со значением «грести» и отражает самоназвание тех приморских групп шведов, которые еще на гребных кораблях достигали восточных финских берегов Балтики (современное название побережья Швеции на широте Петербурга – Roslagen). От этой древнескандинавской основы «roth» и ее производных, вероятно, и произошли греческие «рос» и «Rosia», обозначавшие в Византии этнос «русь» и страну «Русь»; позднее, после женитьбы Ивана III на византийской принцессе Софье Палеолог этот вариант возобладал и на Руси, приобретя форму «Россия». Таким образом, двувариантный корень «русь/рос», лежащий в основе именовании России и русских, имеет скандинаво-финско-славянско-греческое происхождение. Этот этноним

первоначально обозначал скандинавских переселенцев, затем двуязыкий славяно-скандинавский этносоциум, являвшийся ядром складывающегося государства с последовательными центрами в Ладоге, Новгороде и Киеве, и, наконец, славяноязычный этнос и государство.

Самые ранние и дополняющие друг друга сведения о Ладоге и Северной Руси IX–X вв. содержатся в двух древнейших (из частично сохранившихся) русских летописных сводах.

Наиболее полный и логичный рассказ о начале русской государственности содержится в так называемой «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), общерусском летописном своде, составленном в Киеве в начале XII в. и вобравшем в себя летописные и иные записи (как новгородские, так и киевские) конца X–XI вв., а также устные предания о событиях IX–XI вв. как северного (ладожско-новгородского), так и южного (киевского) происхождения.

В этом своде используются сведения, почерпнутые из византийских хроник и впервые вставляются в текст летописи договоры Руси с Византией. ПВЛ отражает в основном столичный, великокняжеский взгляд на события древнейшей истории Руси. В ней сделана попытка увязать эпические предания с датированными данными хроник и договоров, что и привело к появлению пусть условных, но, как увидим, не слишком отличающихся от истинных дат вокняжения Рюрика, Олега и Игоря в Ладоге, Новгороде и Киеве. ПВЛ представлена рядом списков, из которых семь являются наиболее достоверными и постоянно используются в комментариях при издании ПВЛ в целом или ее отдельных списков.

Нужно отметить, что древнейшие события русской истории изложены в летописях в основном на базе сокращенного пересказа устных преданий, и в этом отношении соответствующие тексты как ПВЛ, так и летописей новгородской традиции сопоставимы со скандинавскими «сагами о древних временах» или наиболее ранними «королевскими сагами» (вернее – с краткими пересказами sag).

Из семи наиболее достоверных списков ПВЛ в пяти сказано, что Рюрик первоначально «седе» в Ладоге (Лагоде). В двух название города, где сел Рюрик, намеренно опущено, чем нарушена логика текста. На самом деле и эти два списка свидетельствуют в пользу того, что в общем протографе упоминалась именно Ладога. Если переписчик, писавший в Северо-Восточной Руси, увидел бы в исходном тексте хоть что-то похожее на хорошо ему известное название «Новгород», о котором как о месте первичного вокняжения Рюрика сообщали летописи новгородской традиции, то он несомненно начертил бы это название в своей рукописи. А имя Ладоги, к концу XIV–XV вв. ставшей маленьким городком на окраине Руси, не вызывало у летописцев московско-суздальской ориентации ни особых ассоциаций, ни особых симпатий, а, скорее всего, в качестве названия первой столицы Руси, вызывало недоумение, которое и выражалось в опущении его в тексте или в неправильном написании.

На переписчиков, вероятно, оказывала влияние знакомая им по текстам и в устном пересказе традиция новгородского летописания, принимавшего в качестве первой столицы Рюрика только Новгород (об этом – ниже). Однако ни в одном из авторитетных списков ПВЛ Новгород в качестве первой резиденции не назван.

Кроме того, в ныне утраченных древних списках ПВЛ, которые успел использовать в своей «Истории Российской» В.Н. Татищев, также в качестве первой столицы упоминалась только Ладога. Среди опорных для Татищева списков на первом месте стоит пергаменный Раскольниковский манускрипт, в подлинности и древности которого не сомневался ни один серьезный и объективный исследователь, а также близкий ему Голицынский список.

Ипатьевский список ПВЛ с его развернутой «ладожской» версией, как ныне считается, представляет собой первоначальную сохранившуюся редакцию ПВЛ. Приведем наиболее полный текст эпического сказания по этому списку, помещенный под 862 г., выделяя в нем хронологически последовательные блоки событий. После рассказа о варягах, приходящих «из заморья» и взимающих дань «на чюди, на словенех, и на мерях, и на всех кривичах» следует:

«В лето 6370 [862 г.]. И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети. И не бе в них правды. И въста родъ на род и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша.

И ркоша: “Поищем сами в собе князя, иже бы володель нами и рядил по ряду, по праву”. И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же оурмани, англыане, инеи и готе, тако и си. Ркоша русь, чюдь, словени, кривичи и вся: “Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжит и володеть нами”.

И избращася трие брата с роды своими и пояша по собе всю русь, и придоша к словенем первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрикъ, а другой Синеусъ на Беле озере, а третей, Труворъ в Изборьске. И от техъ варягъ прозвася Руская земля.

По дъвою же лету умре Синеусъ и брат его Труворъ. И прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Илмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша и Новъгород, и седе ту княжа» (Ипатьевская летопись).

(По другим спискам восстанавливается грамматически правильное чтение: «и прозва и Новъгород».)

Последующий рассказ ПВЛ о Рюрике завершается сообщением о его смерти в 879 г. и о передаче им княжения своему родичу Олегу, под покровительство которого он отдает малолетнего сына Игоря.

Перед нами явно запись эпического предания, передававшегося устно и обладающего внутренней логикой, соразмерностью и ритмом. Из всего текста определенно выпадает лишь фраза «Сице бо звахуть...», представляющая собой краткую «справку о разных варягах», данную эрудированным летописцем. Если выбросить эту фразу, то оказывается, что все четыре блока, соответствующие четырем хронологически последовательным этапам,

имеют примерно одинаковые размеры. Три первых блока ритмически организованы многократными созвучиями глаголов множественного числа («и изгнаша..., и не даша..., и почаша..., и быша»), в ритмику коих дважды вставлена прямая речь, а четвертый, повествующий о возникновении «единодержавия Рюрика», – энергичными повторами глаголов первого лица единственного числа («и прия..., и пришед..., и срубил..., и прозва..., и седе»).

Весь текст логичен и непротиворечив, хотя излагаемый комплекс событий уникален, по меньшей мере, в истории Европы (обычно приводимые якобы аналогичные сказания отличаются от нашего в узловых моментах).

Отметим три не вполне ясные темы в приведенном тексте, привлекавшие внимание и вызывавшие споры, но ныне, на мой взгляд, проясняющиеся в свете данных Татищева и археологии.

1. В пяти списках (из них три древнейшие) некая «русь» названа первой среди этносов, приглашающих варягов-русь. То же имеет место и в списках В.Н. Татищева. В двух вместо «русь» написано «руси», т. е. как бы имеются в виду заморские варяги-русь, к которым обращаются послы. Первое чтение, по большинству списков и по смыслу, представляется более вероятным – т. е. некая русь (но не «вся русь») уже находится к началу событий в Восточной Европе и вместе с другими этносами приглашает заморскую «всю русь». С этим согласуется и то, что в ПВЛ в вводной части русь также названа дважды: среди варягов и среди народов Восточной Европы, причем в последнем случае в той же связке «русь, чудь», в которой она выступает и в сказании о призвании. Кроме того, выражение «поищем сами в себе князя» предполагает, что князь ищется в пределах того круга этносов, которые его призывают, т. е. у заморской руси, видимо сохраняющей определенное единство с местной русью, соседствующей с чудью и словенами. То, что эта русь не перечислена ранее среди этносов, платящих дань заморским варягам, вполне понятно: все, что мы знаем об этой руси из других источников, говорит о том, что дань на этносоциум, носивший это имя в IX–X вв., наложить было крайне трудно. Его можно было или уничтожить, или с ним договориться.

Итак, высока вероятность, что в первоначальном сказании речь шла о некой руси, уже находившейся в Восточной Европе к моменту появления здесь Рюрика.

2. То, что Рюрик первоначально «седе» (сел) в Ладогe, означает, что в Ладогe он «седе на столе», т. е. на том особом сидении конунга или князя, которое символизировало его власть и от коего и происходит слово «столица».

Фраза «срубиша (т. е. срубили. – Д. М.) город Ладогу» означает, что эту деревянную крепость в земле «словен» совместно построили все три брата «с роды своими» и со «всей русью», т. е. она, по преданию, строилась как главный «город» всей трехчастной северной «Русской земли», как место «стола», на котором «седе старейший в Ладозе Рюрик». Кроме

того, как отмечал еще С.М. Соловьев, сказание утверждает, что Рюрик дал имя «Новгород» укреплению, которое он «сруби» у Илмеря, но ничего не говорит о том, что Рюрик дал имя Ладоге или (позднее) Олег – Киеву, который, по ПВЛ, существовал задолго до Олега. Из этого с высокой вероятностью следует, что поселение Ладога существовало и до Рюрика, а при нем было лишь укреплено или дополнено крепостью.

Это предположение подтверждается безвариантным чтением в «Истории» В.Н. Татищева, опирающимся, в первую очередь, на Раскольничий манускрипт, представляющий собой прототип цитированного выше Ипатьевского списка. Вот это, возможно, древнейшее чтение сказания: «и утвердиша город Ладогу» (вместо «срубиша»), с возможным переводом «и укрепили город Ладогу», что предполагает и более раннее существование здесь поселения, а может быть, и первичного укрепления.

3. Отметим «топографическую точность» сообщений ПВЛ. Рюрик и Трувор садятся, соответственно, «в Ладозе» и «в Изборьске», а Синеус «на Беле озере», т. е. в некоей местности у озера, где не было «города» и где он, видимо, и не был построен. Первоначальное сказание в его скандинавском варианте, вероятно, имело в виду не город Белоозеро, никогда и позднее не входивший в состав Новгородской земли, а побережье озера Ладога, которое у скандинавов и называлось «Белым озером». Именно в последней трети IX в. появляются курганные могильники со скандинавскими элементами в обрядности и инвентаре в низовьях Ояти и Паши, впадающих в Свирь в непосредственной близости от залива Ладожского озера. Никаких укрепленных поселений здесь в отличие от Поволховья нет.

Также топографически точно и описание второй резиденции Рюрика, который «пришед к Илмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша и Новгород». Давно уж отмечено, что это описание подходит только к Рюрикову городищу у истоков Волхова (исконному владению новгородских князей, а позднее московских великих князей и царей), с вершины коего отлично просматривается Ильмень. Раскопки Е.Н. Носова убедительно доказали, что это и был древнейший «Новгород», именованный у скандинавов «Хольмгардом». Позднее эти имена перешли на собственно Новгород.

Но и в вопрос о соотношении Ладоги и первичного Новгорода (Рюрикова городища) сводный текст В.Н. Татищева вводит дополнительные оттенки. Если Ладога в списках Татищева именуется городом, то о Новгороде сказано «сруби *городок* (курсив наш. – Д.М.) над Волховом».

Итак, все древние и авторитетные списки ПВЛ, сохранившие полный вариант «Сказания о призвании», единогласно свидетельствуют о приоритете Ладоги, двукратно упомянутой в качестве центра возникающего государственного образования и резиденции Рюрика. При этом полный вариант «Сказания» отнюдь не игнорирует Новгород, называя его второй по времени столицей Рюрика.

Подробный анализ свидетельств большинства списков позволяет также считать высоко вероятным, что некое поселение «Ладога» и некий

этносоциум «русь» существовали в Поволховье и до прихода Рюрика. Свидетельства некоторых списков позволяют допускать, что в первоначальном «Сказании» Ладога рассматривалась как более значимый «город», чем первичный «городок» Новгород, и, возможно, сохраняла в некоторых отношениях это значение и какое-то время после создания «Рюрикова городка» у истоков Волхова.

Теперь обратимся ко второй, «новгородской» версии зарождения русской государственности и возникновения первой столицы Руси. В чистом виде «новгородская» версия присутствует только в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛМ), представленной несколькими списками, из коих древнейшим является Комиссионный (ок. середины XV в.). Все списки – на бумаге, в то время как три списка ПВЛ – пергаменные. НПЛМ имеет определенно новгородскую ориентацию, выраженную уже в ее заголовке, где утверждается приоритет Новгородской земли по отношению к земле Киевской в деле строительства первых «градов»: «и грады почаша бивати по местом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская».

Весь рассказ о начале Руси в НПЛМ носит явно следы сокращения, нарушающего логику эпического предания, более полно представленного в ПВЛ. Здесь не упомянуты ни русь в числе этносов, приглашающих Рюрика, ни «вся русь», которую привели с собой братья. Последняя заменена на «дружину многу и предивну» – от второго эпитета попахивает сказочностью. В итоге малопонятна концовка, почти дословно совпадающая с «ладожской» версией ПВЛ: «И от тех варяг <...> прозвашася Русь». Зато вместо опущенной «руси» на первое место в самом начале сказания выпячены «новгородстии люди» – как будто Новгород уже существовал до того, как словене и прочие, изгнав варягов, стали «города ставити». Да и выражение ПВЛ «въста родъ на родъ» выглядит архаичнее, чем «въсташа град на град» НПЛМ, от которого веет более поздней реальностью.

По НПЛМ Синеус, которому предстоит править на далеком «Беле озере», сначала прибывает в Новгород, дабы отсюда «получить распределение». Да и про первичный Новгород не сказано, что для строительства его надо прийти «к Илмерю».

Рассказ НПЛМ сокращен настолько, что из него совершенно выпало упоминание о смерти Рюрика. Не сказано в НПЛМ и о родственных связях Олега с Рюриком, тогда как в большинстве списков ПВЛ Олег назван родичем Рюрика, а в архаичном Раскольничьем обозначен как «вуй Игорь», т. е. брат жены Рюрика.

«Новгородская» версия явно возвеличивает Новгород и новгородцев и уменьшает или игнорирует роль местной «руси» и Ладоги, заморской «всей руси» и Рюрика с Олегом. Это более поздний, новгородский вариант легенды, преследующий чисто новгородские политические цели.

Однако, утвердив Новгород в роли первой и единственной столицы Рюрика, НПЛМ в дальнейшем невольно проговаривается об особой и важной роли Ладоги в системе складывающегося русского государства. Пересказывая под 922 г. легенду о походе Олега на Царьград (реально имевшем

место в 907 г.), НПЛм сообщает, что Олег после победоносного похода, проехав через Киев и Новгород, возвращается именно в Ладогу, где после укуса змеи его и хоронят: «есть могила его в Ладозе». Создается впечатление, что здесь НПЛм как бы кратко пересказывает концовку саги о деяниях вождей, пришедших с Рюриком, которая начиналась и кончалась двукратным упоминанием Ладоги. Создается впечатление, что Ладога еще в начале X в. оставалась резиденцией (столицей домена?) родичей Рюрика и главным местом их захоронения. Вероятно, Олег был похоронен в Ладоге отчасти потому, что там ранее был погребен или сам Рюрик, или другие их родичи. Это подкрепляется тем, что авторитетные списки и ПВЛ и НПЛм не сохранили никакой памяти ни о месте и обстоятельствах смерти, ни о могиле Рюрика, что было бы невозможно, если бы он был похоронен в окрестностях Новгорода. Стоит обратить внимание на сообщение одной компиляции из летописных данных, составленной в 1492 г. и сохранявшейся до конца XVIII в. в одном бесценном списке: «В лето 6387 [879 г.] умре Рюрик в войне в Кореле». С карельского перешейка проще довести тело вождя до Ладоги, чем до «Рюрикова городка» у истоков Волхова.

Сообщение НПЛм о могиле Олега в Ладоге (предполагающее наличие рядом с ней погребений его родичей и сподвижников) находит археологическое соответствие в варяжском могильнике на Плакуне напротив Ладоги (об этом – ниже).

При этом никаких достоверных следов дружинного могильника в окрестностях «Рюрикова городища» и Великого Новгорода пока не обнаружено.

Итак, предание о начале «Русской земли», отразившееся в обоих древнейших летописных сводах, представлено в «Повести временных лет» в своем более древнем, достоверном и логичном варианте, в соответствии с которым древнейшей столицей Руси была Ладога.

Вполне вероятно, что рассказ о двух братьях Рюрика включен в текст сказания в соответствии с каноном фольклорной троичности. Однако, как показал немецкий лингвист Г. Шрамм, имена всех братьев представляют лингвистически достоверную трансформацию в славяно-финской среде трех конкретных скандинавских имен, которые, видимо, носили конкретные вожди, оставившие свой след в локальных эпических преданиях «в Изборьске» и «на Беле озере». Само имя «Рюрик» безупречно выводится из скандинавского *Rögerek* («Рёрек»), вызывая в памяти имя знаменитого Рёрека Фрисландского из рода датских конунгов, – личность либо современную русскому Рюрику, либо тождественную с ним. А все три брата олицетворяют представление о трех путях проникновения скандинавов из Финского залива в Восточную Европу: по Неве, Ладожскому озеру и Волхову (Рюрик), по Нарве, Чудскому озеру и Великой (Трувор в Изборске) и из Ладожского озера по Паше и Свири (Синеус на Беле озере).

Древность столичного статуса Ладоги находит подтверждение в трех скандинавских «сагах о древних временах», повествующих (как явствует

из приведенных в них родословных) о событиях середины IX – начала X в. и во многом родственных древнейшим сказаниям, сокращенно изложенным в летописи. Несмотря на изрядную долю фантастики и поздние наслоения, вызванные влиянием рыцарских романов, эти саги сохранили некое ядро, отражающее реальность времен их первичного возникновения. Так, во всех трех сагах резиденцией конунга (т. е. столицей) Гардов/Гардарики (т. е. Руси) всегда является Альдейгья/Альдейгьюборг (Ладога), а не Хольмгард/Ногард (Рюриков городок), также упоминаемый в них.

Более того, в сохранившей реалии конца IX – начала X в. «Саге о Хрольве Пешеходе» (прототипом коего послужил знаменитый Ролло, основатель герцогства Нормандии) рассказывается о длительной его борьбе за обладание столицей конунга Альдейгьюборгом, а в конце сообщается, что сам он «сел на столе» в Хольмгарде. Таким образом, сага подтверждает реальность намеченной летописью тенденции к переносу столицы в глубь страны, от низовьев Волхова к его истокам. В одном из списков саги имеется термин, переводимый как «главное место сидения конунга», т. е. столица. Фантастические сюжеты, связанные в саге с конунгом Альдейгьюборга (волшебный конь, предчувствующий смерть конунга, змееобразный противник, волшебный щит, культ кургана конунга), чрезвычайно напоминают летописные сказания об Олеге, также связанном в новгородском летописании с Ладогой.

В «Саге о Хальвдане Эстейнссоне», повествующей, по данным родословных ее героев, о более ранних временах (850–870-е гг.), сообщается о преклонного возраста конунге Альдейгьюборга по имени Хергейр (Hergeir), защищающем город от нападения норвежских викингов и гибнущем в сражении. Г.В. Глазырина утверждает, что это имя изредка встречается только в поздних (XIV–XV вв.) норвежских и исландских письменных памятниках, а «в более ранних источниках не отмечено». Она права формально, но не по существу. В «Книге о жизни... преподобного Ансгария», первого крестителя свеонов (шведов), рассказывается, что в 829 г. послы свеонов просят у императора Людовика Благочестивого священников для проповеди у них христианства. Туда отправился Ансгарий, и главным его успехом было крещение в торговом городе Бирке второго после короля человека в государстве свеев по имени Херигар (Herigar). Когда в 850–851 гг. на Бирку нападают датчане, обороной крепости, расположенной рядом с Биркой, руководит именно Херигар, уже постаревший и вскоре после этого умерший. Не взяв крепость, датчане около 851–852 гг. нападают на «далекий город в пределах славян» и разграбляют его. По предположению А.Н. Кирпичникова, которое можно подкрепить дополнительной аргументацией, этим городом была Ладога/Альдейгья (Кирпичников, Сарабьянов 1996. С. 83). А имя Herigar в латинском тексте жития св. Ансгария представляет лишь несколько измененное в иноязычной среде скандинавское имя Hergeir.

Таким образом, примерно в одно и то же время обороной Бирки в Швеции и тесно связанной с ней прямым торгово-военным путем Ладогой/Альдейгьи

руководят престарелые вожди, носящие одно и то же, редкое в это время имя. Враги их, западные скандинавы, в первом случае – датчане, во втором – норвежцы, причем главный герой последних носит имя Хальвдан («полудатчанин»). Высоко вероятно, что ядром «Саги о Хальвдане» является эпическое предание о действительных событиях, происходивших на Балтике и в Приладожье в 850–860-х гг.

Данные рассмотренных саг убеждают в том, что Рюрик, «сядась» в Ладоге, лишь продолжал существовавшую задолго до него традицию, соответственно с которой Альдейгья была постоянным «главным местом сидения» (столицей) конунгов (князей), борющихся за обладание военно-торговым путем по Волхову, который вел на юг к Днепру и через Ильмень и Мсту – на восток и юго-восток. По археологическим данным присутствие в Ладоге и славян (или балтославян), и скандинавов прослеживается еще начиная с 750–760-х гг. Есть серьезные основания полагать, что глава Волховско-Ильменской Руси уже за поколение до вокняжения Рюрика претендовал на титул более высокий, чем князь или конунг. Во франкских «Бертинских анналах» сообщается, что в 839 г. к императору Людовику Благочестивому вместе с послами византийского императора Феофила прибыли из Константинополя послы «хакана» народа «Rhos», оказавшиеся при проверке этническими «свеонами» (шведами). Посольство «хакана» выехало из Руси не позже 838 г. и возвращалось назад через Рейн по пути, ведущему в «Варяжское море», т. е. на север Руси. Как явствует из всей суммы археологических источников, никакого другого достаточно крупного военно-торгового центра, кроме Ладоги, где бы уже к 830-м гг. скандинавы составляли значительную часть населения, особенно в верхних слоях общества, на территории Руси не существовало. В частности, в 830-х гг. еще не существовал единственный серьезный конкурент Ладоги на титул столицы Руси в это время – Рюриков городок у истоков Волхова. Так что резиденция «хакана» народа «рос» в 830-х гг. могла находиться лишь в районе современной Ладоги.

Сам титул «хакан» говорит об ориентации народа «рос» на контролируемые каганом хазар волжско-донские торговые пути, ведущие в страны Арабского халифата, а также о зарождении смутных «имперских амбиций» у русов уже в первой трети IX в., поскольку этот титул со времени Тюркского каганата VI–VII вв. был иерархически сопоставим с титулом «император». Позднее титулом «каган» арабские авторы последней трети IX–X вв. именовали владыку северной «руси», княжившего на болотистом острове, окруженном озером – т. е., видимо, в древнейшем Новгороде (Рюриковом городке). Еще позднее титулом «каган» русский митрополит Илларион в XI в. именовал и Владимира Святославича, и Ярослава Мудрого, княживших в Киеве.

Примерно к этому же времени (830–850-е гг.) восходит сообщение арабоязычного писателя Ибн-Хордадбеха о том, что русы «вид славян... из отдаленнейших земель славян» через земли хазар привозят в Багдад лучшие меха и мечи и торгуют там, выдавая себя за христиан.

«Отдаленнейшие земли славян» при взгляде из Багдада – это, несомненно, Поволховье. Лучшие меха, как известно, происходят из таежной зоны, в которую входит Приладожье. А что касается высококачественных мечей, ценившихся в исламском мире, то единственное достоверно известное место находки в Восточной Европе древнейшего меча типа В (VIII–IX вв.) находится в Приладожье (дер. Бор на Ояти). Кроме того, многочисленные деревянные модели мечей (для игр и тренировок мальчиков) происходят из культурного слоя Ладоги второй половины VIII в. и позднее, при этом некоторые из них явно воспроизводят настоящие мечи типа В и производного от него типа Н (кат. 306–310). Мечи эти франкского (рейнского) производства; викинги и скандинаво-славянские русы покупали или захватывали их и перепродавали на арабский Восток.

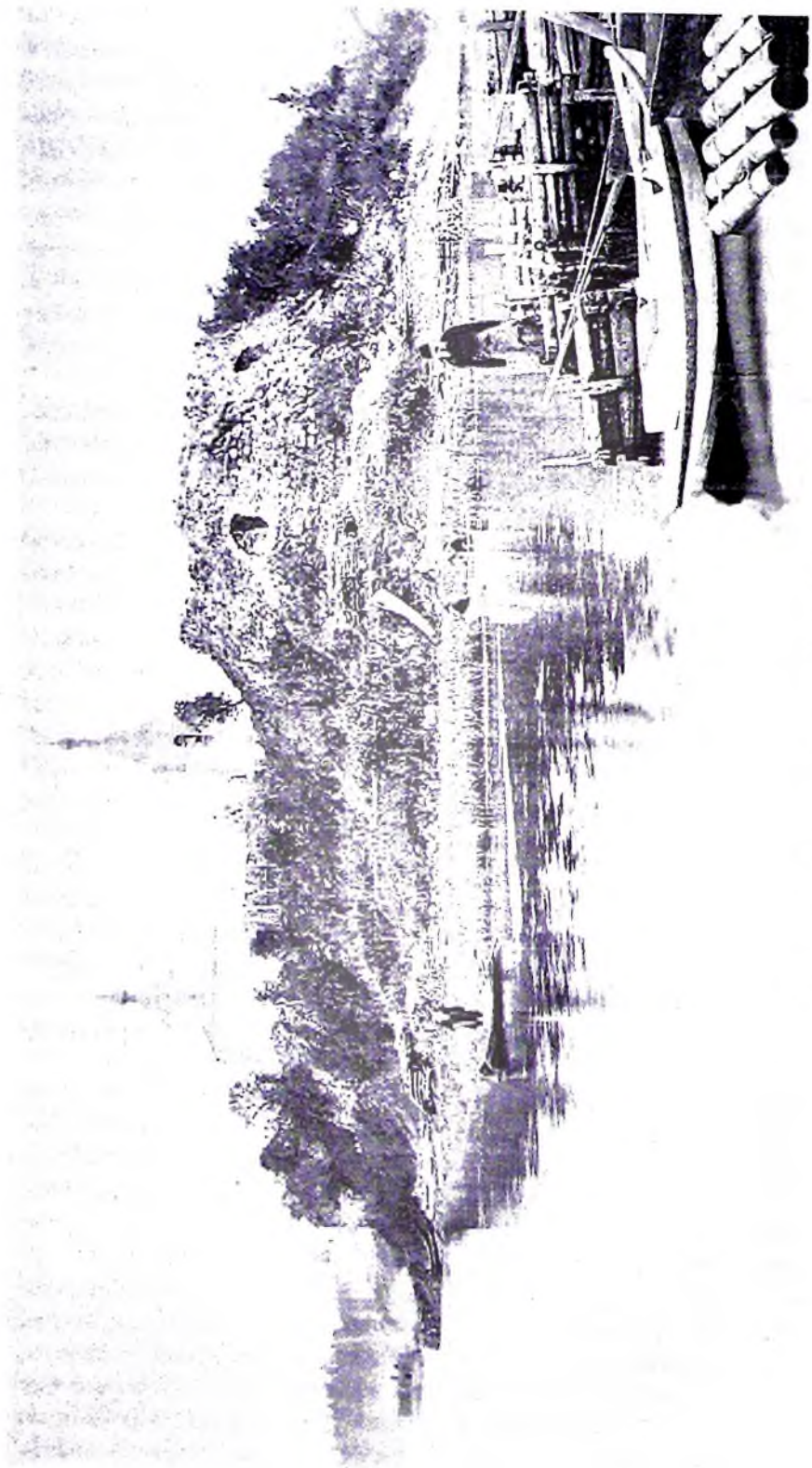
Однако не только отдельные детали, но и вся система письменных источников, освещающих историю Северной Руси, находит убедительное подтверждение в археологических исследованиях и находках в Ладоге, Приладожье и Поволховье.

Ядром древней Ладоги и одновременно местами давних археологических исследований являются территория каменной крепости, расположенной на мысу, образованном Ладожкой и Волховом, и Земляное городище, расположенное южнее, где земляные укрепления (датируемые разными исследователями в диапазоне конца XV – начала XVII в.) перекрыли и законсервировали более ранние культурные слои. Раскопки Н.Е. Бранденбурга в каменной крепости, Н.И. Репникова, В.И. Равдоникаса, Г.П. Гроздилова и Е.А. Рябинына на Земляном городище были этапными в археологическом изучении древней Ладоги, которое ныне продолжается экспедицией под руководством А.Н. Кирпичникова.

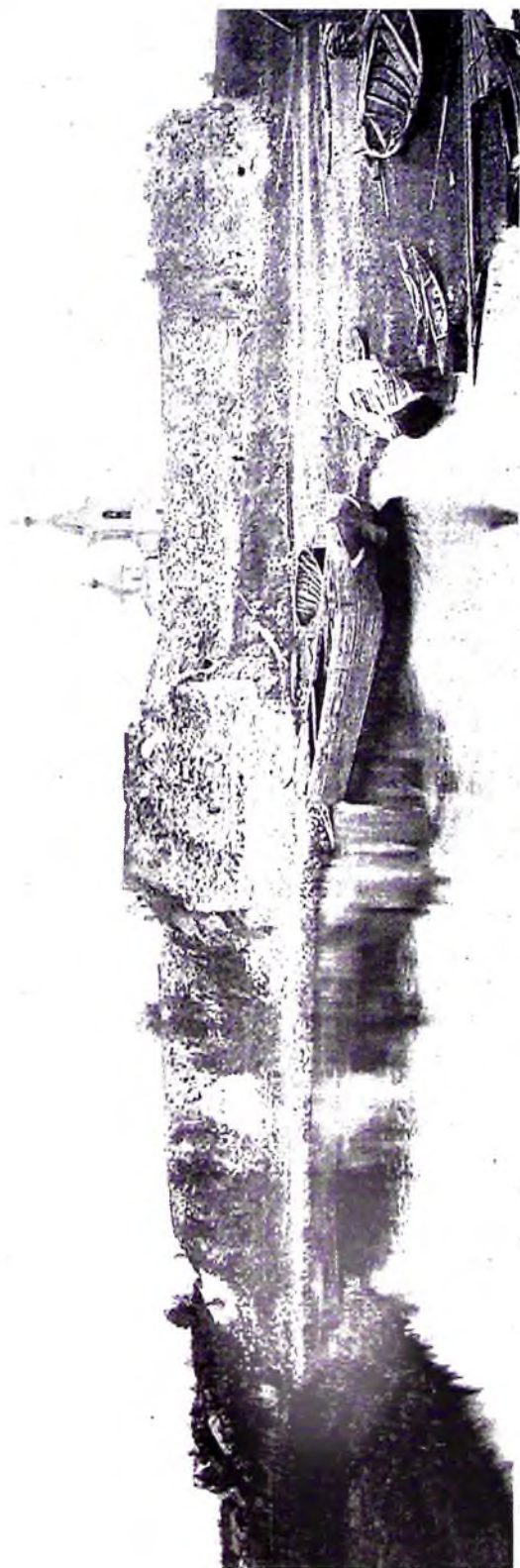
При раскопках Е.А. Рябинына в 1973–1975 и 1981–1985 гг. на Земляном городище обнаружены древнейшие деревянные постройки в самом основании культурных напластований, бревна из которых Н.Б. Черных датировала дендрохронологическим методом 750–760-ми гг. Два древнейших бревна срублены в 753 г., и с этого момента прослеживается нарастающая по количеству ежегодная рубка деревьев и строительство вплоть до 780-х гг., а с небольшими перерывами – и далее до 970-х гг.

Древнейшая дендродата (753 г.) на Земляном городище (где были открыты и разнообразные мастерские VIII–X вв., и «аристократические» дома знати IX–X вв., занимавшейся сбором дани и торговлей, где в 1153 г. был заложен главный храм Ладоги – собор Святого Климента) ныне обоснованно считается начальной вехой в истории Ладоги, важнейшего поселения Поволховья, а позднее – столицы изначальной Руси.

Однако начало сложения культуры волховской «руси» относится ко времени еще более раннему, чем 753 г. Характернейшей чертой этой культуры являются своеобразные культово-погребальные сооружения – «сопки», сооружавшиеся иногда сразу, а иногда в несколько приемов на высоких коренных берегах Волхова и Сяси (а позднее – и других рек Северо-Запада) и достигавшие в законченном виде 6–10,5 м в высоту. Первоначальная

Вид крепости с северной стороны, 1880–1890-е гг.

Вид крепости с западной стороны, 1896 г.

культово-погребальная площадка наиболее сложных по конструкции сопок сооружалась на специально подрезанном возвышенном основании, обычно окруженном венцом из камней. На плоской площадке размещались разнообразные вымостки, стенки, очаги и другие конструкции из камней, рядом с которыми совершались одно-два погребения по обряду сожжения, сопровождаемые чрезвычайно скудным набором вещей. Позднее над первоначальной площадкой возводились земляные насыпи, также содержащие остатки погребений и иногда каменных конструкций. Всего в насыпи сопки обычно совершалось не более четырех-пяти погребений, остальные располагались у подножия сопки, за пределами каменного венца.

Эти высокие крутобокие насыпи, вытянутые вдоль реки и хорошо видные с воды, явно связаны с некой языческой религией, складывающейся в Поволховье. Скорее всего, это была принесенная позднее с севера в Киев варяго-славянской дружиной Вещего Олега религия двух противостоящих и взаимодополняющих божеств: Перуна – бога верха, неба, молнии, воинов, оружия, золота и Волоса/Велеса – «скотьего бога», бога низа, воды, животных, возможно мыслившегося в образе змеи или медведя.

На Волхове сопки простираются по левому берегу от древнего святилища Перынь в его верховьях до дер. Велеша в его низовьях, сохранившей в своем названии (по догадке Г.С. Лебедева) память о втором святилище.

В нижнем ярусе одной из сопок, раскопанной Н.Е. Бранденбургом в урочище Победище к югу от Ладоги, было обнаружено захоронение сожженных костей человека и коня, когтевые фаланги лапы медведя, а также части пояса так называемого «неволинского типа», характерного для погребений Прикамья конца VII – первой половины VIII в. (кат. 316–320); встречаются такие пояса и в Южной Финляндии, и в Эстонии, а один раз – и в Центральной Швеции. В северной части нижнего яруса была обнаружена треугольная каменная вымостка, имеющая аналогии и истоки в подобных более ранних и синхронных древностях Швеции; такие вымостки встречены только в сопках Нижнего Поволховья, и всегда в нижнем ярусе. Таким образом, в древнейшем ярусе древнейшей сопки обнаружено сочетание предмета финно-угорского культурного круга и каменной конструкции круга скандинавского, что вполне соответствует истории сложения наименования *Aldeigja*/Ладога. В Южной Финляндии такой пояс встречен в одном погребальном комплексе с застежкой-фибулой, аналогичной той, которая найдена у подножия группы сопок к северу от Ладоги (кат. 313), и с наконечником дротика, подобным тому, что найден в грандиозной Полой сопке, известной ныне как «Олегова могила» (кат. 311). Дротик может датироваться VIII – началом IX в., такие фибулы в Скандинавии встречаются в VI в., а в Финляндии существуют еще дольше, но не позднее рубежа VII–VIII вв.

Таким образом, начало сложения культуры «руси» Поволховья, в том числе обряда захоронения в сопках, относится не позднее, чем к первой

половине VIII в., и уже в это время фиксируются сакрально-культурные связи, простирающиеся от Приуралья на востоке до Швеции на западе. Как уже отмечалось, сопки отличались грандиозностью размеров и каменных конструкций, но чрезвычайно бедны вещами, а в культурном слое поселений вещи (кроме обломков керамики и бус) обычно немногочисленны. Поэтому многие типы вещей в Поволховье представлены единичными экземплярами, являющимися как бы символами стоящих за ними процессов, тем более что иногда эти единичные вещи зачастую оказываются и единственными представителями данного класса предметов на территории всей Руси.

К отголоскам очень ранней традиции вещей с выемчатой эмалью (III–V вв.) относится уникальная формочка, найденная на Земляном городище в слое середины IX в., предназначенная для отливки лунницы, уже лишенной эмали и датируемой в пределах VI–VII вв. (кат. 75). Отдаленные более ранние аналогии этой вещи обнаруживаются на юге, на Днестре и Днепре. Возможно, к этому же кругу вещей относится круглая бронзовая фибула, найденная в основании культурного слоя при раскопках Н.К. Стеценко в Каменной крепости; в ней, по мнению автора раскопок и Д.А. Мачинского, чувствуются поздние отголоски композиционных схем вещей с эмальями.

Однако, несомненно, некие существенные сдвиги в жизни Нижнего Поволховья начинаются около середины VIII в. В это время заселяется территория Земляного городища, где сразу же возникает кузнечно-ювелирная мастерская, в которой найден клад скандинавских инструментов (кат. 91–109), наверхие (кат. 368) с головкой Одина (?) и одновременно кривичское женское височное кольцо, вероятно изготовленное в этой же мастерской (кат. 125).

Начиная с 750–760-х гг. и в домостроительстве Ладоги, и в наборе украшений отчетливо чувствуются две основные традиции: восточно-европейская, преимущественно славяно-балтская, и скандинавская. Финский компонент заметен в древнейшем погребении в сопкообразной насыпи в урочище Плакун на другом берегу Волхова, где наряду с фризским гребнем VIII в. обнаружены деревянные носилки – предметы, свойственные погребальному обряду финноязычных народов.

Древнейшая в Ладоге арабская монета 699/700 г. (кат. 232) встречена уже в культурных отложениях 760-х гг., а мощный поток арабского серебра, распространяющегося по Волго-Балту, достигает Ладоги в последней четверти VIII в. Тогда же в Ладоге появляются импорты с территории Хазарского каганата – салтовские синие стеклянные лунницы (кат. 190) и перстни. Из Передней Азии и Западной Европы в Ладогу и ее окрестности привозятся стеклянные бусы, служившие «колониальным товаром» при скупке мехов у таежных финноязычных охотников. С 750–760-х гг. появляются детские деревянные модели мечей (кат. 306–310), говорящие о широком распространении их «взрослых» прототипов. С этого же времени в Ладоге встречаются заклепки (кат. 218–222, 316–364) и доски от морских и речных судов, говорящие о том, что Ладога была крупным

торговым портом и перевалочным пунктом, где товары перегружались с морских судов на речные (и обратно), хотя иногда морские суда в IX–X вв. доходили и до Рюрикова городка у истоков Волхова.

Раскопки Е.А. Рябинина в городище Любша, расположенном на правобережье Волхова, в двух километрах по прямой к северу от Ладоги, показали, что в первой половине VIII в. здесь гибнет в огне пожара древоземляное укрепление местного финноязычного населения, и на месте его в середине VIII в. возникает уникальная каменно-земляная крепость, видимо имеющая ближайшие аналогии в славянских крепостях Подунавья и Польши. В кладе на городище Холопий городок у истоков Волхова и в сопке на правом берегу Волхова против каменной крепости обнаружены уникальные для Восточной Европы удила с псалиями, увенчанными зооморфными головками, имеющие прямые аналогии в славянских могильниках VIII в. в Среднем Подунавье (кат. 342).

Возможно, во второй половине VIII в. заселяется (и укрепляется?) территория каменной крепости в Ладоге. Об этом, кроме описанной выше фибулы, говорит находка в крепости в районе церкви Святого Георгия уникального для Руси золотого арабского динара 738/39 гг. или хазарского подражания ему. Подобные динары встречаются в Восточной Европе только на территории Хазарского каганата, в том числе в кладе, зарытом на рубеже VIII–IX вв.

К рубежу VIII–IX вв., кроме поселения в собственно Ладоге и сопки Нижнего Поволховья, уже существует городище Любша, прикрывающее Ладогу от набегов с севера, сопки и городок на р. Сясь у села Городище (Алаборг скандинавских саг), контролирующий кратчайший водный путь на юго-восток, а также естественно укрепленные городки – Дубовики у северной границы порогов и Холопий городок в верховьях Волхова, обеспечивающие путь к Ильменю и далее по рекам на юг и юго-восток.

В целом, к началу IX в. в Поволховье и на Сяси археологически выявлены все необходимые элементы для того, чтобы правитель этой области, контролирующей важнейшие торговые, военные, даннические и сакральные пути, мог в подражание и «в пику» хазарскому кагану гордо именовать себя тем же титулом.

Однако начавшаяся в 790-х гг. на западе, в Северном море, эпоха грабительских походов скандинавов (эпоха викингов) дает о себе знать и на востоке, в Поволховье, хотя и несколько позднее. Первый ладожский клад арабских серебряных дирхемов имеет позднейшую монету 786 г., а затем следует целый «залп» кладов: четыре клада с последними монетами 804–810 гг. зарываются практически одновременно на коротком водном пути от истоков Волхова до Невской губы. При том один из этих кладов зарыт около Ладоги, а другой, из Петергофа, содержит дирхемы с прочерченными на них отдельными скандинавскими и тюркскими рунами и греческую надпись «Zaharios». Примерно в это же время (ок. 810 г.) на Земляном городище Ладоги фиксируется сильный пожар, в котором гибнут сооружения, построенные в 775-м–790-х гг.

Вслед за кратким периодом военных обострений наступает длительный период стабилизации, соответствующий верхнему строительному ярусу горизонта ЕЗ (по О.И. Давидан и Е.А. Рябинину) или строительному ярусу IV (по С.Л. Кузьмину и А.Д. Мачинской). Как установили эти исследователи, в комплексе вещей яруса IV наблюдается появление серии бронзовых и костяных украшений, свойственных славяно-балтскому населению (кривичам?) Подвинья и Верхнего Поднепровья (кат. 122, 123), что явно свидетельствует о притоке населения с юга.

Позднейшие дендродаты сооружений яруса IV находятся в диапазоне 809–839 гг., причем последняя дата совпадает с датой прибытия к Людовику Благочестивому послов народа Rhos, по происхождению свеонов, посланных правителем, именуемым «хакан».

Среди сооружений этого яруса преобладают малые дома славянской традиции домостроительства, но наряду с этим открыто и более крупное жилище, в котором сочетаются скандинавская и славянская традиции. В 810-х гг. в Ладоге создается мастерская по производству стеклянных бус, столь необходимых для обмена на пушнину, сбывавшуюся на рынках Арабского халифата.

Для определения поздней границы жизни в сооружениях яруса IV чрезвычайно важна хозяйственная постройка ПВ, сооруженная не ранее 838 г. Поскольку она не погибла в пожаре, а кончила свое существование естественным путем, следует полагать, что она дожила хотя бы до конца 840-х гг.

В 830–840-х гг. расширяется заселенная площадь Ладоги – дома появляются, как установил В.П. Петренко, и на другом берегу Ладожки, на сохранившей древнее название Варяжской улице.

Выше яруса IV на Земляном городище залегает ярус V, он же горизонт Е2, фиксирующий краткий, но яркий период в истории Ладоги. Почти все сооружения этого времени гибнут в сильном пожаре, в том числе и ПВ, воздвигнутое прямо над постройкой ПВ. Дендродаты постройки ПВ (845–863 гг.) заставляют полагать, что она построена не ранее 863 г. Конечно, другие постройки Е2 могли воздвигаться и ранее, но вряд ли раньше 850-х гг.

В таком случае данный горизонт хронологически соответствует отмеченному в житии св. Ангария набегу датчан из Бирки в начале 850-х гг. на «далекий город в пределах славян», в котором естественно видеть Ладогу, а также сообщения летописи о «варяжских данях» и «призвании Рюрика», условно помещенным под 859–862 гг.

У жителей этого периода продолжают традиции изготовления и ношения «кривичских» украшений и славянского домостроительства, однако на поселении строится большой длинный дом с очагом в центре, явно скандинавской традиции, а в этом доме обнаружена деревянная палочка с древнейшей в Восточной Европе рунической надписью-заклинанием (кат. 377).

К этому горизонту относится каменная формочка для отливки, на одной стороне которой вырезана описанная выше форма для лунницы

VI–VII вв., а на другой – форма для трехрогой лунницы (кат. 75), подобные которой встречены в IX в. как у славян Великой Моравии в Подунавье, так и у скандинавов Балтики. Однако наиболее близкая к ладожской форма для отливки подобной лунницы найдена в шведской Бирке, что свидетельствует о тесных связях между двумя торгово-ремесленными центрами.

Целый ряд археологически фиксируемых событий в Ладого, Приладжье и Поволховье падает на период 865–880 гг., сопоставимый со временем правления Рюрика по летописи и с сообщениями арабских авторов о болотистом «острове русов» на озере, т. е. о Рюриковом городище у Ильмена.

В самой Ладого это время отмечено чрезвычайно сильным пожаром в диапазоне 865–871 гг., после чего, как первая отметила Г.Ф. Корзухина, фиксируется снижение интенсивности строительства в следующем горизонте E1 и некоторое запустение территории Земляного городища.

В 860–870-е гг. зарывается новая серия кладов в Поволховье, а у истоков Волхова возникает военно-торговое поселение, известное как «Рюриково городище», т. е. древнейший Новгород летописей и первоначальный Хольмгард («Островная усадьба») скандинавских саг.

Примерно в это же время производятся первые захоронения на низкой надпойменной террасе правого берега Волхова в урочище с печальным названием «Плакун», прямо напротив каменной крепости Рюрика в Ладого.

Типично скандинавские погребения этого могильника, некоторые по обряду сожжения в ладье, а также богатое погребение со скандинавскими чертами на вершине сопковидной насыпи южнее некрополя заставляют вспомнить сообщение летописи о могиле Олега в Ладого, предполагающее, что его хоронили неподалеку от его родичей и сподвижников.

Самое эффектное и выделяющееся погребение (курган № 11) могильника содержит несожженное тело знатного воина шестидесяти лет (вождя дружины?), положенное в просторный гроб, помещенный в обширную яму, перекрытую настилом из досок, затем камнями и еще выше – остатками сожженной ладьи. Дендродата этого сооружения 890–895 гг. Насыщенная влагой почва прекрасно сохранила дерево, но полностью уничтожила многочисленные металлические вещи, дошедшие до нас лишь в виде окислов. Дело в том, что это погребение расположено в болотистой низине на окраине могильника и явно совершено тогда, когда возвышенная гривка, вытянутая вдоль Волхова, уже была занята более древними курганами. И действительно, на этой гривке находится курган № 7 – женское погребение, сопровождаемое обломками двух сделанных на круге кувшинов типа «Tating», орнаментированных накладками из олова, в том числе в форме креста (кат. 366). Эти сосуды датируются в пределах IX в. Прежде считалось, что они производились в низовьях Рейна, во Фрисландии, но находки их в аббатстве Сен-Дени под Парижем заставляют предполагать их производство в центральных областях Франкской империи. Полагают, что такие кувшины предназначались для применявшегося в литургии вина, а их появление в Швеции (в частности, в Бирке) связано с христианской

деятельностью св. Ансгария и его преемников. Бусы, найденные в этой могиле, позволяют ограничить время захоронения 870–900 гг.

Также в возвышенной части могильника обнаружен самый крупный курган-святилище № 6 без следов погребения. В центре его – остатки вертикального столба, к югу от него в яме лежал пустой деревянный ящик, а в кострище над ним была обнаружена уникальная серебряная подвеска в виде двурогой лунницы со сканным орнаментом (кат. 346). Этот орнамент находит полную аналогию в сканном орнаменте на круглых золотых подвесках из знаменитого монетно-вещевого клада в Хоне (Норвегия), позднейшие монеты которого отчеканены около 850 г. Этот клад содержит вещи разнообразного происхождения, в том числе изготовленные во Франкской империи, и окончательное формирование его состава связывают с набегом викингов на аббатство Сен-Дени в 858 г. Отличие подвески (лунница вместо диска), вероятно, связано с влиянием подвесок-лунниц, распространенных в Прибалтике (Хедебю, Бирка, Ладога), воспроизводящих великоморавские прототипы; а среди последних известны и двурогие лунницы. Напомним, что ладожская форма для отливки лунницы найдена в горизонте E2 (850-е – середина 860-х гг.). Итак, курган № 6 датируется в пределах 860–900 гг.

Некоторые вещи варяго-русского могильника Плакун говорят о его функционировании и в X в. Однако, поскольку все местные сосуды из могил (кат. 360, 367) сделаны вручную, его позднюю дату следует ограничивать 930-ми гг., когда распространяется круговая посуда, или 950 г., после которого лепная посуда в Ладоге почти исчезает.

В целом, хронологические рамки могильника, тщательно раскопанного В.И. Равдоникасом, Г.Ф. Корзухиной и В.А. Назаренко, определяются в пределах 870–950 гг., а скорее всего, между 880 и 940 гг. Что касается раскопанного Е.Н. Носовым погребения воина с конями на вершине сопкивидной насыпи, то оно совершено около 950 г. Весь обрядовый и вещевой комплекс могильника на Плакуне говорит об усилившихся в последней трети IX в. западных связях Ладоги.

Судя по находкам вещей из разрушенных погребений и по старым планам Ладоги, в ее окрестностях существовало еще несколько курганных могильников. Но неизвестно, были ли они аналогичны по обряду могильнику на Плакуне или же повторяли иную обрядность многочисленных кладбищ Юго-Восточного Приладожья к востоку от Волхова. Там, сначала в низовьях Паши и Ояти, неподалеку от Свирской губы Ладожского озера, а потом и на всей территории от Олонки до Сяси распространяется особая культура военизированного населения, явно сложившаяся в результате появления скандинавских колонистов в среде местных финноязычных племен (кат. 382–428).

Древнейшие погребения этой культуры следует датировать, опираясь на работы О.И. Богуславского, 870–890 гг. Население Юго-Восточного Приладожья, вероятно, соответствует колбягам русских и кюльфингам скандинавских источников и представляет собой нечто вроде древнейшего

казачества (только на северном пограничье Руси), возникшего здесь из слияния финских аборигенов и скандинавских пришельцев и постепенно славянизирующегося и христианизируемого в течение XI–XII вв.

Наряду с этими новыми типами погребальных сооружений, возникшими в связи с включением в местные процессы новых скандинавских пришельцев эпохи Рюрика, в Поволховье вплоть до начала XI в. продолжают возводиться грандиозные сопки, культово-погребальные памятники местной древней славяно-скандинавской Руси. Обряд захоронения в сопках распространяется в последней трети IX–X вв. и в областях, занятых преимущественно славянами ильменскими и финноязычным населением, – в Приильменье, на Ловати, Мсте и Луге.

В 890-х гг. в Ладоге наблюдается активизация домостроительства, в частности, около 894 г. возводится огромный по тем временам (17 x 10 м) дом, принадлежавший, возможно, богатой купеческой артели, возглавляемой удачливым вождем. Отметим, что время его строительства, по данным дендрохронологии, практически совпадает со временем совершения описанного выше погребения в кургане № 6 (предводителя дружины?) на Плакуне. Дом этот стоит до 920-х гг., когда он сменяется другим подобным домом.

В конце IX в. воздвигаются некие древо-земляные укрепления на Рюриковом городище. Возможно, к X в. относятся древние каменно-земляные укрепления, обнаруженные при раскопках в каменной крепости Ладоги. Все эти археологические реалии хронологически соответствуют эпохе Олега Вещего. Видимо, в это время и начинает складываться та ладожско-новгородская эпическая традиция, отголоски которой мы находим и в русских летописях, и в скандинавских сагах.

Дальнейшие этапы истории Ладоги наметим пунктирно.

В 997 г. Ладогу, принадлежащую непосредственно князю Владимиру, берет штурмом и сжигает норвежский ярл Эйрик в отместку за то, что у Владимира ранее жил в большом почете юный Олав Трюгвассон, позднее первый христианский конунг Норвегии и соперник Эйрика в борьбе за престол.

В 1019 г. был заключен брак между Ингигерд-Ириной – дочерью первого шведского конунга-христианина Олава Свенского и Ярославом Мудрым. Этот брак обеспечивал мир на Балтике. В виде свадебного дара Ингигерд был отдан «Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится», а ярлом-воеводой Ладоги княгиня избрала своего родича Рёгнвальда, до того ярла Вестеръетланда (Юго-Западная Швеция), обязанного выплачивать дань Ярославу и защищать север Руси от язычников. Видимо, Ладога и Южное Приладожье считались личным доменом великого князя, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению.

Ингигерд была первой женщиной на Руси, которой были посвящены поэтические произведения – висы короля Норвегии Олава Харальдссона (св. Олава), когда-то ее жениха, с которым и позднее ее связывала любовь на расстоянии. Видимо, при дворе Ярослава и Ингигерд, а также их сына

Владимира в Новгороде и при дворе Рёгнвальда в Ладоге происходило дальнейшее развитие ладожско-новгородского эпоса. Недаром, когда после смерти Владимира его сын Ростислав вступает в борьбу за новгородский стол со своим дядей Изяславом, то он называет своего старшего сына, рожденного около 1056–1060 гг., именем Рюрик, чем, видимо, заявляет свои права на Новгород и Ладогу.

Сама Ладога в последней трети XI в. опять переходит под непосредственное управление русских князей, а в области церковной жизни подчиняется киевскому митрополиту и новгородскому епископу.

Шведские королевские родословные и саги позволяют утверждать, что сыном Рёгнвальда был Стейнкель, ставший около 1056 г. королем Швеции и начавший осторожную христианизацию страны. В 1080-е гг. королем Швеции становится сын Стейнкеля Инге Старший, продолживший дело отца. В 1095 г. был заключен брак между дочерью Инге Кристин и князем Мстиславом-Харальдом (правнуком Ярослава и Ингигерд и сыном Владимира Мономаха), тогда новгородским князем, а позднее великим князем киевским. Около 1112 г. умирает тесть Мстислава конунг Инге, и, видимо, опасаясь перемен в русско-шведских отношениях, Мстислав и ладожский посадник Павел строят в 1114–1116 гг. каменную крепость в Ладоге.

Около 1120-х гг. в Швеции прерывается дружественная по отношению к Руси династия, восходящая к Стейнкелю, а с 1140-х гг. появляются заметные осложнения в отношениях и со шведами, и с воинственным финским племенем емь. Контроль за торговой и военной обстановкой в восточной части Финского залива, на Неве и в Ладожском озере лежал на ладожском посаднике и на подчиненном ему флоте и дружине.

Только в том случае, если ладожскому флоту не удавалось перехватить врагов на дальних водных подступах и враг подходил непосредственно к самой Ладоге, ладожане обращались за помощью к новгородцам, что и произошло в 1164 г. Шведы прорвались к Ладоге на 55 кораблях. Ладожане затворились в крепости с посадником Нежатою, а все дома вокруг крепости выжгли, чтобы противник не имел укрытия. Шведы пошли на приступ, но были разбиты так сильно, что отступили в Ладожское озеро к устью реки Воронай. На пятый день (поразительная скорость!) после прихода шведов подоспел призванный ладожанами князь с новгородцами. Шведы были окончательно разбиты и потеряли 43 ладьи.

В новой ситуации функция Ладоги как морских «ворот в Европу» сохраняется, но при этом усиливается еще более ее функция военного форпоста Новгорода. Город начинает расти – увеличивается посад, возникают монастыри. Наиболее яркое свидетельство расцвета – бурное церковное строительство в Ладоге. В 1153 г. новгородский архиепископ Нифонт закладывает в Ладоге на Земляном городище соборную церковь Святого Климента, Папы Римского, равно чтимого и на Руси, и в Скандинавии. Но, судя по всему, еще раньше, в 1140-х гг. закладывается сохранившаяся донныне церковь Успения Богородицы. Около 1160–1180 гг. строятся

шедевр новгородско-ладожской архитектуры и греко-русской фресковой живописи – воинская церковь Святого Георгия в каменной крепости. Именно в Ладоге происходит сложение того типа храма и того стиля фресковой росписи, которые станут определяющими в новгородско-псковской архитектуре и живописи конца XII–XIII вв.

И именно в дьяконнике храма Святого Георгия создается первая на Руси живописная композиция на тему «Чудо св. Георгия о змие» – сюжет, который позднее, и именно в петербургский период русской истории, становится составной частью государственного герба России. Однако на большинстве русских икон и позднее на гербе этот сюжет трактуется как беспощадная расправа святого с поверженным и поражаемым копьём гадом. В Ладоге же за основу взято апокрифическое сказание, известное на Руси в переводе с греческого уже в XI в., в котором рассказывается, что святой Георгий явился Божиим соизволением в город Гевал и спас царевну, отданную на съедение змее, которого святой усмиряет не силой оружия, но молитвой. Фресковая композиция, решенная в гармоничной золотисто-серебристой красочной гамме, в которую органично включен и усмиренный змей, как бы убеждает в том, что мировое и земное зло должно побеждаться не беспощадным воинским натиском, а верой, молитвой и милосердием. Важное место в композиции занимает и женское начало – т. е. царевна, ведущая на своем пояске усмиренного змея к освобожденному от него городу. К сожалению, подобная христианская трактовка языческого мифологического сюжета в дальнейшем не получила развития в русской иконописи и не повлияла на трактовку образа св. Георгия на российском гербе.

В XIII в. в сферу военных действий между ладожанами и новгородцами, с одной стороны, и шведами и финским племенем емь – с другой, все более вовлекаются земли по обоим берегам Невы, причем центр этих действий постепенно смещается от истока Невы к ее устью, вплотную подходя к тем местам, где позднее возникнет Санкт-Петербург.

При анализе письменных источников обнаруживается особая роль ладожан в противостоянии шведскому вторжению в приладожские земли в 1240 г., завершившемуся знаменитой Невской битвой, в которой ладожане также составляли значительную часть русского войска.

Не менее существенно участие ладожан в приостановке шведской агрессии в Приладожье в 1300 г., которая окончилась взятием и разрушением в 1301 г. построенной шведами крепости Ландскруны при впадении Охты в Неву.

В 1323 г. русские строят крепость на Ореховом острове у истока Невы и заключают «ореховецкий вечный мир» со шведами. Сооружение Ореховца отчасти лишает Ладогу функции военного форпоста. Одновременно увеличение осадки морских судов с XIV в. делает затруднительным их прохождение через невские Ивановские пороги, что уменьшает и роль Ладоги как «морских ворот».

Во время очередного наступления шведов в Приладожье в 1610–1617 гг. они строят на Неве, на месте разрушенной Ландскруны, крепость Ниен-

шанц, обрастающую городским посадом, и захватывают Ореховец, переименовая его в Нотеборг.

В 1702 г. Ладога была базой, где концентрировались русские войска перед походом на Нотеборг (Орешек), взятие которого открывало путь вниз по Неве, что и привело к основанию в 1703 г. Петербурга. В 1704 г. Петр I перенес г. Ладогу ближе к Ладожскому озеру, где основал г. Новую Ладогу, и с этого момента и вплоть до настоящего времени древняя Ладога утратила статус города, превратилась в село и со временем стала именоваться Старой Ладогой. Видимо, Петр не ведал, что творит, не знал, что он лишает статуса города древнейшую столицу Руси. Можно предположить, что Петр пожалел о своем решении, когда в 1713 г. ознакомился в Кенигсберге с Радзивилловским списком «Повести временных лет», с которого он велел сделать для себя копию и где мог прочесть, что Рюрик первоначально «сел» в Ладоге.

Таким образом, столица Руси – России в 1703 г. вернулась почти на то же самое место, где она была еще 840 лет назад, только слегка сместившись поближе к морю.

Ныне, в 2003 г. исполнилось 1250 лет непрерывной жизни Ладоги, и память о бурных событиях первоначальной истории Руси обрела некое иное, полное покоя, свободы и достоинства бытие в сохранившихся курганах и сопках, городищах и селищах, в их таинственном «культурном слое», в живущих особой жизнью пустующих, полуразрушенных или восстановленных храмах.

И так естественно, что именно в этот год Ладога представлена выставкой в Государственном Эрмитаже, в самом центре своего юного потомка – Санкт-Петербурга, отмечающего свое 300-летие.

А.Н. Кирпичников

ДРЕВНОСТИ СТАРОЙ ЛАДОГИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
СТАРОЛАДОЖСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК РАН

Старая Ладога, ныне небольшое село Ленинградской области (до 1704 г. – город Ладога), основана в 753 г. Эта рекордная по давности для древнерусских городов дата создания города установлена в результате дендрохронологического анализа спилов дерева постройки, обнаруженной археологическим путем. Анализ выполнен Н.Б. Черных в Лаборатории дендрохронологии Института археологии РАН (Москва). Следовательно, в 2003 г. поселок Старая Ладога встречает свое 1250-летие. Он уникален не только своим возрастом, но и историко-культурным наследием, которое охватывает фундаментальные ценности русской и международной истории и культуры. Наследие Ладоги представлено более чем 160 памятниками археологии, истории, архитектуры и искусства, а также свидетельствами разнообразных письменных и графических источников. В современной Ладоге сохранилась древняя поселенческая планировка, восходящая к X–XII вв., и исторический природный ландшафт. Наличие культурного слоя с хорошо сохранившимися остатками построек и разноэтничными по происхождению находками VIII–XVII вв. ставит Ладогу на одно из первых мест среди средневековых восточно-европейских городов. Не случайно здесь в 1984 г. по правительственному решению организован музей-заповедник, имеющий статус федерального учреждения.

Первые раскопки в Старой Ладоге были проведены в 1708 г. (раньше, чем в каком-либо другом древнем городе России) евангелическим пастором Вильгельмом Толле. Его привлекли местные курганы.

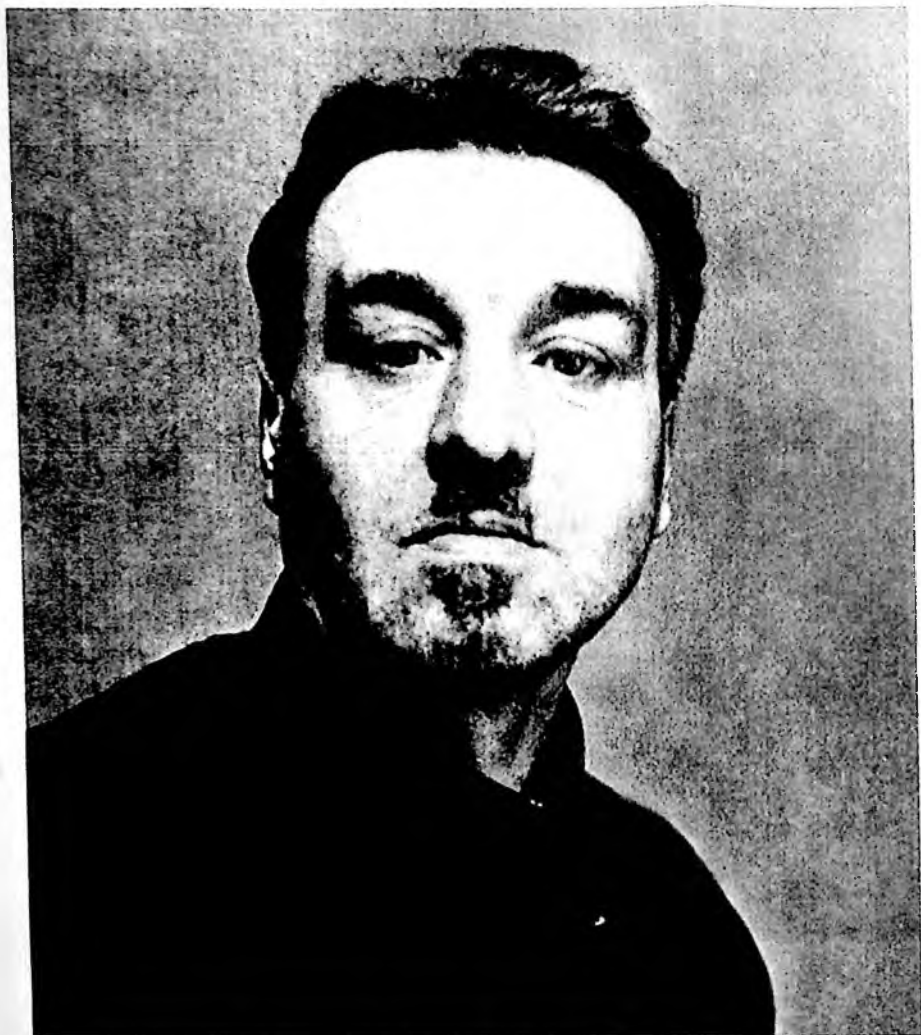
Интерес к ладожской старине нарастал в течение всего XIX в., но лишь в 1909–1913 гг. в центре села, на так называемом «Земляном городище», состоялись научные раскопки древнего поселения. Их успешно проводил археолог Н.И. Репников, удививший научный мир самим фактом обнаружения остатков построек, казалось бы, навсегда исчезнувшей деревянной Руси. Его дело в 1934–1959 гг. продолжил В.И. Равдоникас, которому на протяжении в общей сложности 17 полевых сезонов удалось вскрыть на территории Земляного городища примерно 2000 кв. м и в более чем трехметровой толще культурного слоя обнаружить свыше 60 построек VIII–X вв.

Николай Иванович Репников (1882–1940)

С 1972 г. в Старой Ладогe работает археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН (под руководством А.Н. Кирпичникова). В работе принимают участие студенты и преподаватели Ленинградского областного университета им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербургского государственного университета и других вузов. Отряды этой экспедиции возглавляли Е.А. Рябинин, В.П. Петренко, Е.Н. Носов, В.А. Назаренко, в последнее время – О.И. Богуславский, П.Е. Сорокин, В.И. Кильдюшевский. Обнаруженные экспедицией материалы дали возможность по-новому увидеть и оценить историко-археологическое наследие Ладоги, ее региона, ее роль в судьбе Руси и шире – соседних стран.

Подведем некоторые итоги проведенных изысканий, которые осуществляются не только на Земляном городище, земляные укрепления которого устроены в 80-е гг. XVI в. и скрывают слои Ладожского посада VIII–XVI вв., но и в других частях древнего города. Сегодня дендродатированы строительные горизонты поселения VIII–X вв., при этом впервые выяснена дата основания Ладоги – не позже 753 г.

Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976)

Археологически обнаружено около ста остатков жилых, производственных и хозяйственных построек, что позволило в новом свете представить домостроительство, включавшее возведение изб, домов-пятистенков, особых «общественных» (возможно, «гостевых» или культовых) и других сооружений. Привлекли внимание необычные для древнерусского градостроительства большие дома (размером примерно 10 x 12 м) с очагом в центре и наружной галереей, являвшиеся, по всем данным, гостиницами-общежитиями для корабельных команд купцов. Эти люди вели дальнюю торговлю, а в местах своих остановок на речных путях Восточной Европы воздвигали подобные постройки. Старая Ладога – пока единственное место, где обнаружены два таких сооружения, относящихся к IX–X вв. В остатках большого дома, открытого в 2002 г., оказалось 140 разнообразных находок, преимущественно стеклянных бус. Рядом с домом най-

дена вставка от перстня с арабской надписью и обнаружено скопление 2500 зеленых бус, явно предназначенных на продажу.

При раскопках ряда построек на Земляном городище часто встречались куски янтаря, бусы, незаконченные обработкой, капли стекла, тигли, льячки, формочки, пиленая кость, некоторые ремесленные инструменты. Очевидно, что в этих постройках, обычно жилых помещениях, работали ремесленники-универсалы, изготавливавшие янтарные, бронзовые, иногда костяные изделия. Особое значение имеет находка древнейшей в раннесредневековой Европе ювелирно-слесарной и литейной мастерской 750-х гг. с набором инструментов, открытой сотрудником экспедиции, доктором исторических наук Е.А. Рябининым. В ходе раскопок 1997 г. экспедиция впервые обнаружила остатки бронзолитейной мастерской последней четверти IX в. с редчайшими высокохудожественными украшениями (готовыми и незавершенными) скандинавского облика, относящимися к женскому и мужскому костюму. Также впервые в слое второй половины IX в. выявлены жилые и производственные, стандартные по ширине, парцеллы, что позволило по-новому представить начало регулярно спланированной застройки европейских городов.

Во время раскопок обнаружены сотни предметов из глины, железа, бронзы, стекла, кости, янтаря, камня, дерева, кожи. Среди них выделяются уникальные образцы прикладного искусства. Ведется камеральное изучение отдельных категорий находок (бусы, керамика, деревянные изделия, оружие, принадлежности корабельного дела, украшения костюма). Археологами разработана шкала эволюции городской посуды. Проведена специальная работа по каталогизации найденных в разные годы в Старой Ладогe и ее окрестностях арабских и других монет. Восточное монетное серебро появилось в Ладогe не позднее 50–60-х гг. VIII в. Именно город в низовьях Волхова стал одним из первых центров русской равнины, где арабские дирхемы появились сразу же, как только началось их распространение в Восточной и Северной Европе.

В результате дифференциации находок по этнической принадлежности были выделены серии скандинавских, славянских, финских и других по происхождению форм изделий. Особое внимание обращено на этноопределяющие элементы женского головного убора, что позволило опознать не только вещи кривичей, но и, возможно, словен. Все археологические находки хранятся в Эрмитаже и Староладожском музее-заповеднике, они доступны осмотру и изучению.

Ныне трудами экспедиции в Старой Ладогe сформировался своеобразный музей фортификаций, каждая из которых стала особым этапом в истории архитектурно-инженерного дела. Таковы башня и стены из плитняка конца IX– начала X в., претендующие быть первыми каменными укреплениями в пределах Древнерусского государства. Крепость 1113/1114 гг. местами сохранившаяся почти на полную высоту (не менее 8,5 м). Эта крепость предотвратила распространение каменных твердынь на Руси, начавшееся в основном столетием позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала

безопасность горожан и защиту северных рубежей страны. Отрезок стены с торговой и водонаборной арками удалось оперативно законсервировать для музейного показа.

В XVI в. на месте крепости 1113/1114 гг. возводится новая, приспособленная к огнестрельному бою. В ее устройстве, как удалось установить, проявились передовые черты итальянской оборонительной архитектуры эпохи Возрождения, выразившиеся, например, в практической равномерности по высоте стен и башен. К каменной крепости с юга примыкает Земляное городище. Это сооружение с помощью данных разрядных книг и натурных исследований было впервые опознано и датировано в качестве бастионной фортификации, возведенной в 1584–1585 гг.

С помощью раскопок, шурфовки и свидетельств письменных источников определено примерное распространение средневекового культурного слоя и выяснена площадь поселения, которое в VIII–X вв. достигло 12 га, а в XVI в. – 16–18 га. Усилиями разных ученых составлена карта не менее 160 памятников ладожской археологии, архитектуры и градостроительства. Выяснено, как складывалась территория города и окружающих его могильников. В третьей четверти XII в. в Ладоге, видимо, по единому замыслу были последовательно построены сразу шесть каменных храмов (что для тогдашних древнерусских городов было беспрецедентным), располагавшихся в определенной градообразующей системе. По своим типологическим и конструктивным признакам их считают нововведением в русской архитектуре середины XII в. Возможно, что заказчиком большинства этих зданий была посадская элита.

Соотнесенные с местностью показания писцовых книг конца XV–XVI вв. позволили определить поселенческую топографию ладожского посада, расположение дворов, церквей, монастырей и дорог. Впервые реконструирован план средневекового города с его районами – «концами» – и монументальными сооружениями. Уточнены местонахождение и наименования некоторых несохранившихся церквей.

Трудами сотрудника экспедиции В.П. Петренко в Старой Ладоге было раскопано 12 сопок – коллективных усыпальниц первых поколений горожан. Многозначительные результаты этого ныне опубликованного исследования позволили археологам предположить, что погребальные сооружения данного типа первоначально появились в Нижнем Поволжье, а затем распространились на значительные территории славянского заселения.

В результате исследований выдвинуто положение о существовании особой Ладожской земли – предшественницы Новгородской. Ядром этой земли была городская волость, протянувшаяся примерно на 65 км вдоль нижнего течения Волхова, включавшая многорядные Гостинопольские и Пчевские пороги, обслуживающие их укрепленные станции и приречные сельские поселения. На расстоянии дневного перехода (43–50 км) на востоке, юге и западе от Ладоги располагались укрепленные форпосты, прикрывавшие дальние подступы к этому городу. Далее тянулись обширные земли, занятые финским и лопарским населением, находившимся по

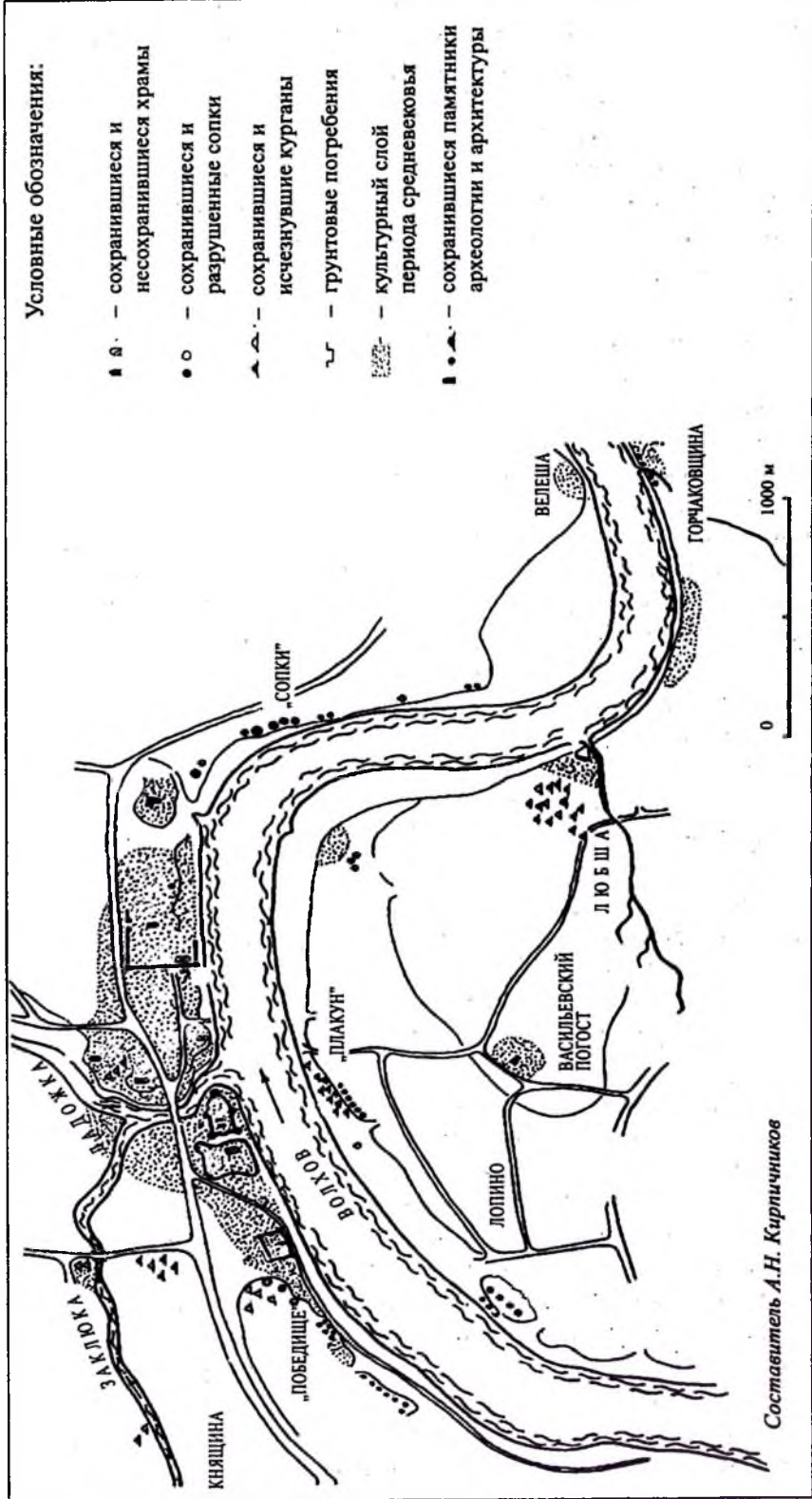

Схема археологических памятников Старой Ладоги

отношению к метрополии в даннической зависимости. В соответствии с местоположением, структурой и устройством Ладоги ее экономика была ориентирована на внешние связи, транспортировку грузов, посредническую и местную торговлю, выработку находивших сбыт ювелирных и некоторых бытовых вещей.

Ближайшие к Старой Ладоге городища у дер. Новые Дубовики и в устье речки Любша по своей культуре, что закономерно, оказались синхронными Ладоге, которая была для них городом-метрополией. Археологическая экспедиция под руководством Е.А. Рябинина обнаружила на городище Любша едва ли не самую древнюю каменно-земляную крепость Руси, созданную, по-видимому, в IX в. Аналогичные сооружения, имевшие каменный панцирь, изнутри присыпанный землей, известны у западных славян.

В истории Ладоги археологические и летописные источники поразительно подтверждают и дополняют друг друга. В археологических находках материализованы следы присутствия в этом городе словен, кривичей, финских племен, скандинавов. Обозначились даже свидетельства датского происхождения Рюрика и его дружины (парцеллы жилого и хозяйственного назначения такие же, как в датском городе Риббе, норманнский курган в урочище Плакун по устройству напоминает погребения Ютландии). Летописное сообщение о закладке князем Олегом Вещим в 882 г. крепостей сопоставляется с упомянутым выше первым каменным укреплением конца IX – начала X в., обнаруженным на мысу, омываемом Волховом и Ладогой. Ладожская археология подтвердила реальные основы летописного «Сказания о призвании варягов», а также сообщения Иоакимовской летописи о существовании на севере Руси доваряжского «великого города», который можно с большой долей вероятности идентифицировать с Ладогой.

Археологические изыскания открыли новые возможности для исторического осмысления феномена Ладоги. В истории России этому городу, особенно в первые века его развития, принадлежит основополагающая роль в создании русской государственности, в налаживании торговых, транспортных, межэтнических связей народов Европы и Азии, в защите северных границ Руси.

Сооружение города в низовьях Волхова воплотило «балтийскую идею» славян, выразившуюся в их вековом стремлении к морским путям Балтийского моря, к беспрепятственной свободной торговле и судоходству. С момента своего возникновения Ладога, по ее ключевому местоположению, являлась центром, где соединялись западные и восточные Великие торговые пути – Балто-Волжский и Балто-Днепровский. Здесь произошла историческая встреча людей Запада и Востока. Обмен товарами, техническими и другими достижениями поднялся до мировой необходимости, что оказало стимулирующее влияние на развитие всей европейской цивилизации.

Имеются исторические основания считать Ладогу во второй половине VIII – первой половине IX в. одним из центров, если не главным, союза

славянских и финских племен – предшественника раннего Русского государства.

Возможно, что еще до 839 г. Ладога была центром русского каганата – раннегосударственного образования в северной части Восточной Европы. В тот период Ладожская Русь наряду с Хазарией выдвинулась как торговый лидер евразийских экономических связей по Великому Волжскому пути.

Согласно наиболее достоверной версии летописного «Сказания о призвании варягов» федерация славянских и финских племен в составе словен, кривичей, мери, веси и чуди в 862 г. пригласила к себе в качестве правителя знатного скандинава Рюрика с братьями. «Придоша к словенам первое и срубиша город Ладогу и седе старейший в Ладозе Рюрик». Именно Ладога, а к тому времени она существовала уже не менее 100 лет, стала резиденцией правителя, стольным княжеским городом, т. е. столицей складывающейся в Восточной Европе державы Рюриковичей. В дальнейшем столица была перенесена в Новгород, а затем в Киев. В этом ряду Ладога, следовательно, оказалась первой.

Статус главного города северной части Руси, какой стала Ладога во время княжения Рюрика, выразился в том, что здесь был принят «ряд», т. е. договор о легитимности призвания и дальнейшей деятельности нового властителя. Этот город выдвинулся как административный, военный и экономический центр Северной Руси. Новое правительство предприняло энергичные действия по расширению международной торговли. Через Ладогу хлынул на Запад основной поток исламских серебряных монет и других ценностей. Тогда же были узаконены дальние торговые перевозки в страны Запада и Востока и налажена дорожная транспортировка международных грузов. Этому способствовали мирные отношения, установленные новой властью в северной части Восточной Европы. Построенная в конце IX или в начале X в. Ладожская крепость явилась препятствием экспансии викингов в славянские пределы. Их разбойничьи походы надолго приостановились. Таким образом, в Ладоге началось успешное строительство нового русского государства, вскоре ставшего крупнейшей и самой могущественной империей в Европе.

В Ладоге того времени жили и работали представители разных народов, в первую очередь славяне, финны, скандинавы. В их среде установился прочный межэтнический и межконфессиональный мир, основанный на межобщинной терпимости, свободе предпринимательства, открытости региональной и международной торговли. Все это актуально и в наши дни.

На примере Ладоги мы видим, как более тысячи лет тому назад усилиями ее жителей и населявших эти места пришельцев создавалась единая Европа, без охраняемых границ и национальных предрассудков, во многом с интернациональной техникой и культурой, с общими путями передвижения и единой валютой. Эта модель развития общества поучительна и ныне.

Вплоть до начала XVIII в. Ладога являлась городом-портом, торговым, ремесленным, духовным центром и важной крепостью на северных

рубежах страны. По своим функциям город в низовьях Волхова был самым первым, выдающимся предшественником Санкт-Петербурга.

Деятельность Староладожской археологической экспедиции никогда не ограничивалась академическими рамками. В результате десятилетних стараний экспедиции и Ленинградского областного отделения ВООПИК в 1984 г. было принято правительственное решение о создании Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника. Это предотвратило разрушение ряда исторических объектов, включая и культурный слой древнего города. Под особую охрану взята территория села размером 200 га с находящимися здесь памятниками архитектуры, с застройкой XIX – начала XX в., с культурным слоем эпохи средневековья.

Опыт изучения Старой Ладogi побуждает уделить внимание продолжению археологических изысканий, сбережению ее памятников, повышению статуса музея-заповедника как объекта особо ценного культурного наследия народов Российской Федерации, наконец, углублению на базе экспедиции музея-заповедника гуманитарного сотрудничества стран региона Балтийского моря. Экспедиция стремилась сделать доступными свои полевые изыскания. По ее настоянию, подкрепленному ходатайством Д.С. Лихачева в 1988 г., Старая Ладога была открыта для въезда иностранцев. В работах экспедиции, кроме преподавателей и учащихся вузов Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, приняли участие ученые и студенты Польши, Германии, Бельгии, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии и других стран. Вещи из раскопок Старой Ладogi наконец-то стали представлять отечественное культурное наследие на международном уровне. Они демонстрировались в Дании, Швеции, Норвегии и других странах. В самой Старой Ладoge, ставшей селом-музеем, создан ряд содержательных археологических, исторических и этнографических экспозиций. В 1997 г. к ним добавилась после реставрации церковь Святого Георгия со всемирно известными фресками 60-х гг. XII в. В отдельном доме готовится к открытию специальный музей «Археология Старой Ладogi».

В апреле 1997 г. правительство Ленинградской области провело в Старой Ладoge и г. Волхове беспрецедентные в нашей культурной практике выездные парламентские слушания с участием депутатов Государственной Думы, членов правительства области, властей г. Волхова и Волховского района, ученых, сотрудников Староладожского музея-заповедника, посвященные культурному наследию этого древнего города. Были приняты рекомендации правительства области, главной из которых явилось предложение о присвоении Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации. В этих рекомендациях отмечена также необходимость финансирования работ археологической экспедиции.

Тема историко-культурного наследия Старой Ладogi обсуждалась на двух заседаниях Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН в 1998 г. под председательством академика Ж.И. Алферова. Были приняты постановления, обращенные к Президенту и Правительству Россий-

ской Федерации о придании Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов РФ и о проведении в 2003 г. празднования 1250-летия Старой Ладogi – первой столицы Руси.

Юбилей Старой Ладogi должен способствовать развитию музея-заповедника и всего региона, он приведет к налаживанию отечественного и международного туризма, скажется, надеемся, на активизации реставрации памятников и стабильном продолжении необычайно результативных археологических раскопок.

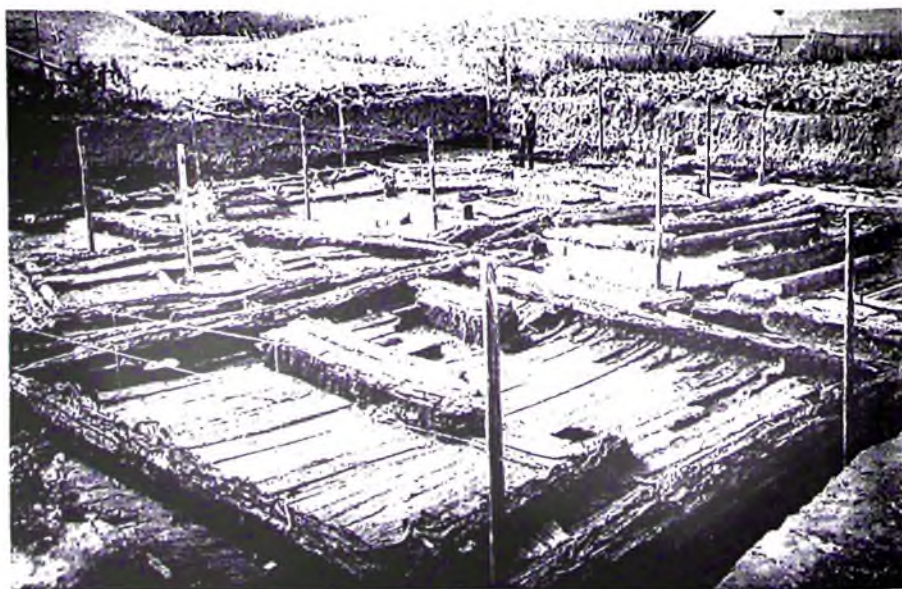
С благодарностью должен отметить финансовую поддержку, которую оказывают работам археологов правительство Ленинградской области, Министерство культуры Российской Федерации, Федеральная целевая программа «Интеграция». Проведению раскопок в 2002 г. с благотворительной целью помогли Объединение «Дорстройпроект», ОАО Нева-ленд, ОАО «Лиговка», торговая фирма «Офис-клуб. Балтика», Санкт-Петербургский общественный фонд «Реформы и политика», администрация муниципального образования «Волховский район». Годовщина Старой Ладogi имеет и более широкий смысл, ибо речь идет о величии и выдающейся глубине и значительности истории Восточной и Северной Европы. Юбилей древнейшего русского города еще раз напоминает о культурной и торговой интеграции народов Старого Света, более чем 1000 лет тому назад заложивших пути развития единой Европы.

М.В. Медведева

СТАРАЯ ЛАДОГА В ДОКУМЕНТАХ ФОТОАРХИВА ИИМК РАН

Фотоархив Института истории материальной культуры Российской Академии наук существует с декабря 1918 г. В основу собрания фотоархива легла коллекция негативов и фотографий Императорской Археологической Комиссии, созданной в 1859 г. Уже с середины XIX в. в библиотеке Императорской Археологической Комиссии начали накапливаться фотоматериалы как по археологии, так и по другим областям исторической науки и культуры (этнография, архитектура, реставрация, антропология, прикладное искусство, эпиграфика и т.д.). В настоящее время в фотоархиве ИИМК РАН насчитывается 75 фондов учреждений, организаций и фондов личного происхождения. Самые ранние фотографии датируются 1840-ми годами. В целом в Фотоархиве хранится около 1 200 000 негативов и отпечатков по самой разнообразной тематике.

Особое место среди материалов по Северо-Западу России занимают коллекции, посвященные Старой Ладоге. За годы исследований памятника накоплен значительный научный материал, его неотъемлемой частью

Раскопки Н.И. Репникова на Земляном городище. I ярус построек

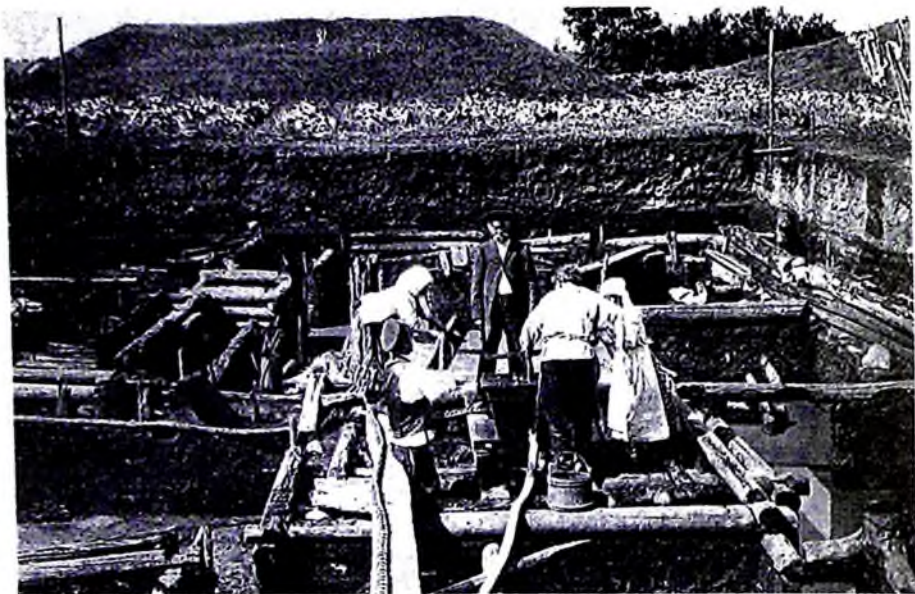

Раскопки Н.И. Репникова на Земляном городище. 1912 г.

являются фотодокументы, хранящиеся в Фотоархиве ИИМК РАН в фондах Императорской Археологической Комиссии, Российской Академии истории материальной культуры, Русского археологического общества, Института истории материальной культуры, а также в личных фондах исследователей, поступивших в Фотоархив в различные годы. На фотографиях запечатлены общие виды Старой Ладogi, памятники архитектуры и монументальной живописи начиная с 1880-х гг., зафиксированы этапы археологического изучения Старой Ладogi, реставрационные работы в крепости и храмах.

Самые ранние материалы связаны с именами Н.Е. Бранденбурга и В.В. Сулова. Н.Е. Бранденбург в 1880-е гг. впервые произвел тщательные обмеры и фиксацию ладожских крепостных каменных стен и башен, сохранившихся к тому времени, исследовал остатки древнерусских храмов Ладogi и осуществил раскопки двух из них. В Фотоархиве хранятся пятнадцать негативов, переснятых с документов Рукописного архива ИИМК РАН, связанных с этими археологическими работами. Н.Е. Бранденбург привлек к работам архитектора В.В. Сулова, одного из крупнейших исследователей древнерусской архитектуры. В Старой Ладoge В.В. Сулов выполнил работы по Техническому описанию архитектурных памятников, которое Н.Е. Бранденбург поместил в своей монографии «Старая Ладoga». В собрании Фотоархива в личном фонде В.В. Сулова находится альбом фотографий «калек» фресковой росписи церкви Святого Георгия, выполненных в 80-е гг. XIX в.

Первые широкие археологические работы на Земляном городище были осуществлены под руководством Н.И. Репникова в начале XX в. Об этом

Раскопки Н.И. Репникова на Земляном городище.
Откачка воды из раскопа после дождя. 1913 г.

ярко свидетельствуют фотоматериалы, хранящиеся в Фотоархиве. На них представлены обследования и раскопки церкви Святого Климента, разведочные работы 1909–1910 гг. в Старой Ладогe и археологические работы 1911–1913 гг. на Земляном городище. Часть фотографий раскопок Н.И. Репникова поступила в Этнографический отдел Русского музея. В Фотоархиве ИИМК РАН, однако, имеются копии с ряда этих фотографий, сделанные в 1931 г. для несостоявшейся выставки «Охрана памятников», организацией которой занималась Государственная Академия истории материальной культуры. Все снимки произведенных Н.И. Репниковым работ в Старой Ладогe сделаны тремя фотографами – И.Ф. Чистяковым, В.М. Машечкиным и А.А. Гречкиным. Одновременно с археологическими работами они запечатлели облик Старой Ладогe того времени: крепость, наружные и внутренние виды и утварь ладожских храмов. И.Ф. Чистяков являлся фотографом Императорской Археологической Комиссии с 1896 по 1918 г. и Государственной Академии истории материальной культуры с 1919 по 1935 г. Он сопровождал сотрудников в экспедициях и выполнял все необходимые фотографические работы. И.Ф. Чистяков оставил большую коллекцию негативов, которая легла в основу собрания Фотоархива ИИМК РАН. В.М. Машечкин и А.А. Гречкин, как фотографы Русского музея, участвовали в экспедициях, организованных Российским Этнографическим музеем, в том числе производили фотосъемку в процессе археологических работ в Старой Ладогe под руководством Н.И. Репникова. Качество выполненных фотографий и негативов несомненно свидетельствует о высоком профессионализме вышеперечисленных фотографов.

Участники Староладожской экспедиции 1949 г.
В центре группы В.И. Равдоникас и Г.П. Гроздилов

В фонде Императорской Археологической Комиссии хранятся также фотоснимки крепости и церкви Старой Ладogi, сделанные в 1907 и 1909 гг. П.П. Покрышкиным – одним из крупнейших специалистов в области древнерусской архитектуры.

Дальнейшее исследование Земляного городища Старой Ладogi продолжилось в конце 30-х гг. XX в. Работы под руководством В.И. Равдоникаса проводились в течение 11 полевых сезонов. Благодаря материалам экспедиции значительно пополнилось собрание фотографий Фотоархива ИИМК РАН, отображающих процесс археологического изучения Старой Ладogi. Фотоматериалы с подробным описанием систематически поступали в Фотоархив после каждого года раскопок Земляного городища. Они включают в себя фотофиксацию планиграфии и стратиграфии раскопов, снимки как индивидуальных находок, так и сводных таблиц рисунков керамики и отдельных групп вещей, чертежей, и фотографии разнообразных рабочих моментов археологических работ. Фотосъемка производилась фотографами и сотрудниками Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

В Фотоархиве хранятся также фотодокументы Невской экспедиции 1952 г. под руководством Н.Н. Гуриной и Староладожского отряда (начальник отряда Г.Ф. Корзухина), где представлены работы по обследованию Южного Приладожья и археологическому изучению курганов в урочище Плакун близ Старой Ладogi.

Новый этап археологического исследования Старой Ладogi начался в 1972 г. с организацией Староладожской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии под руководством А.Н. Кирпичникова.

В.И. Равдоникас и учащиеся Тихвинской школы. 1958 г.

Значительно расширилось количество памятников, охваченных археологическим изучением, о чем свидетельствуют фотоматериалы, в которых подробно отражены архитектурно-археологические работы разных лет в крепости, в Никольском монастыре, исследование церкви Святого Климента, раскопки на Земляном городище, на Варяжской улице, в урочищах Плакун и Победище, а также в других окрестностях Ладоги. Многочисленные отпечатки и негативы по сложившейся в предыдущие годы в ИИМК РАН системе комплектования планомерно поступали после каждого сезона полевых исследований в Фотоархив Института. По ним можно проследить все этапы археологических раскопок и работ по консервации и восстановлению крепостных сооружений, на фотографиях представлены стратиграфия и планиграфия раскопов, находки и сводные таблицы вещей и форм керамики.

КАТАЛОГ

УСАДЬБА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ ЛАДОГИ

Детали жилых и хозяйственных построек, транспорт

1, 2. Опоры-«стулья» амбара для хранения зерна. VIII–IX вв.

Дерево (сосна). Длина 75 и 78 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2209, 2210

3. «Курица» из четырехгранного массивного бруса. На одном конце сохранена часть корня, поддерживавшая водосток кровли, на другом сделан паз для крепления. VIII–IX вв.

Дерево (ель). Длина 102 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2020

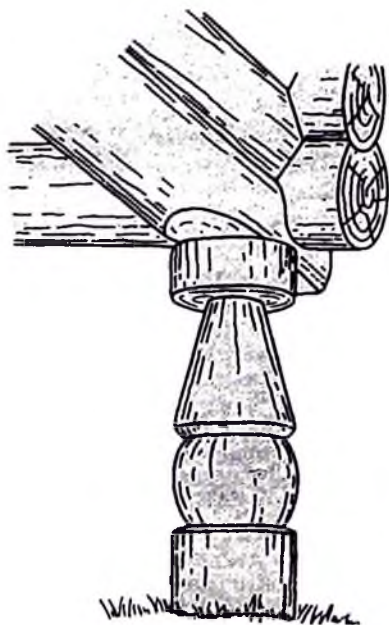
4. Крюк настенный зооморфный. VIII–IX вв.

Дерево. 18 x 9 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ КП-94161/А2-47

5. Замок цилиндрический. X–XII вв.

Железо. Высота 9 см, диаметр около 4 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1986 г.

СЛМ САЭ-86/№ 59, КП-94160/А1-21

6. Лыжа. Поверхность украшена врезными линиями. На нижней поверхности – два желоба. VIII в.

Дерево (ель). Длина 181 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2018

7. Санный полоз с выступающими по краям продольными бортиками, в которых выдолблены сквозные пазы. VIII–IX вв.

Дерево (сосна). Длина 137 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2017

4

5

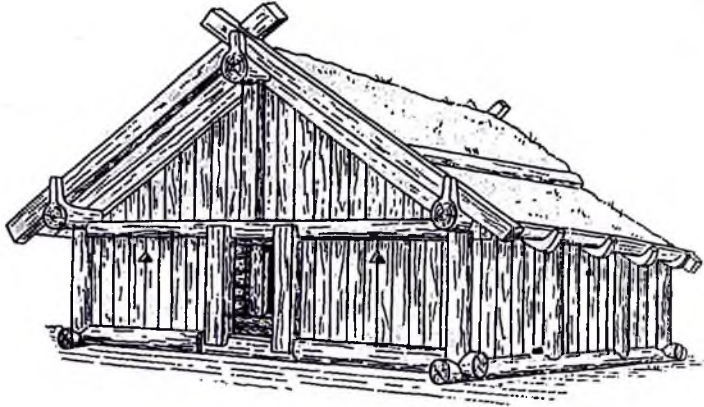
1

2

3

6

7

Предметы повседневного обихода

8. Нож с деревянной рукоятью, с длинным черенком, с прямой спинкой, отделенной от черенка уступом. VIII в.

Железо, дерево. Длина 16 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1975

Публикация: Минасян 1980, рис. 4: 5*

9. Нож с деревянной рукоятью, с прямой спинкой, отделенной от черенка уступом.

IX в.

Железо, дерево. Длина 16,5 см

Земляное городище

ГЭ 2698/204

10. Нож с длинным черенком, с прямой спинкой, отделенной от черенка уступом.

X в.

Железо. Длина 12 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/831

11. Нож. VIII в.

Железо. 10,5 x 2 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ НВФ-732/А2-28

Публикация: Рябинин 1994. С. 43, рис. 22: 9

12. Заготовка ножа. VIII–IX вв.

Железо. 11,9 x 1,3 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1985 г.

СЛМ НВФ-732/А2-101

Публикация: Рябинин 1994. С. 43, рис. 22: 7

13. Брусок точильный. VIII в.

Камень. 12,8 x 2,7 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1985 г.

СЛМ НВФ-732/А2-49

14. Кресало ажурное зооморфное. X в.

Бронза, железо. 5,7 x 4,7 см

Раскоп на Варяжской улице

Староладожская археологическая экспедиция
1974 г.

СЛМ САЭ-74, ЛП1/121

Публикация: Петренко 1984, рис. 2: 9

15. Кресало пластинчатое. VIII в.

Железо. 6,6 x 3,0 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1985 г.

СЛМ НВФ-732/А2-107

Публикация: Рябинин 1994. С. 45, рис. 24: 12

16. Кресало. IX–X вв.

Железо. Длина 11,5 см

Старая Ладога, южная часть

Исследования Староладожского музея 1980 г.

СЛМ КП-26899/А-6421

Публикация: Бессарабова 1996. С. 180, рис. 3: 4

17. Кресало. X–XI вв.

Железо. Длина 8,1 см, ширина до 2,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1986 г.

СЛМ КП-94160/А1-123

18. Блюдо с низким бортиком. VIII–IX вв.

Дерево (дуб, ясень). Диаметр 32 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/706

19. Тарелка. VIII–IX вв.

Дерево (дуб). Диаметр 22 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/143

20. Ковш. VIII–IX вв.

Дерево (ольха). Длина 29 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/486

21. Ложка с поднятым вверх черенком.

Орнаментирована треугольниками и крупной сеткой. VIII–IX вв.

Дерево (клен). Длина 7,8 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/337

Публикация: Давидан 1991, рис. 1: 1

* Полное название публикации дается в общем списке литературы.

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

24

23

25

26

27

22. Ложка. VIII–IX вв.

Дерево (клен). 8 x 5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/492

Публикация: Давидан 1991, рис. 1: 2

23. Чаша точеная (часть), круглая, плоскодонная. VIII в.

Дерево (вяз). Диаметр 13,5 см, высота 5,9 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/437

Публикация: Давидан 1970, рис. 1: 11; 2: 3

24. Стакан цилиндрический. Украшен рельефными поясками и врезанными линиями между ними. IX в.

Дерево (клен). Высота 8,3 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1979

Публикация: Давидан 1970, рис. 1: 9; 2: 2

25. Обломок большой чаши с горизонтальным бортиком. Украшен резной плетенкой. VIII в.

Дерево (ольха). Длина 14,6 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/478

Публикация: Давидан 1991, рис. 1: 12

26. Ковш овальной формы с плоской горизонтальной ручкой. IX в.

Дерево (ольха). Высота 5,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/80

Публикация: Давидан 1991, рис. 2: 11

27. Заготовка чаши. IX в.

Дерево (клен). Длина 14,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1939

Кухонная посуда

28. Сковорода. VIII–X вв.

Железо. Диаметр 24 см

Курганный могильник на р. Сязниге

Раскопки 1971 г.

СЛМ КП-3789/А-3171

29. Лепной сосуд. VIII–IX вв.

Глина. Высота 17 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1958 г.

ГЭ оп. хр. 71/75, 79, 81, 84

30. Лепной сосуд. VIII–IX вв.

Глина. Высота 40 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1958 г.

ГЭ оп. хр. 71/131

31. Лепной сосуд. Орнаментирован пальцевыми вдавлениями по плечу. VIII–IX вв.

Глина. Диаметр 17 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 71/72, 87, 88, 120

32. Лепной сосуд. VIII–IX вв.

Глина. Высота 23 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1958 г.

ГЭ оп. хр. 71/29, 30, 75, 84, 89, 91, 102, 107

33. Лепной сосуд. VIII–IX вв.

Глина. Высота 16,5 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1958 г.

ГЭ оп. хр. 71/66

34. Миниатюрный лепной сосуд. VIII–IX вв.

Глина. Высота 5,5 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1958 г.

ГЭ оп. хр. 71/47

35. Горшок лепной с ребром в верхней части. VIII в.

Глина. Высота 15,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2022

36. Миниатюрный лепной горшок с округлым туловом. VIII в.

Глина. Высота 6,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 85/144

37. Горшок лепной с округлыми плечиками. VIII–IX вв.

Глина. Высота 24 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 85/31

38. Горшок, сформованный на гончарном круге, с линейным орнаментом. XI в.

Глина. Высота 12 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 68/50

30

31

32

33

34

35

36

37

38

Одежда

39. Башмак, скроенный из трех деталей.

VIII–IX вв.

Кожа. Длина 23 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/329

Публикация: Оятева 1965, рис. 1: III

40. Башмак детский цельнокроеный.

VIII–IX вв.

Кожа. Длина 10,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/342

Публикация: Оятева 1965, рис. 1: VIII; 2: 3

41. Башмак. VIII–IX вв.

Кожа. Длина 26 см

Земляное городище

Раскопки Н.И. Репникова 1911 г.

ГЭ 2082/569

42. Рукав шерстяной ткани саржевого переплетения. VIII–IX вв.

Ткань. Длина 69 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1567

Публикация: Давидан 1981, табл. 5, № 9

43. Шерстяная ткань саржевого переплетения «в елочку» с начальной и боковой кромками, выполненными на табличках (фрагменты). X в.

Ткань. Ширина 33 см

Земляное городище

ГЭ 2698/376

Публикация: Давидан 1981, табл. 5, № 39

44. Шерстяная ткань (фрагмент). IX в.

Шерсть. 7,2 x 5,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ НВФ-732/А2-11

39

40

41

42

43

44

Домашние промыслы

45. Сапожная колодка (женская или детская).

IX–X вв.

Дерево (вяз). Длина 17,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/292

46. Сапожная колодка с орнаментом.

VIII–IX вв.

Дерево (ель). Длина 20 см

Земляное городище

ГЭ 3793/318

47. Игольник с иглой внутри. XI–XV вв.

Железо, бронза. Высота 5,5 см, диаметр до 0,8 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1992 г.

СЛМ САЭ-92/№ 15

48. Иголка. VIII–IX вв.

Бронза. Длина 5,8 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.

СЛМ КП-94161/A2-33

49. Грузило дисковидное от вертикального

ткацкого станка. X в.

Глина. Диаметр 11 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/176

Публикация: Штакельберг 1962, рис. 1

50. Пряслице костяное на деревянном

веретене. VIII–IX вв.

Кость, дерево. Длина 25,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/491

Публикация: Давидан 1981, рис. 3: 5

51. Пряслице. X в.

Глина. Диаметр 4 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/731

52. Пряслице. X в.

Шифер. Диаметр 2,2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/839

53. Пряслице, изготовленное из литейной формы. IX–X вв.

Известняк. Диаметр 3, высота 1,1 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-96696/A-18794

54, 55. Дошечки для плетения поясов.

IX–X вв.

Дерево (ель). Ширина 6,5 и 6,8 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1608, 1613

56. Чесало ножевидной формы с зубцами

(орудие для обработки льна). IX в.

Дерево. Длина 26 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/517

Публикация: Миролюбов 1973, рис. на с. 32

57. Трепало ножевидной формы (орудие для

обработки льна). VIII–IX вв.

Дерево. Длина 32,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/425

Публикация: Миролюбов 1973, рис. на с. 32

58. Ножницы пружинные. IX–X вв.

Железо. Длина 13,1 см

Земляное городище

Раскопки Н.И. Репникова 1913 г.

ГЭ 3793/79

59. Кочедык (орудие для плетения).

VIII–IX вв.

Кость. 14,1 x 1,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.

СЛМ КП-94161/A2-39

60. Свиток берестяной ленты. VIII–IX вв.

Береста. Диаметр 3,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1974 г.

СЛМ КП-1261, ЗГ-74/№ 524

45

46

49

47

48

50

51

52

63

61. Часть охотничьего лука. На конце имеется зарубка для натягивания тетивы. VIII–IX вв.
Дерево (ель). Длина 61,5 см
Земляное городище
Раскопки Н.И. Репникова 1911 г.
ГЭ 2082/531

62. Наконечник стрелы для охоты на пушного зверя с изображением бегущего оленя и плетеным орнаментом (фрагмент). VIII–X вв.
Рог. 3 x 1,6–2,5 см
Земляное городище
Случайная находка
СЛМ КП-62948/А-9691
Публикация: Васильев 1998. С. 420–421, рис. 1, 2

53

63. Наконечник пещни. VIII–IX вв.
Железо. 19,2 x 2,2 см, диаметр втулки 4 см
СЛМ КП-94161/ А2-54

64. Наконечник трехзубой составной остроги. VIII–IX вв.
Железо. 23,3 x 1,1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция 1984 г.
СЛМ КП-94161/А2-57
Публикация: Тарасов 2001. С. 72, рис. 3: а

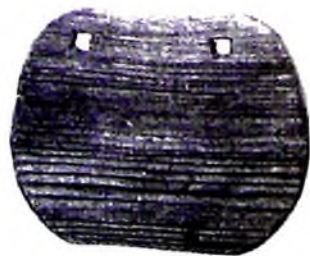
54

56

57

55

58

59

60

61

63

62

64

65

65. Сошник. VIII в.

Железо. Длина 15,5 см

Земляное городище

ГЭ 2698/259

Публикация: Миролубов 1972, рис. 3

66. Сошник. X в.

Железо. Длина 21 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/739

Публикация: Миролубов 1972, рис. 4

67. Сошник. VIII–X вв.

Железо. Высота 13 см, ширина до 8,3 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-84470/А-16862

68. Топор с полукруглой выемкой и прямой верхней гранью. VIII–X вв.

Железо. Длина 18 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1360

Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 11

69. Топор. VIII в.

Железо. 10 x 9,1 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1984 г.

СЛМ КП-94161/А2-65

70. Топор. XIV–XVII вв.

Железо. Высота 14,5 см, ширина до 8,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1981 г.

СЛМ ЗГ-81/87, КП-92119/А-17454

71. Грабли (фрагмент). IX–X вв.

Дерево. 19,8 x 4,2 x 8,7 см

Раскоп на Варяжской улице

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ САЗ-74, ЛПЗ/20

72. Пастушеский барабан (било). IX–X вв.

Дерево. Длина 42,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/342

73. Палочка для пастушеского барабана, или била. IX–X вв.

Дерево. Длина 22 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1017

67

65

66

68

69

70

71

72, 73

РЕМЕСЛА

74. Литейная форма с рядами полушариков, соединенных каналами. VIII в.

Камень. Ширина 7,4 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/500

Публикация: Давидан 1980, табл. 1: 3

75. Литейная форма двусторонняя. На одной стороне – трехрогая лунница, на другой – подвеска типа лунницы с эмалью. VIII в.

Камень. Ширина 4,5 см

Земляное городище

ГЭ 2698/311

Публикация: Равдоникас 1950, т. XII, рис. 33

76. Литейная форма для изготовления слитков. X в.

Камень. Длина 9,3 см

Земляное городище

ГЭ 2753/98

Публикация: Давидан 1980, рис. 2: 16

77. Слиток подтреугольный в сечении, с округлой нижней гранью. X в.

Медь. Длина 6,6 см

Земляное городище

ГЭ 2753/66

Публикация: Давидан 1980, рис. 2: 1

78. Тигелек конусовидный. X в.

Глина. Высота 5,5 см

Земляное городище

ГЭ 2698/313

Публикация: Давидан 1980, рис. 3: 9

79. Тигелек цилиндрический. IX в.

Глина. Высота 4,6 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/475

Публикация: Давидан 1980, рис. 3: 6

80. Льячка ложковидная. X в.

Глина. Высота 6,5 см

Земляное городище

ГЭ 2752/228

Публикация: Давидан 1980, рис. 3: 12

81. Формочка бронзолитейная (фрагмент). VIII–X вв.

Камень. 4,6 x 3,7 x 1,4 см

Территория Никольского монастыря

Исследования НИИ «Спецпроектреставрация»

СЛМ КП-38092/А-7084

82. Пила косторезная. VIII–IX вв.

Железо. 38 x 2 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.

СЛМ КП-94161/А2-26

74

75

81

78

79

80

76

77

83. Зубило ювелирное. IX–X вв.

Железо. 7,8 x 1,4 см

Старая Ладога, южная часть

Исследования Староладожского музея 1984 г.

СЛМ КП-94767/ А4-127

Публикация: Бессарабова 1998. С. 272, рис. 3: 3

84. Сопло от горна (фрагмент). VIII–IX вв.

Глина. 4,5 x 3,8 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1984 г.

СЛМ НВФ-732/ А2-63

85. Гвоздильня-волочило. VIII–IX вв.

Железо. 7,8 x 2,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1984 г.

СЛМ КП-94161/ А2-67

Публикация: Рябинин 1994. С. 45, рис. 24: 6

86. Кусачки. XI–XV вв.

Железо. Длина ок. 14,3 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-96073/А-18452

87. Пинцет. XI–XV вв.

Железо. Длина 8,1 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-96699/А-18796

88. Долото. X–XII вв.

Железо. Длина 23,1 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1986 г.

СЛМ САЗ-86/№ 123, КП-94160/А1-47

89. Линейка измерительная. IX–X вв.

Дерево. Длина 13,9 см, диаметр до 2,6 см

Раскоп на Варяжской улице

Староладожская археологическая экспедиция

СЛМ № 1721 (ЛП)

90. Заготовки изделий

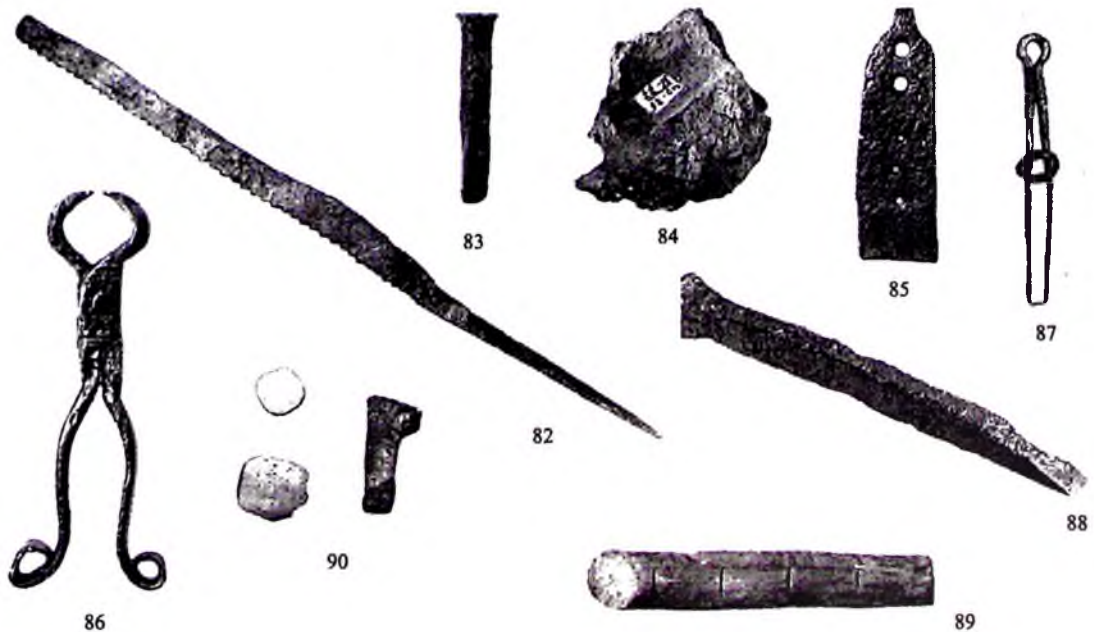
Янтарь. От 1 до 2,4 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1973–1975 гг.

СЛМ КП-1201, ЗГ-73-75/№ 401–403

*Клад инструментов
в производственном комплексе.
Земляное городище. VIII в.*

СТАРОЛАДОЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ 1975 г.
ПУБЛИКАЦИЯ: Рябинин 1985,
рис. 21–22; 23:9, 11

91. Наковальня с роговидным выступом
Железо. Высота 12,5 см
ГЭ 2551/3

92–98. Клещи шарнирные
Железо. Длина 16–41,8 см
ГЭ 2551/4–10

**99, 100. Сверла ложковидные для сверления
дерева**
Железо. Длина 60 и 40,6 см
ГЭ 2551/11–12

101–103. Молотки ювелирные
Железо. Длина 8,7 см; 8,7 и 10 см
ГЭ 2551/13–15

104. Ножницы ювелирные
Железо. Длина 31,2 см
ГЭ 2551/16

105. Зубило
Железо. Длина 9,5 см
ГЭ 2551/17

106. Гвоздильня с отверстиями
Железо. Длина 14,5 см
ГЭ 2551/18

107. Пластина фигурная
Железо. Длина 13,5 см
ГЭ 2551/19

108. Брусочек
Железо. Длина 4,2 см
ГЭ 2551/21

109. Диск
Железо. Диаметр 4,7 см
ГЭ 2551/22

*Клад ювелирного сырья
из бронзолитейной мастерской.
Земляное городище.
Вторая половина IX в.*

СТАРОЛАДОЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ 1997 г.

110. Обломок овальной фибулы
с геометрическим и зооморфным плетеным
орнаментом
Латунь. Ширина 6 см
ИИМК САЭ 97/131

111. Фибула типа «Вальста»
с геометрическим орнаментом
Латунь. Длина 5,4 см
ИИМК САЭ 97/154

112. Заготовка браслета
Латунь. Длина 5,4 см
ИИМК САЭ 97/164

113. Булавка с кольцом
Бронза. Длина 7,8 см
ИИМК САЭ 97/111

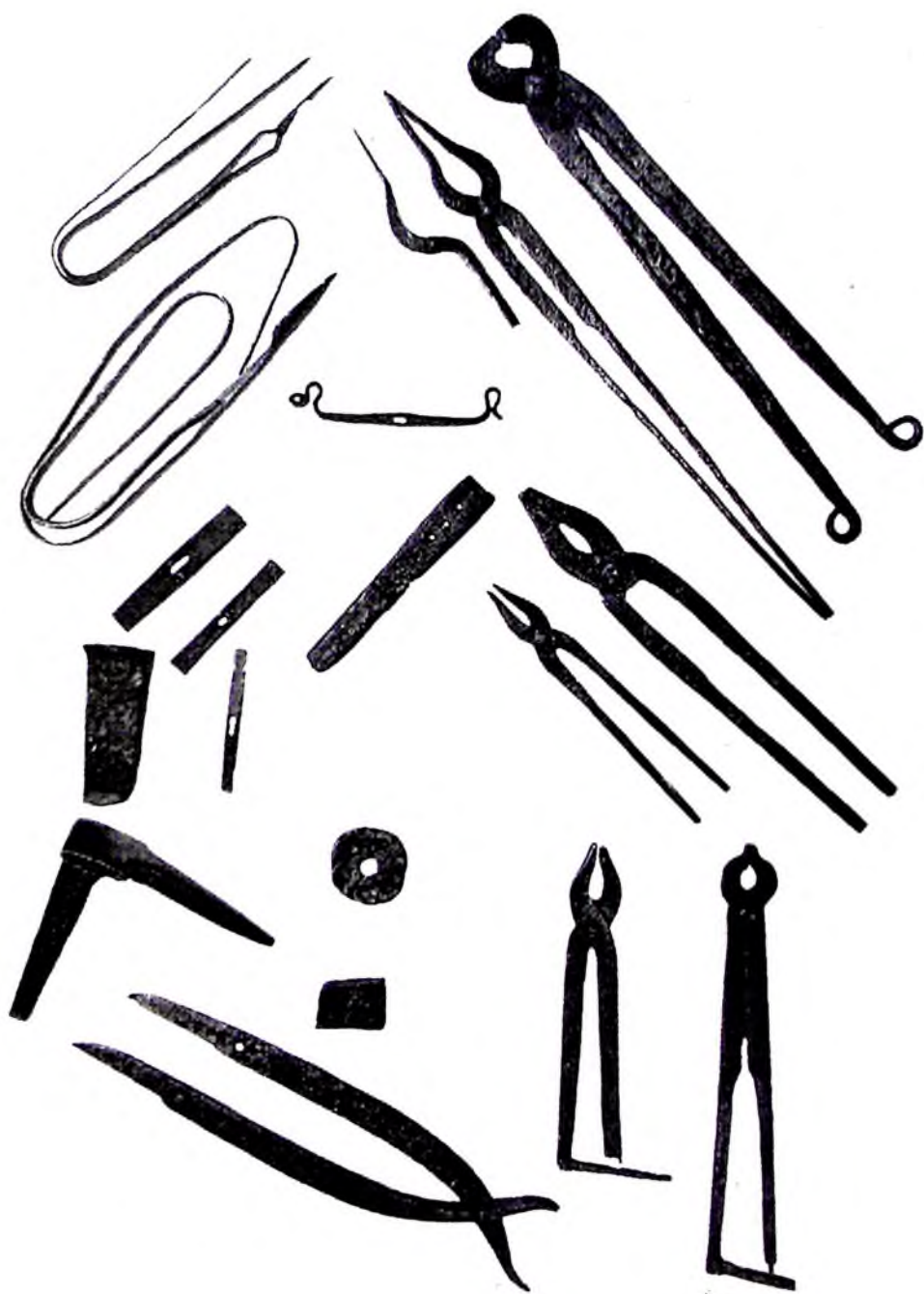
114. Бляшка круглая
Свинцово-оловянистый сплав. Диаметр 1,6 см
ИИМК САЭ 97/163

115. Крючок рыболовный
Желтый металл. Длина 3,8 см
ИИМК САЭ 97/167

116. Височное кольцо спиралеконечное
Бронза. Высота 3,5 см
ИИМК САЭ 97/252

117. Чекан
Железо. Длина 12,7 см
ИИМК САЭ 97/239

**118. Гребень составной с кружковым
орнаментом**
Рог. Длина 17,8 см
ИИМК САЭ 97/33

91-109

119. Кресало калачевидное

Железо. Длина 4,6 см

ИИМК САЭ 97

120. Пластина-заготовка

Латунь. Длина 4,6 см

ИИМК САЭ 97/167

121. Бусина из рубчатой проволоки

Латунь. Диаметр 0,8 см

ИИМК САЭ 97/43

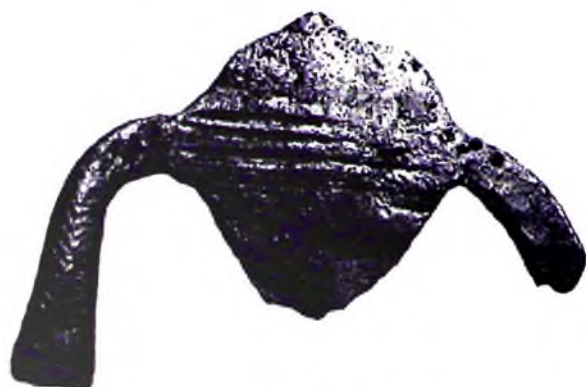
110

111

114

112

113

115

118

117

120

116

119

121

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО В ДЕТАЛЯХ КОСТЮМА

122. Кольцо височное проволочное спиралеконечное. VIII в.

Бронза. Диаметр 2,6 см

Земляное городище

ГЭ 2698/14

Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 10

122

123

123. Кольцо височное лунничное. Украшено штампованным орнаментом в виде точек и кружков. IX в.

Бронза. Диаметр 7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1982

Публикация: Давидан 1976, рис. 8: 1

124

124. Кольцо височное ромбоцитковое орнаментированное. XII–XIII вв.

Бронза. Диаметр 8,5 см

СЛМ КП-3191/А-2798

125. Кольцо височное серповидное с отверстием для привесок. VIII в.

Бронза. Диаметр 6 см

Старая Ладога. Клад инструментов

в производственном комплексе

Раскопки Е.А. Рябина 1975 г.

ГЭ 2551/1

125

126. Пластинчатая обойма головного венчика с пуансонным орнаментом по краям. VIII в.

VIII в.

Латунь. Длина 5,4 см

Земляное городище

ГЭ 2698/18.

Публикация: Davidan 1993. Abb. 8: 7

126

127. Фибула овальная, украшенная линией по краю. VIII в.

Бронза. Диаметр 5,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/403

Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 3

127

128. Фибула круглая с плетеным орнаментом.

IX в.

Бронза. Диаметр 2,7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/294.

Публикация: Davidan 1993. Abb. 9: 14

128

129. Фибула равноплечная. На концах – изображения масок, поверхность покрыта схематической плетенкой. X в.

Бронза. Длина 8,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/653

Публикация: Равдоникас, Лаушкин 1959, рис. 5, 5а

129

130. Фибула в виде головы медведя

с плетеным орнаментом на поверхности. X в.

Бронза. Длина 5,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/921

Публикация: Равдоникас, Лаушкин 1959, рис. 7, 7а

130

131. Ажурная пластина скорлупообразной фибулы с зооморфным орнаментом. IX–X вв.
Бронза. Длина 8,5 см
Старая Ладога
Случайная находка
ГЭ 1005/26

132

132. Ажурная пластина скорлупообразной фибулы. X в.
Бронза. 8,5 x 5,7 см
Земляное городище
ГЭ 2425/301

133. Обломок ажурной пластины скорлупообразной фибулы. X в.

Бронза. Длина 6 см
Земляное городище
ГЭ 2751/156

Публикация: Равдоникас 1949, рис. 30: 3

133

134. Фибула скорлупообразная. X в.

Бронза, позолота. 10,8 x 6,7 см
Земляное городище
Случайная находка
СЛМ КП-370/А-287

135. Фибула ажурная. VIII–IX вв.

Бронза. Диаметр 7 см
Территория крепости
Исследования НИИ «Спецпроектреставрация»
1980 г.
СЛМ КП-41129/А-9386

134

136. Игла кольцевидной фибулы с навершием в стиле Борре (фрагмент). X в.

Бронза. 18,4 x 2,2 см
Раскоп на Варяжской улице
Староладожская археологическая экспедиция
1977 г.

СЛМ САЗ-1977, ЛП1/762

Публикация: Кирпичников, Сарабьянов 1996.
С. 65

136

137. Фибула подковообразная. Середина XII–XIII вв.

Серебро. Диаметр 7 см
Разрушенные курганы у дер. Беседы,
Волосовский р-н Ленинградской обл.
Ижорская экспедиция 1971 г.
СЛМ КП-3886/А-6808, Д/М № 33

135

138. Застежка подковообразная.

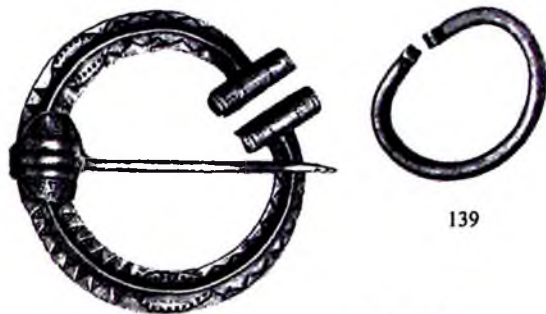
VIII–IX вв.

Бронза. Диаметр 5,6 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/346

Публикация: Давидан 1976, рис. 8: 5

139

139. Фибула подковообразная спиралеконечная.

VIII–IX вв.

Бронза. 4,3 x 3,6 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1984 г.

СЛМ КП-94161/А2-48

137

140. Фибула подковообразная спиралеконечная.

X–XI вв.

Бронза. Диаметр ок. 3,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1986 г.

СЛМ САЭ-86/№ 41, КП-94160/А1-53

140

141. Фибула подковообразная с гранеными головками.

X–XI вв.

Бронза. Диаметр 7,9 см

Старая Ладога. Случайная находка

Староладожская археологическая экспедиция

1976 г.

СЛМ САЭ-1976, ЛП1/1127

141

142. Фибула кольцевидная с гранеными головками.

X в.

Бронза. Диаметр 5 см

Земляное городище

ГЭ 2751/159

142

143. Фибула овальная со спиральными головками.

VIII в.

Бронза. Наибольший диаметр 4,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1978

Публикация: Davidan 1993. Abb. 9: 15

143

144. Игольник с крышкой и цепочкой для подвешивания. Корпус украшен напаянными колечками, орнаментированными косой насечкой. IX в.

Бронза. Длина 7,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/453

Публикация: Davidan 1993. Abb. 10: 27

145. Цепь, скреплявшая между собой парные украшения. IX в.

Латунь. Длина 32 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/118

Публикация: Davidan 1993. Abb. 10: 30

146. Цепь с золотостеклянной бусиной. VIII в.

Латунь, стекло. Длина 8,8 см

Земляное городище

ГЭ 2698/15

Публикация: Davidan 1993. Abb. 10: 29

147. Бляшка выпуклая в виде ползущего зверя. X в.

Бронза, позолота. Длина 1 см

Земляное городище

ГЭ 2751/158

Публикация: Davidan 1993. Abb. 8: 12

148. Бляшка колесовидная. VIII–X вв.

Оловянистый сплав. Диаметр 1,3 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ КП-94161/A2-52

149. Крючок для гетр зооморфный

с плетеным орнаментом, с тремя ушками и двумя отверстиями. X в.

Бронза. Длина 2,7 см

Могильник Плакун

Староладожская археологическая экспедиция
1948 г.

ГЭ оп. хр. 204-1/56

150. Подвеска кресаловидная с завязанными концами, со штампованным орнаментом в виде «волчьего зуба». IX в.

Бронза. Диаметр 8,8 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/941

Публикация: Davidan 1993. Abb. 8: 4

151. Подвеска кресаловидная. X в.

Бронза. Диаметр 3,7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/942

Публикация: Давидан 1980, рис. 2: 8

152. Подвеска круглая ажурная в стиле

Борре с головой на ушке и с изображением переплетенного зверя. X в.

Серебро. Диаметр 2,7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/2

Публикация: Равдоникас, Лаушкин 1959,
рис. 4, 4а

153. Подвеска круглая со штампованным орнаментом в виде точек и кружков.

VIII–IX вв.

Бронза. Диаметр 7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1983

Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 4

154. Подвеска круглая с ушком для подвешивания. По краю орнаментирована пояском ложной зерни. В середине крестообразный растительный орнамент. IX–X вв.

Оловянистый сплав. Диаметр 2,2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/737

Публикация: Davidan 1993. Abb. 9: 22

155. Подвеска очковидная. X в.

Бронза. Высота 2,4 см

Земляное городище

ГЭ 2753/58

Публикация: Давидан 1986, рис. 2: 1

156. Подвеска трапециевидная на петле с точечным и кружковым орнаментом. IX в.

Бронза. Высота 3,4 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2085

Публикация: Давидан 1986, рис. 2: 14

144

145

146

147

148

149

150

151

152

153

156

154

155

157. Подвеска-уточка. IX в.

Рог. Длина 3 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/1685

Публикация: Давидан 1966, рис. 4: 4

158. Застежка для одежды с изображением скарабея. XII–XV вв.

Бронза. 2,7 x 1,9 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-3265/А-2870

159. Подвеска двуглавый конек. XII–XV вв.

Бронза. 4,9 x 7 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-38843/А-7451

160. Подвеска-амулет «уточка». XII в.

Бронза. 3 x 4 см

СЛМ КП-62950/А-9693

161. Подвеска-птичка (фрагмент). XI–XII вв.

Бронза. 2,8 x 2,6 см

СЛМ КП-77532/А-12240

162. Фигурка «конек». VIII–X вв.

Янтарь. 1,2 x 1,8 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1981 г.

СЛМ ЗГ-81/177, КП-92291/А-17536

163. Подвеска-уточка. IX в.

Рог. 4 x 2 см

Раскоп на Варяжской улице

Староладожская археологическая экспедиция
1976 г.

СЛМ КП-2371, САЭ-76, ЛП1/728

Публикация: Петренко 1984, рис. 2: 4

164. Подвеска-конек. XI–XIII вв.

Бронза. Длина 3,2 см

Земляное городище

ГЭ 2790/287

165. Подвеска-уточка. Конец X – первая половина XII в.

Бронза. Высота 3,9 см

Земляное городище

ГЭ 2753/57

166. Подвеска-птичка с кольцом для подвешивания на спинке и двумя колечками на брюшке для крепления подвесок-лапок. В одном из колечек сохранилось двойное звено цепочки. XII–XIII вв.

Бронза. Длина 4,4 см

Земляное городище

ГЭ 2790/238

Публикация: Рябинин 1981, табл. V: 2

167. Ажурная подвеска-конек. XII–XIII вв.

Бронза. Высота 4,4 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1949 г.

ГЭ оп. хр. 9/22

157

158

161

163

165

160

166

162

159

164

167

168. Подвеска трапециевидная. IX–X вв.
Бронза. 2,6 x 1,8 см
Территория Никольского монастыря
Исследования НИИ «Спецпроектреставрация»
1978 г.
СЛМ КП-38091/А-7083

169. Подвеска трапециевидная. VIII–X в.
Кость. 2,2 x 2,3 см
Старая Ладога
Случайная находка
СЛМ КП-95584/А-18427

170. Подвеска трапециевидная с пуансонным орнаментом вдоль основания. IX в.
Бронза. Высота 4 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 8/1684
Публикация: Davidan 1993. Abb. 10: 25

171. Подвеска литая в виде трех соединенных трапециевидных подвесок. VIII–IX вв.
Оловянистый сплав
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.
СЛМ КП-94161/А2-31

172. Пинцет косметический с кольцом для подвешивания. VIII в.
Железо. Длина 5,3 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 84/541
Публикация: Davidan 1993. Abb. 10: 28

173. Подвеска-амулет из медвежьего клыка. VIII–X вв.
Кость. Длина 8 см
Территория Никольского монастыря
Исследования НИИ «Спецпроектреставрация»
1978 г.
СЛМ КП-38093/А-7085'

174. Обломок шейной гривны
из четырехгранного, частично скрученного
дрота. VIII в.
Железо. Длина 18,5 см
Земляное городище
ГЭ 2698/240
Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 13

175. Подвеска-«молоточек Тора». IX в.
Железо. Высота 4 см
Земляное городище
ГЭ 2698/251
Публикация: Давидан 1976, рис. 8: 8

176. Гривна с «молоточками Тора». X в.
Железо. 17 x 13 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1975 г.
Публикация: Petrenko, Kuzmenko 1978. S. 81,
fig. 4: 4
СЛМ КП-2371, САЭ-75, ЛП1/156

177. Браслет литой с орнаментом в виде плетенки. X в.
Бронза. Диаметр 6,5 см
Земляное городище
ГЭ 2753/56
Публикация: Равдоникас 1949, рис. 30: 1

178. Браслет ладьевидный. X–XI вв.
Бронза. Диаметр 6,6 см, ширина до 2,1 см
Варяжская улица
Староладожская археологическая экспедиция
1973 г.
СЛМ КП-95101/А-18226, САЭ-73 ЛП/385

179. Браслет пластинчатый
орнаментированный (фрагмент). Середина
XIII–XIV вв.
Бронза. 4,7 x 1,9 см
Старая Ладога, южная часть
Исследования Староладожского музея 1984 г.
СЛМ КП-94767/А4-411

180. Перстень салтовского типа со вставкой синего стекла. VIII–IX вв.
Бронза, стекло. Диаметр 2 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 8/1661
Публикация: Давидан 1986, рис. 2: 2

181. Перстень витой. XII–XIII вв.
Серебро. Вес 8,8 г. Диаметр 2,8–3,2 см
Могильник у дер. Даймище, Гатчинский р-н
Ленинградской обл.
СЛМ КП-3181/А-6805 Д/М № 34

168

169

170

171

172

176

173

175

174

176

177

182. Перстень пластинчатый кованый
с чеканным орнаментом. XII–XIII вв.
Медь. Диаметр 2,1–2,3 см, ширина щитка 1,4 см
Земляное городище
Случайная находка
СЛМ КП-77564/А-12260

183. Перстень щитковый (фрагмент).
X–XII вв.
Оловянистый сплав (?). Диаметр 1,8 см,
ширина до 0,9 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1986 г.
СЛМ САЭ-86/№ 80, КП-94160/А1-29

184. Вставка перстня (фрагмент)
Сердолик. 1 x 1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.
СЛМ КП-68827/А-11913

185. Пряжка ременная двучастная
с овальной рамкой. XI–XII вв.
Бронза. Длина 2,7 см
Земляное городище
ГЭ 2752/130

186. Наконечник пояса с растительным
орнаментом. IX–X вв.
Бронза. Длина 6 см
Земляное городище
ГЭ 2751/160
Публикация: Равдоникас 1949, рис. 30: 2

187. Щиток от пряжки с растительным
орнаментом (три фрагмента)
Оловянистый сплав. Длина 3,7 см, ширина 2,5 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1999 г.
СЛМ САЭ-99/№ 23

188. Разделитель бус со звериной головкой на
конце и плетеным орнаментом на поверхности.
X в.
Бронза. Длина 8,5 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 10/149
Публикация: Корзухина 1973, рис. 8: 1

189. Низки бус. VIII–X вв.
Стекло, сердолик, горный хрусталь, янтарь
Земляное городище
ГЭ 2082/486
Публикация: Львова 1968, рис. 1: 4

190. Лунница синяя салтовского типа.
VIII–IX вв.
Стекло. Ширина 2,1 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 84/20
Публикация: Давидан 1976, рис. 8: 6

191. Подвеска каплевидная. X в.
Сердолик. Высота 1,7 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 70/56

192. Бусина шаровидная с рисунком. X в.
Сердолик. Диаметр 0,8 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 8/333

178

179

180

181

182

183

184

186

185

190

191

192

189

188

193. Булавка с зооморфным навершием и поясками врезного геометрического орнамента на стержне. X в.

Кость. Длина 14,6 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/1688

Публикация: Davidan 1993. Abb. 21: 128

193

194. Булавка, украшенная врезным растительным орнаментом по стержню

Кость. Длина 15 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 12/1073

194

195. Булавка с фигурным навершием, орнаментированным врезными линиями

Кость. Длина 14,2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/196

195

196. Булавка с навершием в виде двух птичьих головок, развернутых в разные стороны. Стержень украшен поясками врезных линий. IX–X вв.

Кость. Длина 11,1 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1765

196

197. Булавка с фигурной головкой, украшенной врезным линейным и циркульным орнаментом. IX–X вв.

Кость. Длина 8,3 см

Земляное городище

ГЭ 2425/151

197

198. Булавка с зооморфным навершием и колечком. VIII–IX вв.

Бронза. 7 x 2 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ КП-94161/A2-44

198

199. Булавка с зооморфным навершием и сложным орнаментом на стержне. X в.

Рог. Длина 7,5 см

Земляное городище

ГЭ 2752/166

Публикация: Давидан 1966, рис. 4: 17

200. Копоушка с зооморфным навершием.

В верхней части стержня – рельефный орнаментальный поясок в виде плетенки.

IX–X вв.

Кость. Длина 7,2 см

Земляное городище

Раскопки Н.И. Репникова 1912 г.

ГЭ 2425/280

Публикация: Davidan 1993. Abb. 21: 125

201. Копоушка с рельефным орнаментом

в виде набегающих волн. Навершие утрачено.

X в.

Кость. Длина 9 см

Земляное городище

Раскопки Н.И. Репникова 1910 г.

ГЭ 2790/747

Публикация: Davidan 1993. Abb. 21: 123

202. Копоушка с навершием в виде человека

в длиннополой одежде, украшенной циркульным орнаментом, и шляпе с высокой тульей. XVI–XVII вв.

Рог. Длина 6,4 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-3272/А-2877

203. Копоушка «сарского типа» с флажковым орнаментом.

X в.

Кость. Длина 6,4 см

Раскоп на Варяжской улице

Староладожская археологическая экспедиция

1976 г.

СЛМ КП-3271, САЭ-76, ЛП1/20

Публикация: Петренко 1984. С. 86–87, рис. 2: 3

200

201

199

202

203

204. Гребень односторонний наборный
с широкими дугообразными, слегка выпуклыми накладками. Орнаментирован рамкой из двойных линий по краю и различными фигурами из кружков с точкой в центре. VIII в.
Рог. Длина 18,6 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 10/1984

Публикация: Давидан 1962, рис. 1: 4

205. Гребень односторонний наборный
с широкими дугообразными, слегка выпуклыми накладками. VIII–IX вв.
Рог. Длина 15,5 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 10/1915

Публикация: Давидан 1962, рис. 1: 3

206. Гребень односторонний наборный
с широкими дугообразными, слегка выпуклыми накладками. Орнаментирован горизонтальными и вертикальными рядами кружков и рамкой в середине накладки. IX в.
Рог. Длина 18,5 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 84/361

Публикация: Давидан 1962, рис. 1: 5

207. Гребень односторонний составной.
Орнаментирован двойными бороздками по краю накладки и вертикальными бороздками, чередующимися с рядами кружков. X в.
Рог. Длина 21,0 см
Земляное городище
ГЭ 2751/178

208. Гребень односторонний наборный
с широкими дугообразными, слегка выпуклыми накладками. Орнаментирован горизонтальной полоской плетения, заключенной в рамку. X в.
Рог. Длина 19 см
Земляное городище
ГЭ 2698/168

Публикация: Давидан 1962, рис. 2: 1

209. Гребень односторонний наборный.
Концы оформлены в виде стилизованных голов медведя. Накладка орнаментирована лентами плетения, разделенными внутренней рамкой. X в.
Рог. Длина 21,5 см
Земляное городище
ГЭ 2751/180

Публикация: Давидан 1962, рис. 2: 2

210. Гребень односторонний наборный
с узкими, сильно выпуклыми дугообразными накладками с выступами на концах. По поверхности – резной геометрический орнамент из пересекающихся двойных линий, образующих ромбы и треугольники. X в.
Рог. Длина 13,2 см
Земляное городище
ГЭ 2752/145

Публикация: Давидан 1962, рис. 3: 8

211. Гребень односторонний наборный
с узкими, сильно выпуклыми дугообразными накладками, орнаментированными пересекающимися ромбами. X в.
Рог. Длина 16,2 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 70/120

Публикация: Davidan 1993. Abb. 19: 101

212. Гребень односторонний наборный
с бронзовыми накладками, с литым орнаментом в виде двух линий плетения. X в.
Рог, бронза. Длина 11,3 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 8/1659

Публикация: Давидан 1962, рис. 3: 10

213. Верхняя часть гребня с ажурной спинкой
в виде двух лебедей. X в.
Рог. Высота 3,7 см
Земляное городище
ГЭ 2753/67

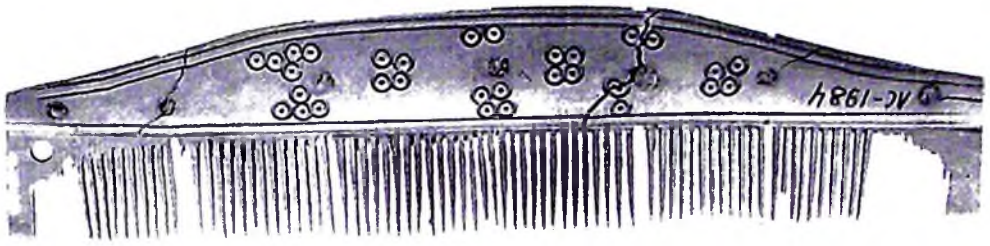
Публикация: Давидан 1962, рис. 4: 1

214. Фигурный гребень с головами птиц, повернутыми в разные стороны. X в.
Рог. Высота 4,1 см
Земляное городище
ГЭ оп. хр. 8/798

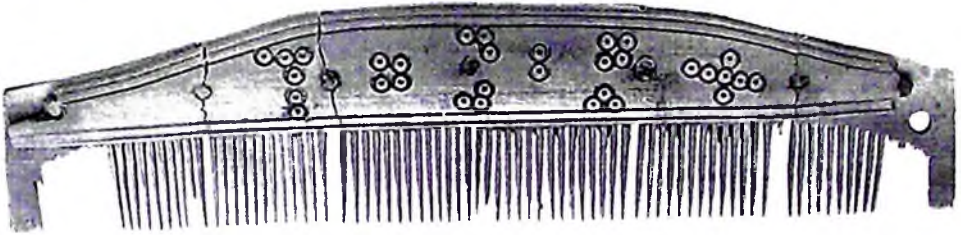
Публикация: Давидан 1962, рис. 4: 3

215. Гребень односторонний с зооморфными фигурками на спинке. Украшенный врезным орнаментом. IX в.
Рог. 5,8 x 3,1 см
Раскоп на Варяжской улице
Староладожская археологическая экспедиция
1977 г.
СЛМ КП-2371, ЛП1-1203

Публикация: Петренко 1984. С. 85–86, рис. 2: 1

204

205

206

207

208

209

210

211

212

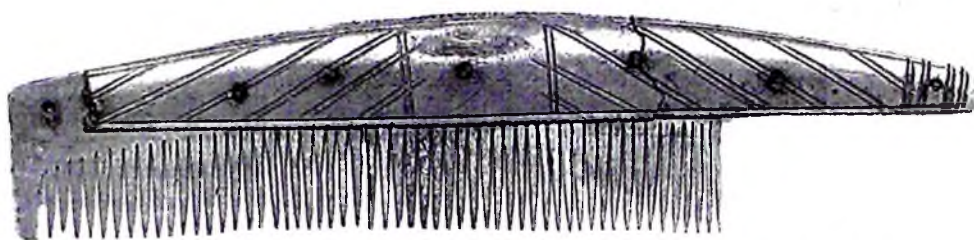
213

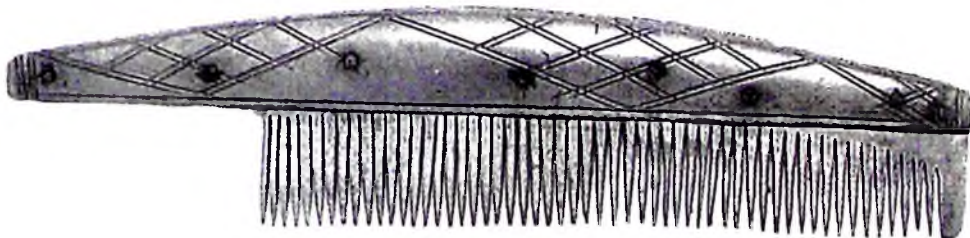
215

214

216

217

216. Гребень составной односторонний орнаментированный. VIII–IX в.
 Рог. 18 x 4 см
 Земляное городище
 Староладожская археологическая экспедиция
 1984 г.
 СЛМ КП-94161/A2-51

217. Гребень цельный двусторонний с циркульным орнаментом с одной стороны. XII–XIV вв.
 Рог. 3,4 x 0,7 см
 Варяжская улица
 Случайная находка
 СЛМ КП-7534/A-5889

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

218–222. Заклепки лодейные. VIII–X вв.

Железо. Длина 3,2–6,5 см

Земляное городище

ГЭ 2698/224,245; оп. хр. 70/193; 84/73, 474

223. Лопатка для смоления кораблей.

Лопасть пластинчатая, обернута куском кожи с остатками шерсти. Ручка длинная, круглая, слегка сплюснутая. VIII–IX вв.

Дерево (сосна), овчина. Длина 78 см

Земляное городище

Раскопки Н.И. Репникова 1911 г.

ГЭ 2082/534

224. Стойка корабельного навеса.

Четырехгранный брус с сохранным отростком корня на одном конце. К нему крепится часть другого корня таким образом, что вся конструкция имеет Т-образную форму. Ниже на поверхности нанесены две группы зарубок и процарапано изображение мужского лица. Рубеж IX–X вв.

Дерево. Длина 244 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2021

Публикация: Сорокин 1997, рис. 39: 1, 2

218–222

225. Уключина. VIII–IX вв.

Дерево (дуб). Длина 59 см

Земляное городище

ГЭ 2895/1

226. Весло гребное. X в.

Дерево (сосна). Длина 117 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1948 г.

ГЭ оп. хр. 8/1500

227. Весло для гребли на челноке. Конец IX–X вв.

Дерево (дуб). Длина 120 см

Урочище Плакун, «сопка в пойме»

Раскопки группы Староладожского археологического отряда ЛОИА АН СССР под рук. Е.Н. Носова 1973 г.

ГЭ оп. хр. 327-3/15

Публикация: Носов 1985. С. 150

228. Обломок ребра животного с процарапанным изображением корабля. VIII–IX вв.

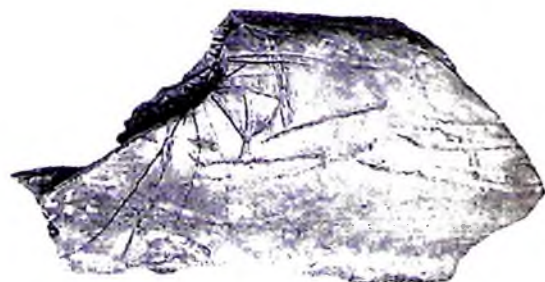
Кость. 6 x 3 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция 1984 г.

СЛМ КП-94161/A2-77

Публикация: Рябинин 1994. С. 50, рис. 26

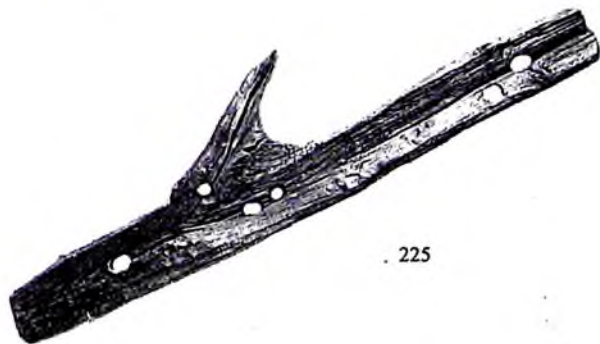
228

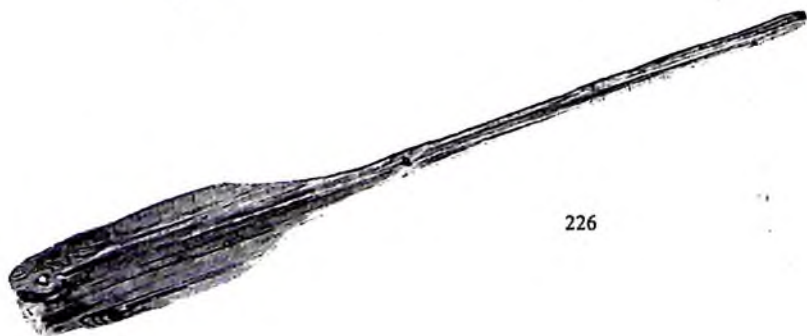
224

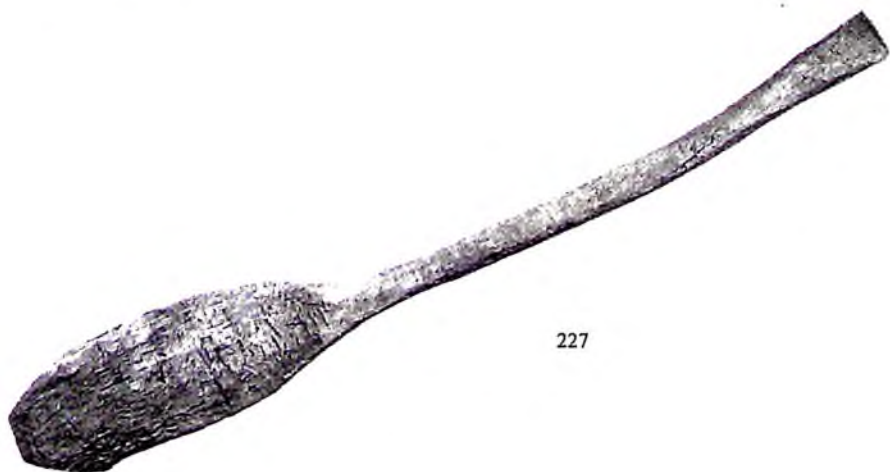
223

225

226

227

ТОРГОВЛЯ И БЫТ ТОРГОВЫХ ЛЮДЕЙ

229. Игральная кость. IX в.

Янтарь. Высота 1,2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/529

Публикация: Давидан 1984, рис. 2: 17

230. Игральная шашка полусферическая. X в.

Янтарь. Диаметр 2 см

Земляное городище

ГЭ 2698/43

Публикация: Давидан 1984, рис. 2: 22

231. Подвеска-«скарabei». X в.

Сердолик. Высота 3,2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 65/57

Публикация: Давидан 1988, рис. 1: 1

232. Дирхем 699/700 гг. Абу-аль-Малик.

Дамаск

Серебро. Диаметр 2,6 см

Земляное городище. Производственный комплекс середины VIII в.

ГЭ оп. хр. 10/1909

233. Дирхем 806–809 гг. Аббасиды, Харун-аль-

Рашид-ас-Салам

Серебро. Диаметр 2,2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 20/340

234. Дирхем 808/809 гг. Аббасиды, Харун-аль-

Рашид-ас-Салам

Серебро. Диаметр 2,2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 20/341

235. Подвеска. Подражание арабскому дирхему. IX в.

Серебро. Диаметр 2,1 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/74

229

230

231

232

233

234

*Бусы – особое средство платежа.
VIII–XII вв.*

- 236. Пронизка мозаичная цилиндрическая** с шахматным узором
Стекло, мозаичная стеклянная паста. Диаметр 1,1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№736, КП-1198
- 237. Пронизка мозаичная цилиндрическая** с поперечными волнистыми полосками
Мозаичная стеклянная паста. Диаметр 1,6 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№918
- 238. Бусина мозаичная шаровидная** красно-бело-синяя с глазками и поперечным пояском (фрагмент)
Мозаичная стеклянная паста. Диаметр 1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№877
- 239. Бусина глазчатая** с глазками на широком поперечном пояске
Мозаичная стеклянная паста. Диаметр 1,4 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№706 КП-1198
- 240. Бусина глазчатая шаровидная** синяя с желтыми глазками
Мозаичная стеклянная паста. Диаметр 0,9 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№720
- 241. Бусина продольно-полосатая** (желтые, красные, белые и синие полоски)
Мозаичная стеклянная паста. Диаметр 0,9 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№917

- 242. Бусина продольно-полосатая** (синие и белые полоски)
Мозаичная стеклянная паста. Диаметр 1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№765
- 243. Пронизка золотостеклянная 5-частная**
Стекло, золотая фольга. Длина 2,5 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№723
- 244. Пронизка золотостеклянная 3-частная**
Стекло, золотая фольга. Длина 1,4 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№708
- 245. Пронизка серебростеклянная 1-частная** с бирюзовым верхним слоем
Стекло, серебряная фольга. Длина 0,5 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№907

236–248; 250–261

246. Пронизка серебростеклянная 2-частная
с бирюзовым верхним слоем
Стекло, серебряная фольга. Длина 1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№ 832

247. Бусина золотостеклянная биконическая
Стекло, золотая фольга. Высота 1,4 см,
диаметр 1,5 см
Старая Ладога
Случайная находка
СЛМ КП-7843/А-5992

248. Бусина голубая в виде куба
Стекло. 0,8 x 1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№ 833

249. Лунница голубая
Стекло. 1,8 x 2,2 см
Земляное городище
Случайная находка
СЛМ КП-7835/А-5990

250. Пронизка 6-частная сиреневая
Стекло. Длина 2,1 см, диаметр 0,6 см
Старая Ладога
Случайная находка
СЛМ КП-78676/А-12307

251. Бусина голубая с «цветком»
Стекло. Диаметр 0,9 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75/№ 1000

252. Бусина
Янтарь. Диаметр 0,9–1,1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.
СЛМ КП-68176/А-11260

253. Бусина
Янтарь. 1 x 0,9 x 0,4 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.
СЛМ КП-68500/А-11584

254. Бусина
Янтарь. Диаметр 1,7 см, высота 0,4 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.
СЛМ КП-68593/А-11677

255–257. Бусина шаровидная
Сердолик. Диаметр 0,6–1 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ КП-1198/ЗГ-73-75/№ 208, 214, 227

258. Бусина 14-гранная
Сердолик. 0,5 x 0,6 x 0,7 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75 /№ 207

259. Бусина шаровидно-многогранная
Горный хрусталь. Диаметр 1–1,2 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75 /№ 161

260. Бусина шаровидно-многогранная
Горный хрусталь. Диаметр 1–1,2 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1973–1975 гг.
СЛМ ЗГ-73-75 /№ 171

261. Бусина шаровидная гладкая
Горный хрусталь. Диаметр 0,8 см, высота 0,7 см
Земляное городище
Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.
СЛМ КП-68146/А-11230

262. Кошелек с ремешком. IX в.

Кожа. 8,5 x 6,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.

СЛМ КП-94161/A2-19

262

263. Весовая гирька сферической формы с

утраченной оболочкой. IX в.

Железо. Диаметр 2,1 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/375

Публикация: Давидан 1987, рис. 1: 13

263

264

264. Весовая гирька сферической формы. X в.

Олово. Диаметр 2 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2094

Публикация: Давидан 1987, рис. 1: 15

265

266

265, 266. Весовые гирьки 14-гранные. X в.

Латунь. Высота 0,8 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/689, 954

Публикация: Давидан 1987, рис. 1: 3, 4

267. Весовая гирька цилиндрическая с двумя

точками. X в.

Свинец. Диаметр 1,3 см

Земляное городище

ГЭ 2752/138

Публикация: Давидан 1987, рис. 1: 25

267

268. Обломок ложки с растительным и

плетеным орнаментом. X в.

Рог. Длина 6,5 см

Земляное городище

ГЭ 2790/79

Публикация: Давидан 1966, рис. 6: 1

269

268

269. Черенок ложки с орнаментом в виде

плетенки. X в.

Рог. Длина 10,8 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 67/687

Публикация: Давидан 1966, рис. 4: 19

270. Навершие посоха в виде звериной головы с оскаленной пастью. X в.

Рог. Высота 10 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/678

Публикация: Давидан 1966, рис. 4: 1

271–273. Игральные шашки. IX–X вв.

Рог. Высота 2,4–2,7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/463, 544; 20/202

Публикация: Давидан 1970, рис. 1: 6, 7

274. Игральная шашка конусовидная

с округлой головкой. X в.

Рог. Высота 5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/888

Публикация: Давидан 1966, рис. 4: 6

275. Окаменелый морской еж. Использовался в качестве шахматной фигуры. IX–X вв.

Камень. Диаметр 3 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/2106

276. Замочек миниатюрный кубический. IX в.

Железо. 1,8 x 1,7.

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция 1982 г.

СЛМ КП-94161/A2-25

277. Оковка замочка миниатюрного

кубического с циркульным орнаментом. IX в.

Бронза. 2,3 x 1,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция 1984 г.

СЛМ КП-94161/A2-43

278. Ключ с ремешком. VIII–IX вв.

Железо, кожа. 6,4 x 1 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция 1984 г.

СЛМ КП-94161/A2-62

279. Бритва. XIII в.

Железо. 11,1 x 3 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-7836/A-5991

280. Каменный сосуд (фрагмент). VIII–X вв.

Жировик. 1,2–1,5 см

Земляное городище

Случайная находка

СЛМ КП-63519/A-10262

Публикация: Бессарабова 2001. С. 119, рис. 1

281. Бляшка от сумки, прикреплявшейся к ремню. X в.

Бронза. 1,6 x 1,6 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-28616/A-7020

282. Писало. XII–XIV вв.

Бронза. 12,8 x 1 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция 1982 г.

СЛМ КП-68026/A-11110

283. Рукоять составная с резным геометрическим орнаментом. VIII–IX вв.

Рог. Длина 10,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1817

Публикация: Давидан 1966, рис. 3: 9

270

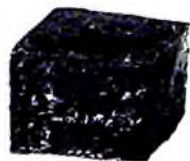
271-273

275

274

276

280

277

281

278

282

283

279

ВОЙНА

284. Навершие шлема. X в.

Железо. Диаметр 6,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ КП-82927/A-16525

285. Наконечник копья черешковый лавролистный. VIII в.

Железо. Длина 21,5 см

Земляное городище

ГЭ 2698/258

Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 14

286. Наконечник копья черешковый, двушипный. IX в.

Железо. Длина 21 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1977

Публикация: Давидан 1976, рис. 8: 12

287. Наконечник копья втульчатый листовидный. VIII–IX вв.

Железо. Длина 21 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1441

Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 15

288. Копье. X–XI вв.

Железо. Длина 34 см, ширина до 4 см

Дер. Трусово, на северной окраине Старой Ладого

Случайная находка

СЛМ КП-96594/A-18664

289, 290. Наконечники стрел. VIII в.

Железо. Длина 6,7 и 7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/419, 427

291. Наконечник стрелы листовидный. VIII–IX вв.

Железо. 9,4 x 1,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1985 г.

СЛМ КП-94161/A2-85

Публикация: Рябинин 1994. С. 45, рис. 24: 1

292. Наконечник стрелы. XI–XII вв.

Железо. 1,1 x 9,3 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.

СЛМ КП-67993/A-11077

293. Наконечник стрелы листовидный.

IX–X вв.

Железо. 5,3 x 1,7 см

Старая Ладога. Территория крепости

Исследования НИИ «Спецпроектреставрация»
1979 г.

СЛМ КП-40743/A-9000

294. Наконечник стрелы. X в.

Железо. 6,5 x 1,2 см

Старая Ладога. Территория крепости

Исследования НИИ «Спецпроектреставрация»
1979 г.

СЛМ КП-40744/A-9001

295. Наконечник стрелы. IX–XI вв.

Железо. 0,6 x 1,1 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-7305/A-5848

296. Стрела ланцетовидная. VIII–X вв.

Железо. Длина 7 см, ширина до 1,1 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1992 г.

СЛМ САЭ-92/№ 65

297. Наконечник стрелы арбалета.

XII–XIV вв.

Железо. Длина 0,6 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-3268/A-2873

298. Наконечник дротика двушипный (фрагмент). VIII–IX вв.

Железо. 8,3 x 3 см

Старая Ладога

Случайная находка

СЛМ КП-17013/A-6030

286

285

284

289

290

293

288

291

292

287

294

299. Топорик босвой. X в.

Железо. 9,3 x 5,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1984 г.

СЛМ КП-82895/А-16493

Публикация: Кирпичников, Сарабьянов 1996.

С. 86

300. Кольчужное плетение (фрагмент). VIII–IX вв.

Железо. Диаметр 6 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1982 г.

СЛМ КП-94161/А2-38

301. Склепанное колечко от оторочки кольчуги. XI–XIII вв.

Бронза. Диаметр 1,5 см

Земляное городище

Исследования Староладожского музея 1980 г.

СЛМ КП-26902/А-6424

Публикация: Бессарабова 1996. С. 180, рис. 3: 6

302. Нож большой. IX–X вв.

Железо. Длина 27,8 см

Земляное городище

Раскопки Н.И. Репникова 1913 г.

ГЭ 3793/67

303. Шпора с насечкой из цветных металлов (фрагмент). XII–XIII вв.

Железо, цветные металлы. Длина 14 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1982 г.

СЛМ КП-67979/А-11063

304. Плита известняковая из кладки стены Ладожской крепости. IX–X вв.

Камень. 14,7 x 12,7 x 5 см

СЛМ КП-96606/А-18762

305. Копье игрушечное. IX в.

Дерево. Длина 21 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/518

Публикация: Давидан 1976, рис. 8: 15

306. Меч игрушечный. VIII–IX вв.

Дерево. Длина 13,9 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 84/442

Публикация: Давидан 1976, рис. 7: 7

307. Меч игрушечный. IX в.

Дерево. Длина 20 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/1540

Публикация: Давидан 1976, рис. 8: 13

308. Меч игрушечный (фрагмент). VIII–IX вв.

Дерево. 9,8 x 4,5 см

Земляное городище

СЛМ НВФ-732/А2-22

309. Меч игрушечный (фрагмент). VIII–IX вв.

Дерево. 27 x 3,5 см

Земляное городище

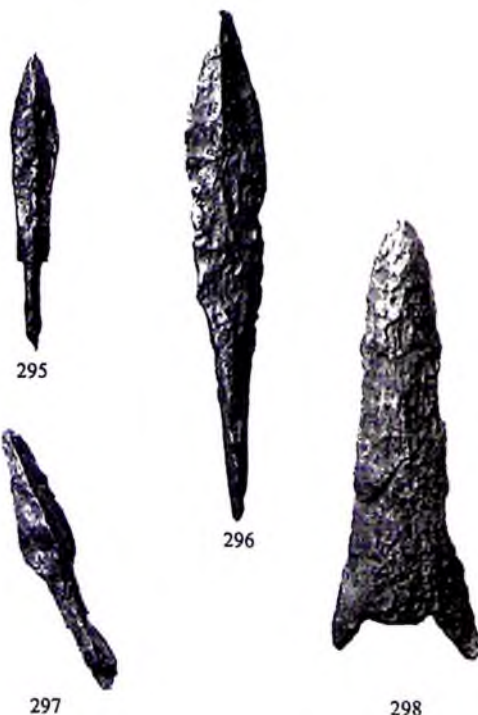
СЛМ НВФ-732/А2-24

310. Меч игрушечный (фрагмент). VIII–IX вв.

Дерево. 7,1 x 3,7 см

Земляное городище

СЛМ НВФ-732/А2-112

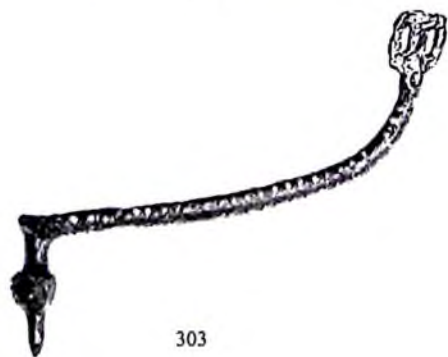
299

300

301

303

304

302

305

306

307

308

310

309

МИР МЕРТВЫХ: КУРГАНЫ И СОПКИ

Сопки в окрестностях Старой Ладogi

311. Наконечник дротика двушипный
с утолщающимся посередине черенком. VIII в.

Железо. Длина 35 см

Урочище Сопки

ГЭ 694/92

Публикация: Петренко 1994. С. 122, рис. 39: 12

311

312

313. Фибула равноплечная. VI–VII вв.

Бронза. Длина 3,4 см, ширина до 1,3 см

Урочище Сопки

Случайная находка

СЛМ САЭ-1977, ЛЛ

Публикация: Петренко 1984. С. 89, рис. 4: 2

313

314. Конек-подвеска объемный. X в.

Бронза. 3,7 x 2,2 см

Урочище Победище

Случайная находка

СЛМ КП-41470/А-9674

314

315. Подвеска с изображением знаков
Рюриковичей. Начало XI в.

Бронза. 5,2 x 2,5 см

Урочище Победище

Исследования Староладожского музея 1970 г.

СЛМ КП-698/А-507

Публикация: Петренко 1977. С. 58, рис. 2: 7

315

Сопка в урочище Победище. VIII–IX вв.

РАСКОПКИ Н.Е. БРАНДЕНБУРГА 1884 г.

ПУБЛИКАЦИЯ: Бранденбург 1895.

№ 18: табл. VI: 11, 18, 20

316. Бляшка полукруглая с фигурными прорезями

Бронза. Ширина 2,2 см

ГЭ 694/37

317. Бляшка трехконечная с расширенными круглыми концами

Бронза. Ширина 5,7 см

ГЭ 694/38

318. Наконечник с продольной прорезью и двумя отверстиями на основании

Бронза. Длина 5,6 см

ГЭ 694/39

319, 320. Бляшки круглые с рельефным лучеобразным орнаментом

Бронза. Диаметр 2 см

ГЭ 694/43-44

316

317

318

319

320

342

Сопка в урочище Плакун. IX в.

СТАРОЛАДОЖСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1940 г.

ПУБЛИКАЦИЯ: Орлов 1955,

рис. 16: 3–8; 17: 1; 19

321–341. Бляшки от уздечного набора:

14 круглых, 7 наконечников – свинцовые с серебряными накладками со штампованным орнаментом в виде валиков с насечками
Серебро, свинец, кожа. Диаметр 0,7–2,4 см, длина наконечников 2,7–3 см

ГЭ оп. хр. 19/11, 16

342. Псалии фигурные с конскими головками

Бронза. Длина 16,5 см

ГЭ оп. хр. 19/13, 14

321–341

343. Острие с навершием в виде головы дракона
Кость. Длина 9,4 см
ГЭ оп. хр. 327-1/1

344. Пряжка трапециевидной формы.
Посередине рамки – перекладина с двумя круглыми отверстиями
Бронза. Длина 3,5 см
ГЭ оп. хр. 327-1/2

345. Половина удила
Железо. Длина 9,8 см
ГЭ оп. хр. 327-1/7

*Курганный могильник
в урочище Плакун. IX-X вв.*

346. Лунница двурогая с ушком из сложенной вдвойне пластины. Орнаментирована рубчатой проволокой и зернью.
Серебро. Ширина 3,1 см
Курган № 6
Староладожская экспедиция. Раскопки В.А. Назаренко 1971 г.
ГЭ 2833/1 ПБс 3367

344

345

343

347-351. Бусы многогранные
Сердолик
Курган № 5
ГЭ оп. хр. 65-VII/200, 206, 210, 228, 241

352. Бусина цилиндрическая
Сердолик
Курган № 5
ГЭ оп. хр. 65-VII/200

53-355. Бусы призматические
Сердолик
Курган № 5
ГЭ оп. хр. 65-VII/225, 239

356. Бусина многогранная
Горный хрусталь
Курган № 5
ГЭ оп. хр. 65-VII/238

357, 358. Бусы шаровидные
Горный хрусталь
Курган № 5
ГЭ оп. хр. 65-VII/229, 240

359. Бусина бипирамидальная
Горный хрусталь
Курган № 5
ГЭ оп. хр. 65-VII/230

360. Миниатюрный лепной сосуд
Глина
Курган № 5
ГЭ оп. хр. 65-VII/199

361-364. Заклепки лодейные
Железо. Длина 5,3; 3,2; 4,7; 3,9 см
Курган № 7
ГЭ оп. хр. 65-VII/2, 3, 6, 20

365. Бусина биконическая из рубчатой проволоки
Серебро
Курган № 7
ГЭ оп. хр. 65-VII/54

346

347-359

360

365

361-364

366

367

366. Фризский кувшин (в обломках) с

орнаментом из сетки и креста

Глина

Курган № 7

ГЭ оп. хр. 65-VII/57, 80, 82, 113, 117, 122, 146,
147, 166, 167, 171, 173, 189

367. Лепной сосуд

Глина

Курган № 7

ГЭ оп. хр. 65-VII/224

368. Стержень со скульптурной головой бородатого мужчины и двумя птичьими головками, повернутыми друг к другу над его головой. VIII в.

Бронза. Высота 5,4 см

Старая Ладога. Клад инструментов в производственном комплексе

Раскопки Е.А. Рябинина 1975 г.

ГЭ 2551/2

369. Береста с тисненым изображением зверя (фрагмент). X в.

Береста. Длина 17,5 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1958 г.

ГЭ оп. хр. 70/202

370. Голова мужчины с клиновидной бородой. IX в.

Рог. Высота 7,5 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/469

Публикация: Давидан 1966, рис. 4: 2

369

370

368

371. Антропоморфная фигурка с непроработанным туловищем, вырезанная из сучка. VIII–IX вв.

Дерево (осина). Высота 10 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1976

Публикация: Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986, рис. 25

372. Стилизованная мужская фигурка. IX в.

Дерево (ясень). Высота 11 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 8/1687

Публикация: Гроздилов 1950, рис. 4: 5

373. Мужская фигурка с веретенообразным туловищем. В нижней части расширение «юбка» с утолщением на месте пояса. На голове шлем. X в.

Дерево (тис). Высота 27 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/117

374. Скульптурная голова фантастического зверя с оскаленной пастью на тонком прямом стержне. IX в.

Дерево (клен). Высота 7,8 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1972

Публикация: Равдоникас 1951, рис. 1: 2

371

372

373

374

375. Скульптурная голова утки с круглыми выпуклостями на месте глаз. IX в.

Дерево (ясень). Длина 12,6 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1971

Публикация: Равдоникас 1951, рис. 1: 1

376. Фигурка коня на пластине. X в.

Дерево (ель). Длина 12,7 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 70/244

Публикация: Davidan 1993. Abb. 24: 167

377. Стержень с рунической надписью из 52 знаков. IX в.

Дерево (ель). Длина 42 см

Земляное городище

ГЭ оп. хр. 10/1969

Публикация: Адмони, Сильман 1957, рис. на с. 41

378. Подвеска с рунической надписью. X в.

Медь. 4,8 x 1,8 см

Варяжская улица

Староладожская археологическая экспедиция 1975 г.

СЛМ САЭ-1975, ЛП1/1303

Публикация: Петренко, Кузьменко 1977.

С. 162–169, рис. 88, 89

379. Фрагмент стенки амфоры

с процарапанной надписью. X–XI вв.

Керамика. 5,5 x 3,6 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция 1982 г.

СЛМ КП-94161/A2-16

380. Орнаментированное изделие в форме топорика. X–XII вв.

Сланец. Высота 6,7 см, ширина до 4,2 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция 1995 г.

СЛМ САЭ-95/№ 174, КП-96878/A-18937

Публикация: Кирпичников, Сарабьянов 1996. С. 77

381. Шпенек (колок) струнного музыкального инструмента. VIII–IX вв.

Дерево. 7,9 x 1,7 см

Старая Ладога, южная часть

Исследования Староладожского музея 1980 г.

СЛМ НВФ-190/A-125

Публикация: Поветкин 1997. С. 67, рис. 1

375

376

378

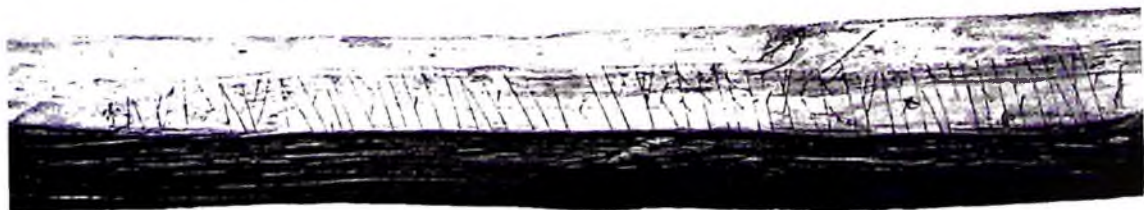
379

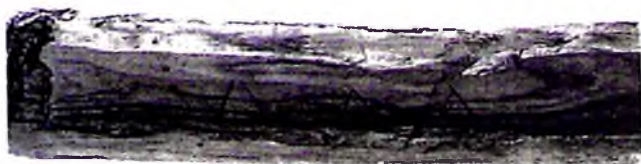
381

380

377

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДРЕВНОСТИ ПРИЛАДОЖЬЯ

*Курганный могильник у дер. Заозерье,
курган № 6. X в.*

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

РАСКОПКИ В.И. РАВДОНИКАСА 1928 г.
ПУБЛИКАЦИЯ: Raudonikas 1930. Fig. 48–51

382. Кольцо височное с завязанными концами и напущенной на него стеклянной оранжевой бусиной

Бронза, стекло. Диаметр 2,2 см
ГЭ 700/92

382

383. Фибула овальная скорлупообразная

Бронза. Длина 11,6 см
ГЭ 700/84

383

384. Подвеска в виде ажурной пластины с изображением двух конских голов, с привесками-лапками на цепочках

Бронза. Длина 12 см
ГЭ 700/86

384

385

385. Подвеска в виде ажурной пластины с изображением двух конских голов и человека между ними, с привесками-лапками на цепочках

Бронза. Длина 12,2 см
ГЭ 700/87

386

386. Перстень пластинчатый с расширяющимся щитком. Орнаментирован зубчатым штампом

Бронза. Диаметр 2,1 см
ГЭ 700/90

387. Бубенчик округлый с крестовидной прорезью. Орнаментирован насечкой

Бронза. Диаметр 1,4 см
ГЭ 700/91

387

388. Нож с костяной рукояткой и деревянной обоймой

Железо, кость, дерево. Длина 16,2 см
ГЭ 700/93

388

МУЖСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

РАСКОПКИ В.И. РАВДОНИКАСА 1928 г.
ПУБЛИКАЦИЯ: Raudonikas 1930. Fig. 40–41

389. Копье втульчатое листовидной формы
Железо. Длина 25,5 см
ГЭ 700/48

390. Топор боевой с широким лезвием
Железо. Длина 14 см
ГЭ 700/49

391. Брусок точильный с железным кольцом,
продетым в отверстие
Железо, камень. Длина 5,4 см
ГЭ 700/50

392. Наконечник стрелы типа срезня
Железо. Длина 12 см
ГЭ 700/52

393–395. Наконечники стрел стержневидные
Железо. Длина 12–13,5 см
ГЭ 700/53, 54, 55

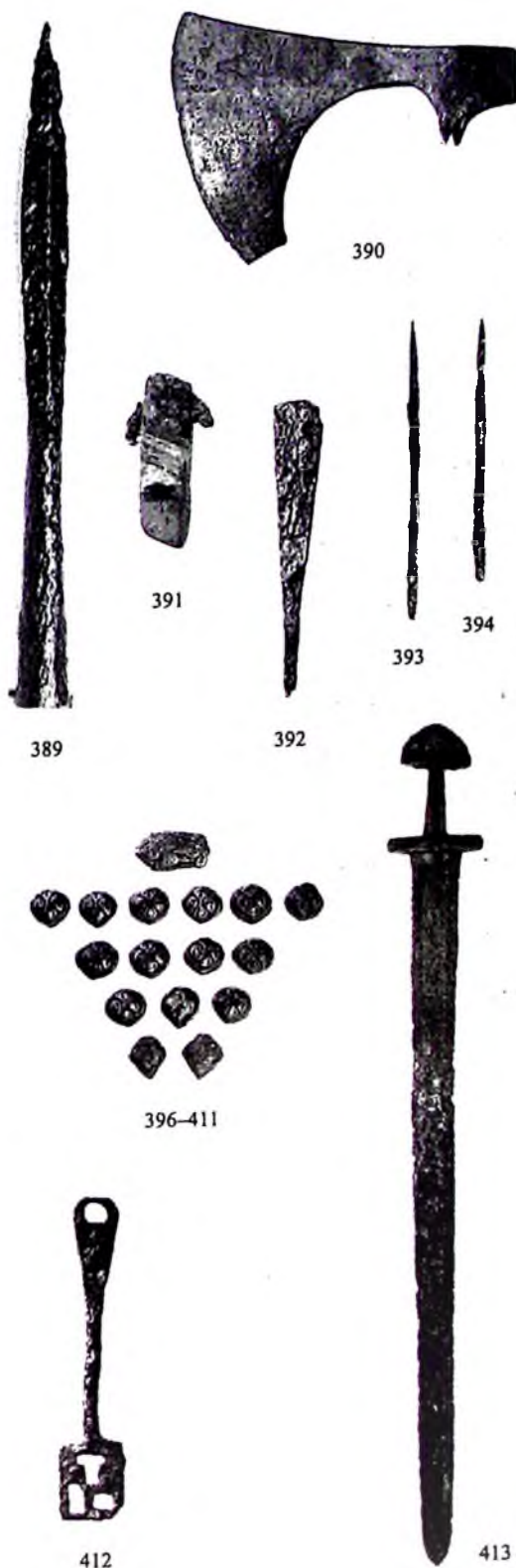
396–408. Бляшки от пояса выпуклые округлой
формы с растительным узором
Бронза. Диаметр 1,5 см
ГЭ 700/57

409, 410. Бляшки от пояса ромбовидной
формы с геометрическим узором
Бронза. Длина 1,6 см
ГЭ 700/58

411. Бляшка от пояса концевая,
шестиугольной формы с растительным
орнаментом
Бронза. Длина 2,7 см
ГЭ 700/59

412. Ключ плоский в виде лопаточки
с прорезями
Железо. Длина 8,6 см
ГЭ 700/61

413. Меч с трехчастным навершием и прямым
перекрестием. На клинке надпись *Gerolt*
Железо. Длина 91,5 см
ГЭ 700/456

ОЧАЖНЫЙ КОМПЛЕКС

РАСКОПКИ В.И. РАВДОНИКАСА 1928 г.
ПУБЛИКАЦИЯ: Raudonikas 1930. Fig. 38, 46

414. Лопатка с длинной ручкой с узорным навершием
Железо. Длина 87 см
ГЭ 700/76

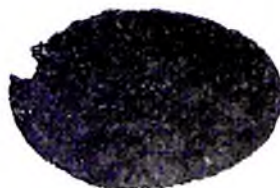
415. Сковородник с маленькой лопаткой на конце
Железо. Длина 66,5 см
ГЭ 700/77

416. Котел полусферический, кованый из трех частей
Железо. Диаметр 30 см
ГЭ 700/78

417. Цепь с двумя кольцами и тремя крючками на концах
Железо. Длина 132 см
ГЭ 700/79

418. Сковорода
Железо. Диаметр 22 см
ГЭ 700/82

419. Горшок лепной
Глина. Высота 14 см
ГЭ 700/80

*Группа курганов у хут. Новосельск.
X – нач. XI в.*

РАСКОПКИ В.И. РАВДОНИКАСА 1928 г.
ПУБЛИКАЦИЯ: Raudonikas 1930. Fig. 101, 102

420. Гривна пластинчатая «серповидная»
с суживающимися замкнутыми концами,
по краям точечный орнамент
Серебро. Диаметр 12 см
ГЭ 700/375 ПБс 1016

420

421

421. Подвеска с волютообразным щитком
и четырьмя лапчатыми привесками
Бронза. Длина 4,5 см
ГЭ 700/386

422

423

422. Подвеска-уточка полая с двумя
лапчатыми привесками на цепочках
Бронза. Длина 6,4 см
ГЭ 700/384

424

425, 426

423. Колоушка с отверстием для
подвешивания и орнаментом из треугольников
на рукоятке
Бронза. Длина 7,3 см
ГЭ 700/382

424. Подвеска ажурная круглая с ушком
Бронза. Диаметр 3,4 см
ГЭ 700/387

425, 426. Браслет проволочный с косо
насечкой
Бронза. Диаметр 6,7 и 6,8 см
ГЭ 700/353, 354

427. Застежка кольцевидная с загнутыми
концами и подвижной иглой
Бронза. Диаметр 5,6 см
ГЭ 700/352

427

428

428. Низка бус (86)
Паста. Диаметр до 1,5 см
ГЭ 700/348

*Группа курганов у дер. Ильино.
XII–XIII вв.*

РАСКОПКИ В.И. РАВДОНИКАСА 1928 г.
ПУБЛИКАЦИЯ: Raudonikas 1930. Fig. 106, 107

429. Браслет пластинчатый
орнаментированный с загнутыми концами
Бронза. Диаметр 5,9 см
Курган № 8, комплекс IV
ГЭ 700/168

429

430. Браслет проволочный витой
Бронза. Диаметр 5,8 см
Курган № 8, комплекс IV
ГЭ 700/167

430

431. Перстень пластинчатый
орнаментированный
Бронза. Диаметр 2,0 см
Курган № 8, комплекс IV
ГЭ 700/169

431

432

432. Застежка кольцевидная с загнутыми концами и подвижной иглой
Бронза. Диаметр 2,1 см
Курган № 8, комплекс IV
ГЭ 700/166

433

434

433. Игольник с прорезным навершием
Бронза. Длина 6,3 см
Курган № 8, комплекс IV
ГЭ 700/171

434. Подвеска-ключ с раздвоенной бородкой
Бронза. Длина 5,1 см
Курган № 8, комплекс IV
ГЭ 700/173

435

436

435, 436. Серьга с тремя напущенными бусинами из витой проволоки
Бронза. Диаметр 2,5 и 2,4 см
Курган № 6
ГЭ 700/131, 132

437. Подвеска-уточка пластинчатая, прорезная
Бронза. Длина 5,2 см
Курган № 6
ГЭ 700/140

437

РАСКОПКИ В.И. РАВДОНИКАСА 1928 г.

438. Игольник трубчатый с цепочкой для подвешивания. X – нач. XI в.

Бронза. Длина 6,8 см

Дер. Вичугино, курган № 4, комплекс II
ГЭ 700/328

439. Игольник с прорезным навершием XI–XII вв.

Бронза. Длина 6,3 см

Дер. Вика-Гора, курган № 1, комплекс I
ГЭ 700/331

440. Подвеска-ключ. XI–XII вв.

Бронза. Длина 7,0 см

Дер. Вика-Гора, курган № 1, комплекс I
ГЭ 700/331

438

439

440

441. Оконница. XII в.

Дерево. 138 x 64 x 3 см

Церковь Святого Георгия

ГЭ ЭРА-29/1

442. Оконница. XII в.

Дерево (черемуха). 42 x 49 x 2,5 см

Церковь Святого Георгия

ГЭ ЭРА-29/2

443. Образок нательный. На лицевой стороне –

Богородица Оранта, на оборотной –

Процветший Крест. XIII в.

Бронза. 3,7 x 2,7 см

Старая Ладога

ГЭ ЭРП-1655

444. Крест-энколпион, состоящий из двух

половин, скрепленных между собою

петельками; верхняя петелька имеет вид

большой бусины. Обе половины креста имеют

на концах рельефные поясные изображения

святых, на лицевой стороне в центре –

изображение Распятия, на обороте –

св. Никита, побивающий беса. XIV в.

Медь. Длина 7,5 см

Урочище Климентовщина

Случайная находка

ГЭ 1927/9

445. Крест-энколпион. XII–XIII вв.

Бронза. Высота 2,6 см, ширина 1,7 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1992 г.

СЛМ САЭ-92/№ 27

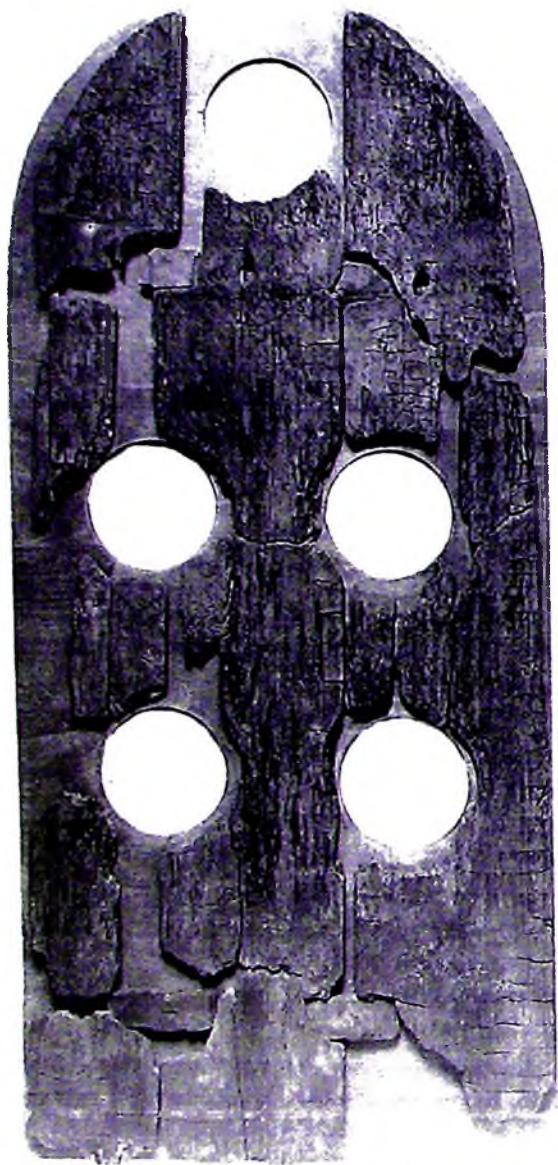
446. Крест-энколпион. XII–XIII вв.

Бронза. Высота 6 см, ширина 2,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция
1992 г.

СЛМ САЭ-92/№ 34

441

442

443

444

445

446

447–449. Застежки для книг

Бронза. Длина 3,3; 2,9; 2 см

Земляное городище

Раскопки В.И. Равдоникаса 1939 и 1945 гг.

ГЭ 2752/133,134; оп. хр. 18/2679

450. Заготовка изделия в форме креста. VIII–

IX вв.

Камень. 4,8 x 4,5 см

Земляное городище

Староладожская археологическая экспедиция

1985 г.

СЛМ НВФ-732/А2-44

447–449

450

452. Лик неизвестного персонажа (фрагмент

фрески)

Известь. 8 x 4 x 2 см

СЛМ 42111

453. Лик неизвестного персонажа (фрагмент

фрески)

Известь. 8 x 6,5 x 2 см

СЛМ 95248/71394

Публикация: Васильев 2000б. С. 60–96

451

452

453

ОБРАЗ БОГА: ЛИКИ И ПИСЬМЕНА

Церковь Святого Климента. 1153–1156 гг.

451. Лик неизвестного персонажа (фрагмент

фрески)

Известь. 9 x 4,5 x 1 см

СЛМ 42110

454. Сопроводительная надпись (фрагмент фрески)

Известь. 12 x 11 x 2 см

СЛМ 42494, 495

Публикация: Васильев 20006. С. 60–96

455. Сапожок (фрагмент фрески)

Известь. 12,5 x 6 x 2 см

СЛМ 42235

Публикация: Васильев 20006. С. 60–96

456. Ткань зеленого цвета (фрагмент фрески)

Известь. 10,5 x 8,5 x 2 см

СЛМ 27656

454

455

456

457. Ткань красного цвета (фрагмент фрески)

Известь. 24 x 14 x 3,5 см

СЛМ 430 22, 23, 24, 46

458. Ткань коричневого цвета с полосой растительного орнамента по красному фону (фрагмент фрески)

Известь. 20,5 x 15 x 2,7 см

СЛМ 43 308, 330, 343, 344, 346, 399, 42 799

459. Одежда коричневого и темно-серого цвета на зеленом фоне (фрагмент фрески)

Известь. 22 x 21 x 4 см

СЛМ 94330/70583

458

459

460. Ткань темно-желтого и зеленого цвета

(фрагмент фрески)

Известь. 9 x 6,5 x 2 см

СЛМ 95248/71410

460

461

461. Растительный побег по зеленому фону в рамке (фрагмент фрески)

Известь. 11 x 9 x 2 см

СЛМ 27669

462. Роспись под мрамор красными прожилками по зеленому фону (фрагмент фрески)

Известь. 9,5 x 8 x 2 см

СЛМ 27816

462

463. Крестовый мотив (фрагмент фрески)

Известь. 24,5 x 13 x 4 см

СЛМ 41530, 573

464. Роспись под мрамор волнистыми полосами по белому фону (фрагмент фрески)

Известь. 18 x 9,5 x 2 см

СЛМ 41733

464

465. Роспись под мрамор, «струйчатый» мотив (фрагмент фрески)

Известь. 13 x 8 x 2 см

СЛМ 41765

466. Мотив киматиона в украшении арки (фрагмент фрески)

Известь. 41,5 x 8 x 1,5 см

СЛМ 41 838, 841, 854, 931, 870, 871, 901, 944, 989

Публикация: Васильев 2000б. С. 60–96

465

466

467. Роспись под мрамор красными прожилками по белому фону (колонка) (фрагмент фрески)
Известь. 11 x 7 x 2 см
СЛМ 43189

467

468. Процветший Крест (фрагмент фрески)
Известь. 41,5 x 8 x 1,5 см
СЛМ 43 835, 861, 868, 869, 870
Публикация: Васильев 2000б. С. 60–96

468

Церковь Святого Георгия. XII в.

469. Лик персонажа сюжетной сцены (фрагмент фрески)
Известь. 5 x 5 x 1,5 см
СЛМ 7896
Публикация: Васильев 1996. С. 162–165;
Васильев, Лалазаров, Рождественская,
Сарабьянов 2002

470. Нимб и голова неизвестного святого (фрагмент фрески)
Известь. 11 x 5 x 1,5 см
СЛМ 7918

471. Лик неизвестного персонажа (фрагмент фрески)
Известь. 7 x 3 x 2 см
СЛМ 8081

472. Лик Иисуса Христа (?) (фрагмент фрески)
Известь. 9 x 5,5 x 1,5 см
СЛМ 8082
Публикация: Васильев 1996. С. 162–165

473. Лик неизвестного персонажа (фрагмент фрески)
Известь. 8 x 7 x 2 см
СЛМ 8092

469

470

471

474. Верхняя часть лица неизвестного молодого персонажа (фрагмент фрески)

Известь. 11 x 9 x 2 см

СЛМ 80 97, 98, 99

475. Кисть руки на фоне красной ткани (фрагмент фрески)

Известь. 9 x 6 x 3,5 см

СЛМ 96569/77543

476. Стопа ноги неизвестного персонажа сюжетной сцены (фрагмент фрески)

Известь. 18 x 13,5 x 3,5 см

СЛМ 96708/79706

477. Ткань светло-серого цвета (фрагмент фрески)

Известь. 15,5 x 13,5 x 3,5 см

СЛМ 8048

472

473

474

475

476

477

478 Ткань красного цвета (фрагмент фрески)

Известь. 5,5 x 4,5 x 1,5 см

СЛМ 8049

479. Светло-зеленый плащ воина-мученика

(фрагмент фрески)

Известь. 10,5 x 10 x 2,5 см

СЛМ 81102

Публикация: Васильев, Лалазаров,
Рождественская, Сарабьянов 2002

480. Побег розового цвета по красному фону

(фрагмент фрески)

Известь. 7 x 5 x 1,5 см

СЛМ 8038

478

481. Мотив киматиона в украшении одежды

желтого цвета (фрагмент)

Известь. 6,8 x 4,5 x 2 см

СЛМ 8042

482. Мотив киматиона в украшении арки

(фрагмент фрески)

Известь. 11 x 7 x 2,5 см

СЛМ 9119

483. Рисунок фасада здания (фрагмент

фрески)

Известь. 11,5 x 9,5 x 2 см

СЛМ 10947, 948, 949

481

479

482

480

483

484. Роспись под мрамор волнистыми полосами (фрагмент фрески)

Известь. 9 x 7 x 2 см

СЛМ 12915

485. Побег желтого цвета по темно-красному фону (фрагмент фрески)

Известь. 7 x 5 x 2,5 см

СЛМ 96708/78732

486. Побег зеленого цвета с цветками желтого и красного цвета (фрагмент фрески)

Известь. 10 x 5,5 x 1,5 см

СЛМ 96708/79734

487. Конец строки формулы «Агиос» из надписи в медальоне (фрагмент фрески)

Известь. 5 x 3 x 1,5 см

СЛМ 8208

Публикация: Васильев, Лалазаров, Рождественская, Сарабьянов 2002

488. Медальон с погрудной фигурой неизвестного персонажа (фрагмент фрески)

Известь. 25 x 19 x 6 см

СЛМ 13382

Публикация: Васильев, Лалазаров, Рождественская, Сарабьянов 2002

484

487

485

486

488

*Несохранившиеся церкви Воскресения
Христово и Святого Петра. XII в.*

РАСКОПКИ Н.Е. БРАНДЕНБУРГА

489. Лик ангела (?) (фрагмент)

Известь. Высота 29 см

ГЭ 1480/1

Публикация: Лазарев 1967. С. 77–81

489

490. Обломок штукатурки с фресковой росписью. Изображена средняя часть лика темно-коричневым тоном с желтыми и ярко-коричневыми линиями

Известь. Ширина 20,5 см

ГЭ 1480/2

Публикация: Лазарев 1967. С. 77–81

490

491. Обломок штукатурки с фресковой росписью. Изображена верхняя часть лика желтым тоном с коричневыми и белыми линиями

Известь. Ширина 22 см

ГЭ 1480/3

491

492–497. Обломки штукатурки с фресковой росписью белого и красного тонов. На поверхности – остатки процарапанных надписей славянским шрифтом
Известь. Длина наибольшего обломка 14,5 см
ГЭ 1480/25

492

493

494

495

496

497

498–501. Обломки штукатурки с фресковой росписью белого и красного тонов, разделенных врезанной линией. На поверхности – остатки процарапанных надписей славянским шрифтом
Известь. Длина наибольшего обломка 15,5 см
ГЭ 1480/26

498

502. Лик неизвестного персонажа (фрагмент)

Известь

ГЭ 1480/30

502

499

503. Обломок штукатурки с фресковой

росписью серого и красного тонов. На поверхности – врезанные надписи славянским шрифтом, у края – врезанное изображение двух поднятых рук

Известь. Длина 46 см

ГЭ 1480/39

500

504, 505. Обломки штукатурки с фресковой

росписью желтого и красного тонов. На поверхности нанесены врезанные изображения крестов

Известь. Ширина 12,5 см

ГЭ 1480/51

506, 507. Обломки штукатурки с гладкой

поверхностью желтого цвета, на которой видны красные пятна. На поверхности вырезаны кресты

Известь. Длина наибольшего обломка 10 см

ГЭ 1480/58

501

508. Обломок штукатурки с фресковой росписью сероватого тона, на которой следы зеленой и розовой красок. На поверхности – врезанное схематическое изображение человека

Известь. Длина 14,5 см

ГЭ 1480/74

509. Обломок штукатурки с гладкой внешней поверхностью желтого цвета. На поверхности врезана надпись славянским шрифтом

Известь. Длина 26 см

ГЭ 1480/88

503

504, 505

506, 507

508

509

КОММЕНТАРИИ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ ЛАДОГИ

Ладога – город, с которым неразрывно связаны первые века истории Руси, он родился на стыке природных и историко-культурных зон, на границе морских просторов Балтики и континентальных лесов Восточной Европы, в полосе тесных контактов местного финно-угорского населения и продвинувшихся на север славян, столкнувшихся со скандинавами, которые осваивали водные пути на Восток. Эти обстоятельства обусловили своеобразие ее материальной культуры. Здесь, в низовьях Волхова, словно в тигле варился на многокомпонентной основе оригинальный сплав культурных традиций, вылившийся в древнерусскую культуру.

Уникальный археологический комплекс Старой Ладоги, включающий в себя поселения, погребальные памятники, остатки культового и крепостного зодчества, дает всестороннее представление о жизни, быте, хозяйстве и верованиях людей раннего средневековья – периода славянской колонизации и движения викингов, заката эпохи варварства и возникновения государств на севере Западной и Восточной Европы, времени распространения и утверждения христианства.

Археологическое изучение древностей Ладоги ведется почти два века. Но если погребальные и архитектурные памятники привлекали внимание исследователей еще в XIX столетии, то культурный слой раннесредневекового поселения систематически начал изучаться только на исходе первого десятилетия XX в. В 1909–1910 гг. Н.И. Репников провел серию разведочных работ на территории так называемого «Земляного городища» Старой Ладоги, в зоне древнейшей застройки, а с 1911 г. развернул здесь стационарные раскопки. Это были первые в России систематические исследования культурного слоя с сохранившимися органическими остатками – деревом, берестой, щепой и даже навозом. Проведены они были на самом высоком для того времени уровне. Важнейшее открытие Н.И. Репникова – обнаружение оснований деревянных построек, дающих представление об облике жилищ обитателей раннесредневековой Ладоги. К сожалению, этот цикл работ прекратился с началом Первой мировой войны и последовавшими за ней событиями. Материалы раскопок Н.И. Репникова были опубликованы только после его кончины, а находки, далеко не сразу и частично депаспортизованные, поступили в Государственный Эрмитаж.

С 1938 по 1959 г. Староладожская экспедиция под руководством В.И. Равдоникаса продолжила исследования Ладоги. По-прежнему основное внимание уделялось Земляному городищу. За долгие годы работы была раскрыта вся доступная для изучения его центральная часть – ядро древнейшего средневекового поселения. Накопленный материал позволил археологам выдвинуть гипотезы о его происхождении и развитии, а находки стали основой староладожского фонда эрмитажной коллекции. В эти же годы велись работы в ближней и дальней

округе Старой Ладogi, позволившие яснее представить роль и место этого поселения в жизни Северной Руси.

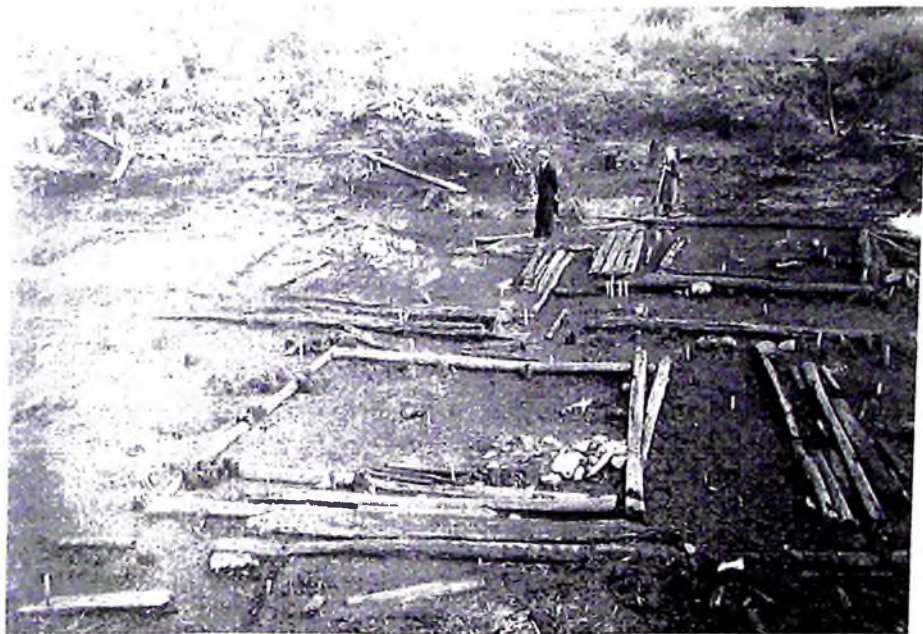
В 1972 г. экспедиция, возглавляемая А.Н. Кирпичниковым, возобновила изучение памятников Старой Ладogi. Ее плодотворная работа продолжается по сей день. В ходе раскопок Е.А. Рябинина на Земляном городище и В.П. Петренко на Варяжской улице были получены образцы для дендрохронологического анализа, дающие возможность определить даты рубки бревен, а следовательно, и время возведения построек. Древнейшая на сегодняшний день порубочная дата – 753 год – связана с кузнечно-ювелирной мастерской на Земляном городище.

Дискуссии о ранней истории Ладogi продолжаются в среде ученых, но все они сходятся во мнении, что материалы этого поселения позволяют заглянуть в начальные века не только русской истории, но и всех тех стран, которые были связаны с Ладogой Великими военно-торговыми путями раннего средневековья. Накопленные в результате работ нескольких поколений археологов находки бережно хранятся и обрабатываются в фондах Государственного Эрмитажа и Староладожского музея-заповедника. Они – своеобразное окно в давно ушедший мир. Мир земледельцев и мореходов, воинов и торговцев, ремесленников и охотников. Мир, где военные столкновения сменялись союзами, где сплетались традиции людей разных народов. Мир, на основе которого сложилась цивилизация средневековой Руси.

Центром мироздания для раннесредневекового европейца был его дом, его усадьба. В Ладoge представлены разные традиции сооружения домов и хозяйственных построек. Они демонстрируют взаимодействие носителей двух культурных элементов – выходцев из мира Скандинавии и лесной зоны Восточной Европы. Скандинавы привыкли строить дома на основе каркасно-столбовой конструкции, а славяне возводили их в технике сруба. Традиционно в жилище северных германцев отопительное устройство жилья представляло собой очаг, располагавшийся в середине жилища, а в славянской избе имелась печь-каменка, занимавшая один из углов, как правило, ближний к входу. И тот и другой тип дома обнаружены при раскопках. О взаимодействии носителей разных домостроительных традиций свидетельствуют постройки, выполненные в «смешанной» технике.

Ладожский культурный слой сохранил для нас бесценные материалы, позволяющие судить о деталях построек, дающие возможность представить их в полном объеме. Найдены так называемые «курицы» и «самцы» – детали кровли домов (кат. 3). Значит, жители Ладogi использовали систему перекрытия, хорошо известную по материалам этнографии и дожившую чуть ли не до наших дней. Древние ладожане прекрасно умели ладить с деревом. Чтобы сохранить запасы зерна от грызунов и сырости, они ставили амбары на специальных пнях-«стульях», подтачивая их так, чтобы мыши не пролезли в хранилище (кат. 1, 2).

Пищу готовили в глиняных горшках. До середины X в. использовались сосуды, вылепленные исключительно вручную, без применения гончарного круга (кат. 29–37). Такая лепная керамика была грубой и недолговечной. С распространением гончарного круга (кат. 38) она быстро исчезает из употребления и к концу X в. уже не известна. Основной же набор столовой, в том числе и парадной, посуды был из дерева. Во время еды использовали деревянные блюда (кат. 18, 19). Деревянные ложки (кат. 21, 22) имели непривычную для нас форму с резко загнутым сверху черенком, что особенно удобно при еде из посуды с высоким бортиком. К такому типу столовой посуды относились разного размера

Староладожская экспедиция. 1948 г. Расчистка горизонта Д

миски и чаши (кат. 23, 25). Некоторые из них богато украшались резным орнаментом (кат. 25). Для питья служили стаканы и ковши (кат. 20, 24, 26). Часть деревянной посуды была изготовлена на токарном станке, который использовался также при обработке кости.

Значительные затруднения представляет реконструкция одежды первых обитателей Ладоги. При раскопках встречено довольно много отдельных обрывков тканей и войлока, однако восстановить по ним в полной мере покррой одежды вряд ли возможно. Больше всего найдено фрагментов шерстяных тканей саржевого переплетения, в том числе почти полностью сохранившийся рукав верхней одежды (кат. 42). Однако есть находки льняного полотна и даже шелка. Судя по набору украшений, покррой одежды также мог принадлежать к традициям разных этнических групп. Так, находки скорлупообразных фибул указывают, что, по крайней мере, часть ладожских женщин носила европейское верхнее платье, скрепленное на плечах фибулами. Гардероб славянок и финок, украшения которых также остались в культурном слое Старой Ладоги, скорее всего, напоминал известный нам по этнографическим образцам русской деревни. В силу того, что женский костюм в традиционном обществе особо сакрализован, то он значительно меньше подвергался культурным влияниям со стороны, чем мужской. Реконструкции же средневекового мужского костюма строятся на основе сохранившихся описаний и изображений, оставленных современниками.

В Ладоге найдена большая серия деталей скандинавского костюма. Массивные скорлупообразные застёжки-фибулы, соединявшие бретели платьев и носившиеся парно, украшали плечи и грудь скандинавок. Уникальна находка маленькой, так называемой «равноплечной» фибулы на северной окраине Ладоги, которая может считаться едва ли не самым ранним средневековым артефактом во всей ладожской коллекции (кат. 313). Подобные украшения женского костюма

Староладожская экспедиция. 1950 г. Горизонт Б

впервые появляются на территории Дании и Швеции, а затем уже в измененном виде широко распространяются в Финляндии. Фибула же из Ладogi по виду и пропорциям более схожа со скандинавскими аналогиями, датирующимися в пределах VI в.

Славянки в отличие от скандинавок украшали голову височными кольцами и трапециевидными подвесками, выполненными из тонких пластин и проволоки. Но все женщины носили бусы, количество которых отражало положение в обществе, расчесывали волосы «фризскими» гребенками вне зависимости от языка, на котором говорили. У славян и скандинавов отличались не только форма элементов костюма и способ их ношения, но и орнаментальный стиль – краткий и лаконичный у первых и загадочно-вычурный у вторых.

В VII–IX вв. в Ладoge носили мягкую кожаную обувь. Сапог, как и лаптей, ладожане еще не знали и ходили в невысоких башмаках. Почти все известные образцы состоят из двух частей – верха и подошвы, сшитых между собой. Только в двух случаях башмаки были изготовлены из одного куска кожи (кат. 40). Сбоку они могли быть украшены декоративным завитком, а на пятке подошва загибалась вверх и в виде треугольного клина вшивалась в верхнюю часть (кат. 39). Обувь, аналогичная ладожской, была распространена в северных древнерусских городах и на Балтийском побережье.

Значительную часть необходимых для жизни предметов одежды и домашнего обихода ладожане могли изготовить для себя в своем доме. Большое значение в их жизни имели различные домашние промыслы. Благодаря прекрасной сохранности органических остатков этого времени до нас дошли орудия обработки сырья, которое давало земледелие и скотоводство. Древние ладожане обрабатывали выращенный лен – с помощью деревянного чесала (кат. 56), имевшего вид большого ножа с зубцами по краям, со стеблей сбивали головки. Затем

деревянным трепалом (кат. 57) от волокна отделяли костру. Волокно расчесывали гребнем и пряли. К сожалению, единственная найденная в Старой Ладогe прялка не сохранилась. Зато в коллекциях в большом количестве присутствуют глиняные, костяные, шиферные и даже янтарные пряслица (кат. 51–53). Это специальные грузики, надевавшиеся на нижний конец веретена. На выставке представлена редкая находка – деревянное веретено с костяным пряслицем (кат. 50). Ладожанам хорошо был известен вертикальный ткацкий станок для изготовления полотна, в конструкцию которого входили специальные глиняные грузики в виде дисков с отверстием посередине (кат. 49). Многие из них украшались простым орнаментом, нанесенным зубчатым штампом. Полученное полотно кроилось при помощи пружинных ножниц (шарнирные ножницы первым ладожанам еще не были известны) и сшивалось при помощи иглы (кат. 48, 58). Для изготовления тканей использовали также и овечью шерсть. Особым видом женского рукоделия было плетение на дощечках. Через отверстия в маленьких квадратных или округлых дощечках (кат. 54, 55) пропускали нитки и, попеременно меняя их положение относительно друг друга, через натянутые нити пропускали поперечную нитку. При помощи такого примитивного ткацкого станка можно было изготовить тесьму для отделки одежды или узорчатый пояс. К домашним промыслам, вероятно, относилось и изготовление обуви, на что указывают многочисленные находки сапожных колодок (кат. 45, 46).

Важным подспорьем в хозяйстве были охота и рыболовство. При помощи лука (кат. 61) и стрел добывали как мясо зверя и птицы, так и пушнину, высоко ценившуюся в тогдашней торговле. В распоряжении древних ладожских рыболовов имелся целый арсенал средств от разнокалиберных крючков и острог до сетей и мезей, облик которых мало менялся на протяжении столетий.

Постоянное население Ладоги, как и жители всех средневековых русских городов, по своему хозяйственному укладу оставалось типично сельским. В Старой Ладогe найдены одни из древнейших на севере Руси сошники – накопечники пахотных орудий типа рала и сохи (кат. 65–67). Представленные на выставке сошники происходят из самых ранних слоев поселения. По своей конструкции (узкий рабочий конец и мощная втулка) они предназначались для вспашки целины. Имеются и другие орудия сельского хозяйства, происходящие из культурного слоя VIII–X вв. Наверное, самым главным инструментом ладожского поселенца был топор, без которого ни пашни не расчистить от леса, ни дома срубить (кат. 68–70). На войне все тот же топор, насаженный на длинную рукоять, превращался в грозное оружие.

Насыщенность культурного слоя раннего Ладожского поселения навозом свидетельствует о том, что первые ладожане еще не использовали его на полях в качестве удобрений. Всякого рода домашняя живность содержалась в хлевах и в теплое время года выгонялась на пастбища, как это делается и в современной деревне. Для подачи сигналов пастуху служил деревянный барабан, или «било» (кат. 72). Широкая доска при помощи ремня или веревки, пропущенной через отверстия в краях, вешалась на грудь, и пастух бил по ней деревянной палочкой.

Вся эта разнообразная хозяйственная деятельность была немислима без качественных изделий из металла. В таких предметах были заинтересованы не только сами ладожане, но и их ближние и дальние соседи. С самого начала существования поселения на нем обитали люди, занимавшиеся металлообработкой. Об уровне кузнечного мастерства красноречиво свидетельствует клад инструментов (кат. 91–109), связанный с производственным комплексом, открытым

раскопками Е. А. Рябинина в самом основании культурного слоя Земляного городища, и датированный 750–760-ми гг. По целостности и степени сохранности он не имеет аналогов в Северной Европе этого времени. Мастер, трудившийся в Ладоге середины VIII в., мог осуществлять самые различные виды работ – отковки ножа до ремонта, а может быть, и строительства корабля. Из Северной Европы была принесена традиция изготовления железных ножей по сложной технологии «трехслойного пакета». Такие ножи, где на центральную стальную, более твердую основу наваривались полосы железа, практически не нуждались в затачивании и служили своим хозяевам долго (кат. 8–12). Следы деятельности ладожских кузнецов обнаружены на протяжении всего времени жизни на поселении. Железные крицы, шлаки, заготовки и отходы, молоточки, клещи, гвозди, заклепки – вот далеко не полный перечень остатков инструментов.

С кузнечным ремеслом тесно связано ювелирное дело. В коллекции предметов из Ладоги имеются литейные формы, тигли, льячки, железные волоочильни для изготовления проволоки из цветных металлов, бракованные отливки. Самой древней в Ладоге считается двусторонняя литейная форма, на одной стороне которой – трехрогая лунница, а на другой – крестовидная подвеска (кат. 75). Облик украшений, которые изготавливались с помощью такой литейной формы, уводит нас в древность балтов VI–VII вв. Часть находок ювелирных изделий могла быть металлическим ломом, в качестве сырья поступившим в распоряжение ладожских мастеров, как, например, обломки фибул из ювелирной мастерской (кат. 110, 111). Нет сомнения, что их продукция не только полностью обеспечивала нужды ладожан, но и далеко расходилась за пределы поселения.

Особым видом ремесла в раннесредневековой Ладоге стала обработка кости и рога. В Ладоге во множестве найдены наборные костяные гребни (кат. 204–212). Первоначально, в VII–VIII вв., их производили во Фрисландии (поэтому такие гребенки называют «фризскими»). Но потом мода на эти изделия распространилась по всей Северной Европе и на Балтике. Не позднее начала X в. в Ладоге появились мастера-косторезы, их было, судя по всему, несколько человек. Обилие целых гребней и их заготовок свидетельствует о работе не только для обитателей ладожского поселения. Такое ремесло требовало еще и навыков тонкой гравировки – гребни покрывались затейливым орнаментом. Примером другой традиции изготовления гребней являются такие, спинка которых украшена зооморфными изображениями (кат. 213–215). Их наличие в ладожских материалах отражает связи с миром финно-угров.

Кроме гребней из кости и рога делали множество других предметов, относящихся к самым разным сферам жизни, например, ложки с затейливыми узорами (кат. 268, 269), которые, вероятно, были предметами роскоши. Из кости изготавливали также пряслица и наконечники стрел.

Но Ладога, в первую очередь, играла роль торгового центра. Основной денежной единицей, своеобразной универсальной валютой Северной и Восточной Европы в раннем средневековье была серебряная арабская монета – дирхем (кат. 232–234). В Старой Ладоге эти монеты найдены начиная с самых ранних этапов ее жизни. Вблизи поселения обнаружен один из древнейших кладов арабского серебра как на Руси, так и на Балтике (конец VIII в., после 786 г.). Монеты ценились на вес и часто резались и рубились. Поэтому непременным атрибутом купца, да и просто состоятельного человека были складные весы с набором гирек (кат. 263–267). Любопытны находки, выполненные в подражание дирхемам

(брактеаты) местными мастерами (кат. 235). Знаки на них лишь отдаленно напоминают арабскую вязь.

Серебро с арабского Востока и из Византии получали в обмен на пушнину, которую купцы выменивали у местного населения на стеклянные и каменные бусы. Часть из них завезена с Ближнего Востока или из других отдаленных краев, но многие сделаны на месте. С Балтики поступал янтарь, а сердолик и горный хрусталь – из Средней Азии. На связи с Хазарией указывают синие стеклянные лунницы (кат. 190, 249) и бронзовый перстень с голубой стеклянной вставкой (кат. 180).

Естественно, что такое богатое поселение на перекрестке торговых путей всегда находилось под угрозой нападения. Его обитатели должны были иметь оружие и хорошо им владеть. В ладожской коллекции нет настоящего боевого меча эпохи викингов, тип которого в науке называют «каролингским», поскольку их клинки в основном изготовлялись в мастерских на территории Франкской империи. Это вещь дорогая, весьма ценившаяся и достаточно крупная, она не могла попасть в культурный слой. Подавляющее большинство таких находок происходит из погребальных памятников. На выставке меч представлен в комплексе мужского погребения у дер. Заозерье (кат. 413). О том, что для ладожских жителей этот вид оружия не был редкостью, ярко свидетельствует серия детских деревянных игрушечных мечей. Они абсолютно точно копируют форму боевых мечей, подражая даже типам наверший рукоятей (кат. 306–310). Так же реалистично выполнен деревянный игрушечный наконечник копья, на втулке которого изображен «готический» орнамент, как и на настоящих североевропейских копьях эпохи викингов (кат. 305). Находки серии железных предметов говорят об использовании в Ладоге всего комплекса наступательного и оборонительного вооружения той поры. Это разнотипные железные топоры, наконечники копий, дротиков, стрел. Одна из ранних находок Ладоги, скорее всего имеющая североевропейское происхождение, – наконечник дротика (или копья), найденный в одной из сопок еще в начале XIX в. (кат. 311). Подобные наконечники, называемые ангонами, непосредственными прототипами имеют пилумы – копья римских легионеров, которые были широко распространены на территории Финляндии в довикингское время, в VII–VIII вв.

Редчайшей находкой является фрагмент кольчужного плетения. Он относится к рубежу VIII–IX вв. и на сегодняшний день, пожалуй, древнейший на территории Руси (кат. 300).

Однако оружие не всегда спасало обитателей Ладоги от разгрома. Мощные прослойки пожаров, изменения в последующей застройке и вещах красноречиво говорят об этом. За обладание Ладогой шла борьба, яркими свидетельствами которой выступают рассказ русских летописей о призвании варяжских князей и некоторые известия скандинавских саг и скальдических стихов.

Действительно, в археологических материалах Ладоги отчетливо прослеживаются два круга древностей – восточноевропейские (славянские) и североевропейские (скандинавские). Если оружие, предметы ремесла и торговли, в какой-то степени вещи, связанные с хозяйством и бытом, очень быстро становятся общим культурным достоянием, то традиционный костюм более устойчив, а верования и погребальный обряд еще консервативней.

Разумеется, не только славяне и скандинавы проживали в Ладоге. Ряд предметов говорит о присутствии здесь выходцев из финно-угорского мира, некоторые предметы имеют аналогии в Верхнем Поднепровье, где в это время обитали

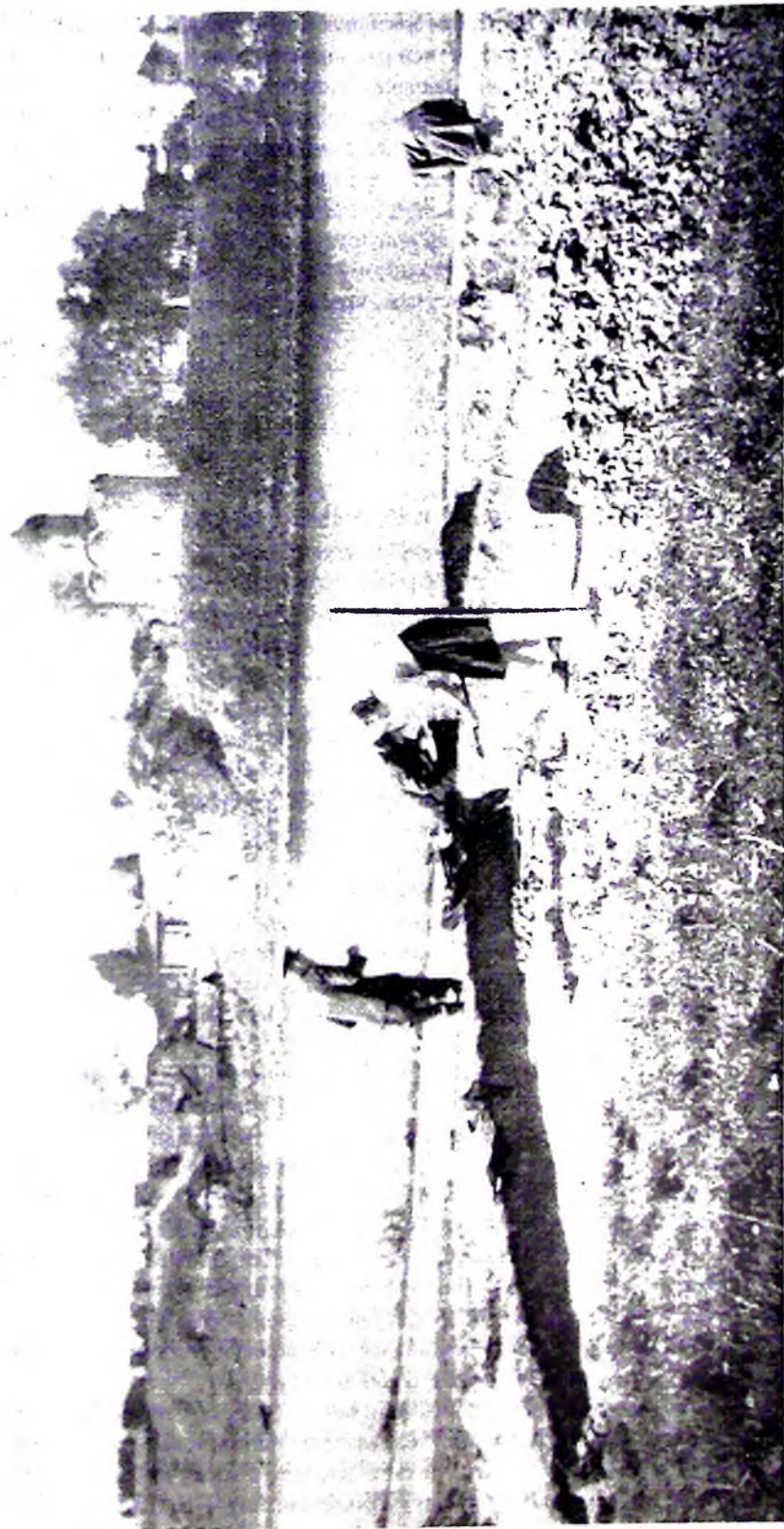
кривичи – то ли славяне, то ли балты. Именно на территории летописных кривичей встречены костяные изображения уточек, имеющиеся в ладожских материалах (кат. 157, 163).

Откуда бы ни прибыли в Ладугу ее обитатели, они все были представителями традиционного общества, в котором неразрывно связаны костюм, поведение, художественные вкусы, религиозные представления и обряды. Оскаленная пасть костяного дракона, выполненная в скандинавском зверином стиле (кат. 270), и добродушно взирающий бородатый человечек, вырезанный из деревянного стержня (кат. 373), в равной степени могут рассматриваться и как предметы утилитарного назначения (навершие и игрушка?), и как изображения мифологических существ.

Достоверных конкретных сведений о мифологии населения Восточной Европы языческой поры крайне мало по сравнению с нашими знаниями о верованиях скандинавов эпохи викингов. Поэтому очень трудно однозначно атрибутировать культовые предметы. Кто изображается в серии деревянных фигурок, сказать невозможно. А вот шейные железные гривны и молоточки-привески к ним явно связаны с культом бога-громовержца Тора (кат. 175, 176). Они изображают молот Мьельнир. Безусловным шедевром североευропейского искусства накануне эпохи викингов является бронзовое антропоморфное изображение, найденное вместе с предметами из кузнечной мастерской середины VIII в. (кат. 368). Его голову обрамляют два зооморфных «рога». По одной остроумной интерпретации это изображение бога Одина с сидящими у него на плечах священными воронами Хугином и Мунином. Некоторые исследователи даже усматривают в этом изображении характерную для Одина одноглазость, однако этот признак так неявно выражен, что мог быть и просто результатом литейного брака. Разумеется, только скандинав понимал смысл этой композиции в ключе мифа об Одине и его священных птицах, облетающих мир и сообщающих новости верховному богу северных германцев. В слое середины IX в. на Земляном городище найден деревянный стержень с магическим заклинанием, вырезанным северогерманскими рунами (кат. 377), а на Варяжской улице, в районе языческого святилища второй половины X в. обнаружена медная подвеска-амулет с благопожелательной рунической надписью, обращенной к некоему Дагу (кат. 378).

Важнейшим источником о представлениях древних о мире и месте человека в нем является погребальный обряд. Он же служит чутким этно-культурным индикатором. Кем бы ни были ладожане VIII–X вв., в их среде преобладал обряд кремации (трупосожжения). Но способы сожжения были разные. Единственный на территории Руси могильник, в котором все погребения совершены по обряду, характерному именно для Скандинавии, располагается на правом берегу Волхова, напротив каменной крепости и Земляного городища, в урочище Плакун. Здесь раскопаны погребения людей, тела которых кремировались на месте. Кострище впоследствии перекрывались плоскими, невысокими курганами. Некоторые захоронения совершены в ладьях, и на кострищах найдены корабельные заклепки. Это обряд, характерный для викингов. Все больший круг сторонников обретает гипотеза о связи могильника Плакун (принимая во внимание его дату) с дружинниками легендарного Рюрика.

На фоне небольших курганов Плакуна просто огромными представляются ладожские сопки, кольцом окружающие раннесредневековое поселение. В них, затрачивая огромные усилия на сооружение, хоронили не более четырех человек, тела которых предварительно сжигали в стороне от места погребения.

Невская экспедиция. 1952 г. Урочище Глакун. Раскопки кургана № 7

Потому так беден и невыразителен их инвентарь. Основная масса останков умерших покоилась за пределами величественных насыпей, у их оснований. Такой бескурганый обряд скорее присущ славянам языческой поры. Сами же сопки выступали как своеобразные земляные храмы-курганы. Старая вера держалась среди части ладожан достаточно долго после принятия христианства Владимиром. Примером тому может служить погребение человека у подножья одной из сопки Победища, совершенное в начале XI в. Он был явно лицом значимым, поскольку в инвентаре присутствует набор гирек и подвеска со знаками Владимира Святославича и Ярослава Мудрого (кат. 315). Такие подвески служили верительными знаками князей для представлявших их лиц.

*А.И. Волковицкий,
Б.С. Короткевич,
С.Л. Кузьмин*

СУДА СТАРОЙ ЛАДОГИ И ВОДНЫЕ СООБЩЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУСИ

Древняя Русь возникла и развивалась на водных путях, связывавших Северную и Западную Европу с Византией и с арабским Востоком. Реки и озера были главными транспортными артериями, по которым велись сообщения городов и земель Руси на протяжении столетий, вплоть до XVIII в. По ним перевозились грузы, совершались военные походы, торговые и дипломатические поездки. Огромное значение в жизни средневековой Руси и в ее отношениях с другими государствами играл главный путь, связывавший Восточную Европу с Балтикой. Он проходил по Неве, Ладоге и Волхову и далее выходил в бассейны Волги, Западной Двины и Днепра.

Не случайно поэтому, что история древнерусского судоходства и судостроения издавна привлекала к себе внимание исследователей. Уже в 1838 г. в замечательной работе археолога З.Д. Ходаковского «Пути сообщения в древней России» на основе летописных данных и ландшафтно-археологических изысканий была дана обстоятельная характеристика водных путей древнерусского Северо-Запада.

Начало изучения судов, использовавшихся на водных путях Древней Руси, на основе интерпретации письменных источников относится также к середине XIX столетия. Основными результатами первого периода исследования, продолжавшегося до второй половины XX в., было выделение из судовых названий, упоминаемых в письменных источниках, таких общеродовых терминов, как корабль, ладья, шнека и буса, обозначавших судно вообще, а также подразделение конкретных типов судов на две группы – русские и иностранные. В то же время была разработана теория эволюционного развития русских судов от простейших типов к более сложным, согласно которой древнейшие суда изготовлялись из коры; следующим этапом были долбленки-однодеревки, усовершенствованные за счет набойных бортов, и, наконец, дощатые суда.

Одним из наиболее важных вопросов истории судоходства на Северо-Западе Руси был и остается вопрос о типах судов, которые использовались в этом регионе. В.А. Брим и Е.А. Рыздзевская считали, что уже в эпоху викингов плавание по Балтике совершалось на крупных скандинавских судах, тогда как для

прохождения по рекам и озерам Восточной Европы требовалась перегрузка товаров на более мелкие – плоскодонные ладьи. При этом на пути из Финского залива к Новгороду местом такой перегрузки было Староладожское поселение, где местные ремесленники изготавливали все необходимое для снаряжения кораблей скандинавских мореходов.

Другая точка зрения о судоходстве на этом пути была высказана А.М. Микляевым. Основываясь на свидетельствах отдельных скандинавских саг и на расположении археологических памятников этого времени, которые затопляются во время весенних разливов, он полагал, что реки Северо-Запада в эпоху викингов были менее полноводны, чем сейчас. Из этого следовало, что сообщение между Новгородом и Ладогой тогда осуществлялось только по суше, поскольку суда викингов не могли преодолеть Волховских порогов.

В самой Скандинавии также не прекращаются споры о размерах судов, ходивших по Балтике и связанным с ней внутренним водным системам Восточной Европы. По мнению Э. Нюлена, большие суда викингов, такие как Гокстадский и Усебергский (Норвегия), длина которых превышала двадцать метров, использовались преимущественно для плавания в Северном море и Атлантике. На Балтике же применялись суда типа «море – река», которые должны были легко и быстро передвигаться как на веслах, так и под парусом, без особых затруднений перевозакиваться по суше через водоразделы и при этом иметь достаточные размеры и грузоподъемность для безопасного морского плавания. К таким судам шведский ученый относит ладью, обнаруженную на о. Готланд, достигавшую всего 8 м в длину.

Датский исследователь О. Крумлин-Педерсен полагает, что суда, проходившие из Швеции через русские реки в Византию, были достаточно легкие. Они имели длину до 12–16 м и незначительную ширину, что обеспечивало их маневренность при преодолении порожистых участков. Он исключает возможность использования для таких предприятий больших судов викингов.

Сведения о водном пути, проходившем по Волхову, Ладоге и Неве, содержатся во многих русских летописях, актах, скандинавских сагах и западноевропейских хрониках. Описание его как составной части пути «из варяг в греки» имеется уже в недатированной части «Повести временных лет»: «...и из грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловати по Ловати внити в Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и вътечетъ въ озеро великое Нево, того озера видеть, устье въ море Варяжское».

Ключевое место Староладожского поселения на этом пути упоминается в летописи уже под 862 г., когда именно здесь сел княжить Рюрик, призванный федерацией славянских и финских племен. Позже, в 1020–1050 гг., Ладога и примыкающие к ней земли, включая Южное Приладожье и побережье Невы, входили в состав Ладожского ярлства княгини Ингигерд, получившей эти территории в качестве свадебного подарка от Ярослава Мудрого. И позднее, вплоть до рубежа XI–XII вв., эта территория сохраняла административную обособленность. По мнению А.Н. Кирпичникова, многочисленные факты свидетельствуют о том, что в период функционирования трансконтинентальных водных путей охрана их наиболее важного – общего участка, проходившего по Ладоге, Неве и Финскому заливу, была поручена варягам, размещавшимся в Ладоге.

Не случайно поэтому, что на протяжении длительного времени Ладога служила для опальных скандинавских конунгов местом пристанища. Здесь бывали норвежские конунги Олаф Трюгвассон, Олаф Святой, Магнус и Харальд.

В Ладоге был морской порт, где останавливались и ремонтировались большие морские суда. Проход далее, в глубь русской земли, вверх по Волхову контролировали несколько городищ, появившихся в IX–X вв. Они располагались на наиболее важных и труднопроходимых его участках (Новые Дубовики и Городище у северных оконечностей Гостинопольских и Пчевских порогов и Холопий городок в верховьях реки при раздвоении ее на два рукава). Именно эта цепочка укрепленных поселений, вероятно, и послужила причиной появления во второй половине IX в. названия Гарды, которым скандинавы обозначали Русь и, в первую очередь, Северную. Только в начале XII в. Ладога переходит под непосредственный контроль Новгорода, а в 1114 г. здесь сооружается новая каменная крепость.

Информация о стоянке в Ладоге больших судов содержится в древнесеверной литературе. В «Саге об оркнейцах» рассказывается о приходе в Альдейгьюборг (Ладогу) норвежского посольства за Магнусом, сыном конунга Олафа, находившимся при дворе Ярослава Мудрого. Оттуда оно отправилось на лошадях в Хольмгард (Новгород), а после выполнения своей миссии, в середине зимы «...отправились они тогда вниз в Альдейгьюборг и приобрели там себе корабли, отправились с востока, как только весной сошел лед». В «Саге о Харальде Суровом» имеется сходная информация: «...собрался он [Харальд] в путь свой из Хольмгарда и отправился весной в Альдейгьюборг, взял себе там корабль и поплыл летом с востока». В известных нам сагах суда, на которых скандинавы посещали Ладогу, называются термином «skíra», служащим у скандинавов общеродовым названием для больших морских судов и сходным по значению с русским термином «корабль».

Еще одним древнескандинавским источником, сообщающим о связях между Скандинавией и Русью, являются рунические камни. Из общего количества около 3500 надписей на рунических камнях известно 97 надписей со сведениями о Восточной Европе. Датируются они X–XII вв. Абсолютное большинство этих надписей сосредоточено в Швеции – 82 текста (большинство из них в среднешведских провинциях: 32 текста в Упланде, 35 – в Седерманланде). Восемь таких надписей известно на Готланде, 5 – в Дании и 2 – в Норвегии. На рунических камнях Центральной Швеции среди прочих упоминаются и суда, плававшие по Восточному пути. В четырех случаях это кнорр – крупное грузовое судно и в одном случае скейд – большой военный корабль. В последней из этих надписей сообщается о Сигвиде, который «пал в Хольмгарде», – в Новгороде или, может быть, в Новгородской земле.

Древнерусские летописи также сообщают о типах иноземных судов, пришедших в Неву и Ладожское озеро. Среди этих упоминаний – общеродовой русский термин «корабль», а для развитого средневековья – конкретные иностранные названия типов судов: шнека, лойва, буса. Шнека была крупным скандинавским парусно-гребным военным судном, лойвы же – это, вероятно, финские суда, бусы – большие парусные суда типа когга. Как свидетельствуют средневековые немецкие документы, ганзейские когги также плавали по рассматриваемому пути. Из новгородских судов, использовавшихся на речных, озерном и морском участках водного пути, шедшего в Балтику, можно назвать ладью и насад.

Несмотря на многочисленность письменных документов, касающихся истории средневекового судоходства, они практически не содержат информации о размерах и конструкции судов того времени. Поэтому важнейшую роль в их

изучении играют археологические находки. К сожалению, в отличие от Скандинавии и земель западных славян, где были обнаружены цельные корпуса древних судов, на нашей территории до сих пор были найдены лишь их отдельные части.

Судовые детали известны уже из ранних археологических раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н.И. Репниковым в 1911–1913 гг. Это весла, ладейные заклепки, бортовые и днищевые доски. Введение археологических деталей судов в научный оборот начинается только в середине XX столетия, после раскопок В.И. Равдоникаса, когда в слоях VIII–X вв. было обнаружено значительное количество судовых частей, деталей и принадлежностей. На правом берегу Волхова был исследован курганный могильник Плакун, где среди обычных захоронений имелись и кремации с частями ладей. В последующие годы в процессе раскопок Е.А. Рябинина, В.П. Петренко и А.Н. Кирпичникова на Староладожском поселении коллекция судовых находок значительно пополнилась.

Части и детали судов, обнаруженные в археологических слоях Старой Ладogi, относятся к середине VIII–XVII вв. При этом наибольшее количество находок датируется серединой VIII–X вв. К последующему времени, XI–XVII вв., относятся лишь единичные находки, так как в слоях данного периода органика сохраняется значительно хуже, чем в более ранних.

Специфика материалов заключается в том, что большая их часть находилась во вторичном использовании. А это требовало специального приспособления их к новым функциям. Доски обшивки и целые части днища и бортов нередко использовались в различного рода вымостках и в строительных конструкциях. Другая часть судовых деталей – рулевые и гребные весла, уключины, иногда дугообразные шпангоуты хранились в постройках, вероятно, для повторного использования их в прежнем качестве.

Археологические находки из Старой Ладogi, Рюрикова городища, Новгорода, Пскова и Орешка дают нам общее представление о конструкции различных типов судов, применявшихся здесь на протяжении раннего средневековья. Это дощатые, килевые суда с клинкерной обшивкой, соединенной с помощью железных заклепок, устройство которых известно нам по скандинавским находкам эпохи викингов. Наиболее широко представлены среди находок части больших паромообразных судов с плоским днищем, прямыми бортами и обшивкой встык. Известны также однодеревки, выдолбленные из стволов осины, и суда, изготовленные на однодеревной основе с надстроенными дощатыми бортами.

К деталям дощатых клинкерных судов с уверенностью пока могут быть отнесены железные заклепки (кат. 218–222) и фрагменты досок обшивки с заклепками. Других частей этого типа плавсредств, известных нам по скандинавским археологическим находкам – килей, дугообразных штевней и шпангоутов, соответствующих их плавным обводам, у нас пока не известно, вероятно, из-за сложности их вторичного употребления в строительных конструкциях – в качестве уличных мостков и деталей построек. Некоторые обобщенные сведения о размерах этого типа судов дает нам статистико-аналитическое изучение коллекций заклепок из погребальных комплексов и поселенческих слоев. Они содержат информацию о толщине соединявшихся ими деревянных деталей. Так, к примеру, на гокстадском корабле (длина 23,3 м, ширина 5,2 м, высота 2,1 м) доски обшивки имели толщину около 25 мм, а основная масса заклепок, соединявших их в клинкер, достигала в длину около 6 см. В то же время у ладьи, найденной на борту этого корабля и использовавшейся в качестве вспомогательного плавсредства для

плавания по мелководьям (длина 9,75 м, ширина 1,8 м и высота 0,77 м), толщина обшивки составляла от 0,8 до 1,5 см. В этом случае использовались заклепки длиной всего около 3–4 см.

Исходя из вышесказанного, археологические данные позволяют сделать предположение, что суда, посещавшие Ладогу, были более крупных размеров, чем те, которые ходили в Новгород. Не исключено, что в VIII–IX вв. большие суда викингов еще поднимались вверх по Волхову. А с X в., с понижением уровня воды в Волхове и с увеличением осадки судов, Староладожское поселение окончательно становится морским портом древнерусского Северо-Запада, где останавливаются все большие суда. В Верхнее Поволхovie поднимаются только вспомогательные суда – типа малой ладьи из Гокстада, которые без труда могли преодолевать мелководья и переволакиваться на труднопроходимых порожистых участках как по воде, так и по суше. Возможно, изменение условий судоходства было связано с формированием системы контроля и обслуживания водного пути, обусловившем функционирование ряда городищ на Волхове.

Судя по всему, вышперечисленные находки деталей клинкерных судов следует связывать именно с большими скандинавскими судами, такими как кнорр и скейд, которые, согласно руническим надписям, плавали по Восточному пути, а также с сопутствовавшими им малыми ладьями. Вероятно, с этим же типом судов следует отождествлять и упоминаемые в летописях шнеки и лойвы, приходившие в воды русского Северо-Запада из Скандинавии и Финляндии в XII в. и позднее.

Помимо заклепок и фрагментов дощатой обшивки, с клинкерными скандинавскими судами наверняка соотносятся и некоторые детали корабельного оснащения. Это стойка судового шатра высотой 2,4 м с процарапанным на ней изображением бородатого мужского лица (кат. 224). Аналогичное изображение имеется на деревянной детали корабля из Усеберга, а по своей конструкции и величине стойка сопоставима с той, что найдена на гокстадском корабле. Кляпы, использовавшиеся в качестве такелажных деталей на судах викингов, известны в нескольких экземплярах, при этом один из них был вплетен в лыковый канат длиной около 1,5 м.

Вероятно, к скандинавским следует относить и ранние варианты уключин, крепившиеся к борту судна через большие отверстия в их основании (горизонтальные или вертикальные) посредством деревянных нагелей или привязывания вицей (кат. 225).

Письменные и археологические данные, свидетельствующие о посещении Ладоги большими судами в эпоху викингов, подтверждаются изобразительными материалами. На граффити, обнаруженном в слое X в. в Старой Ладоге, изображен большой корабль скандинавского облика – с высоко поднятыми изогнутыми штевнями, оснащенный мачтой и бортовым рулем. Другое изображение судна – с характерными чертами средиземноморской судостроительной традиции – треугольным парусом, было процарапано на кости, происходящей из древнейшего горизонта староладожского поселения (кат. 228).

Сравнение данных споро-пыльцевого анализа, полученных в результате исследований Староладожской археологической экспедиции, с породами древесины, из которой были изготовлены обнаруженные здесь раннесредневековые судовые детали, дало интересные результаты. Было установлено, что основная масса деталей судов изготавливалась из наиболее распространенных здесь в средневековье деревьев – из ели и сосны. Однако, помимо этих пород, отдельная

часть судовых деталей была сделана из дуба и ясеня, первый из которых был, судя по споро-пыльцевому анализу, очень редок здесь, а второй вообще не был обнаружен. Из дуба были изготовлены две детали с заклепками, большое, вероятно корабельное, днище, уключины, доски и весла, из ясеня – шпангоут-планка, уключины и стойка корабельного шатра. Большая часть этих находок относится к дощатым судам с плавными обводами, связываемым преимущественно со скандинавами. Известно, что обе породы древесины чрезвычайно широко применялись в скандинавской судостроительной традиции.

Большие паромообразные плоскодонные суда с прямыми бортами, примыкавшими к днищу под прямым или тупым углом, имели заостренные или усеченные окончания. Герметичность корпуса судов обеспечивалась конопаткой стыков досок с помощью мха и шерсти животных, прижимавшейся деревянными планками.

К деталям судов этого типа можно отнести почти все так называемые «корабельные доски», L-образные – переходные между днищем и бортами доски, шпангоуты-планки и кокоры, а также прямые форштевни. Из известных нам частей этих судов также можно вывести некоторые их параметры: ширина их достигала 3,2 м, высота борта, примыкавшего к днищу под прямым углом, около 80 см, длина превышала 15 м. Находки в Новгороде прямых штевней длиной 1,3 и 1,55 м, связанных, по нашему мнению, с этим типом судов, свидетельствуют, что некоторые паромообразные суда имели высоту бортов до 1–1,2 м.

Из типов судов, упоминаемых письменными источниками, к паромообразным судам относятся: паром, учан, павозок и падвозок. Такие суда использовались преимущественно для локальных речных и прибрежных озерных грузоперевозок. Возможно, так же, как и развившиеся впоследствии на основе этого типа барки, паромообразные суда применялись для транспортировки грузов вниз по течению Волхова.

Наиболее характерными деталями однодеревков с расширенными бортами и судов, построенных на их основе, являются фрагменты долбленого корпуса, банки и дугообразные шпангоуты. Известные к настоящему времени находки остатков этих судов дают возможность лишь предположительно реконструировать их размеры. Находки дугообразных шпангоутов XIV в. в Новгороде (ширина 115 см, высота 57 см) позволяют говорить о том, что суда этого типа могли иметь достаточно крупные размеры. В Ладоге, в отличие от Новгорода и Орешка, известны лишь единичные части такого типа судов. Вероятно, они не имели здесь широкого распространения.

Обычные однодеревки, выдалбливавшиеся из одного дерева с массивным корпусом и внутренними перегородками без разведения бортов, в археологических материалах средневекового Северо-Запада пока отсутствуют. Судя по более поздней этнографической традиции, они также не имели здесь широкого распространения.

Вероятно, именно однодеревные суда следует связывать с упоминаемыми в источниках челнами и с различными вариантами ладей (ладья, набойная ладья, морская или заморская ладья). Не исключено, что и такие типы, как насад, струг и ушкуй, также имели однодеревную основу. В зависимости от размеров и количества набойных бортов суда на однодеревной основе применялись для рыболовства, грузоперевозок и транспортировки воинских контингентов на реках и озерах, а также, вероятно, могли использоваться и для прибрежного морского плавания.

Признавая возможность определенного влияния на развитие местного, в первую очередь, морского судостроения первоначально со стороны скандинавов, а затем ганзейцев, следует отметить и самобытные черты, восходящие, вероятно, к судостроительной технологии, принесенной словенцами новгородскими с их прародины, и к традициям автохтонного финского населения. Иностранными терминами в древнерусских письменных источниках почти во всех случаях называются иноземные суда; все типы судов, использовавшихся на Северо-Западе Руси, так же как их части и детали, за редким исключением, носили местные русские названия. Все вышесказанное свидетельствует о том, что судостроение русского Северо-Запада развивалось на собственной основе, с заимствованием у соседних народов определенных конструктивных элементов и технологий и адаптацией их к местным условиям.

Строительство клинкерных килевых судов судя по всему первоначально было связано со скандинавской судостроительной традицией. Появление же паромобразных плавсредств у славян восходит, вероятно, еще ко времени их пребывания в Подунавье. Традицию изготовления однодеревки с расширенными в результате термической обработки бортами, распространенной в архаичном варианте у финского населения, а в модифицированном – у скандинавов, есть все основания связывать с Северной Европой.

Природные условия Северо-Западной Руси – мелководные и порожистые участки рек, соединявших городские центры с морем, сложность взводного судоходства в этих условиях, богатство лесными ресурсами – способствовали преимущественному распространению здесь судов, построенных на однодеревной основе, и плоскодонных плавсредств, которые, с одной стороны, были способны без особого труда преодолевать препятствия на внутренних водных путях, а с другой – не требовали значительных временных затрат на их изготовление.

Судя по имеющимся данным, можно говорить о том, что Ладогу посещали в раннесредневековый период различные по размерам суда викингов как малые, так и большие. Вверх по Волхову поднимались лишь средние и малые килевые суда размерами до 10–12 м в длину. Для перевозки значительных по объему грузов по внутренним водным путям применялись большие плоскодонные суда, похожие на более поздние барки. Значительную роль в сообщении по водным коммуникациям Северо-Запада играли и суда на однодеревной основе, вероятно перевозившие как грузы, так и воинские контингенты.

Местом стоянки судов в Старой Ладоге традиционно считалось устье реки Ладожки (Елены) при впадении ее в Волхов, представляющее собой естественную гавань. Однако исследования последних лет показали, что в средневековье эта река была очень мелководной и вход в ее устье даже малых судов был затруднителен.

Следует отметить, что в раннесредневековый период большие килевые суда скандинавского типа не нуждались в специальных причальных сооружениях для стоянки, так как причаливание осуществлялось путем посадки на мель. Тем не менее существовали определенные сооружения, которые можно считать портовыми. Это деревянное ограждение берега, предохраняющее его от разрушения, различные мостки, отходившие от него в перпендикулярном направлении и позволявшие судам в условиях малых глубин останавливаться на некотором удалении от побережья. Помимо этого здесь могли существовать специальные столбы для швартовки. Наиболее вероятным местом стоянки больших судов был берег Волхова у поселения и при впадении в него Ладожки.

Средневековые письменные документы содержат достаточно скупые описания путешествий того времени. С какой скоростью передвигались древние суда, какие расстояния они могли преодолевать за определенные временные промежутки? Ответы на эти вопросы во многом можно получить на основе экспериментов по моделированию средневековых водных сообщений. Согласно Адаму Бременскому плавание от Средней Швеции до Острогарда, традиционно интерпретируемого исследователями как Новгород или Ладога, требовалось всего 5 суток.

Известно, что гольштинское посольство Адама Олеария, в 1634 г. совершавшее плавание от Орешка до Новгорода на парусно-гребном судне, вряд ли значительно отличавшееся по своим скоростным характеристикам от раннесредневековых, затратило на этот маршрут примерно 7 суток. При этом путешественники делали только вынужденные стоянки для отдыха гребцов, пополнения провианта и в ожидании попутного ветра. Из этого времени двое суток было затрачено на плавание по Ладоге и 5 суток на подъем вверх по Волхову.

В 1993 г. по Волхову проходила экспериментальная экспедиция на ладье «Нево» (длина судна 12 м). Это судно представляет собой гипотетическую реконструкцию древнерусской ладьи с Т-образным килем, клинкерной обшивкой, симметричной носовой и кормовой частями, мачтой в центре корпуса с прямым парусом, бортовым рулевым веслом скандинавского типа, десятью гребными веслами – по пять на каждом борту. На прохождение пути по Волхову экспедиции потребовалось около 7 суток. На плавание по Неве с ее более быстрым течением от устья к истокам требовалось около 3–4 суток. За 3 дня эта река была пройдена на малом парусном судне экспедицией Озерецковского в 1785 г.

В 1994 г. из Сигтуны в Новгород было совершено экспериментальное плавание на шведском судне «Айфур» – реконструкция малого судна эпохи викингов (длина судна 8,5 м). При ежедневном 12-часовом плавании путь от Выборга до Новгорода занял бы около 13 суток, а от Орешка до Новгорода – 8 суток.

Время прохождения участка по Ладожскому озеру от истоков Невы до устья Волхова зависело от погодных условий. Ладья «Нево» при попутном ветре преодолела его менее чем за сутки, судну «Айфур», при сложных погодных условиях, удалось пройти его за двое суток.

Таким образом, при самых благоприятных условиях плавания весь маршрут от устья Невы до Новгорода занимал 9–13 суток. В 1991 г. норвежское судно «Хаверн» – уменьшенная копия корабля из Гокстада – преодолело участок Бирка – Таллин за 5 суток, учитывая суточный простой из-за безветрия, а следующий этап пути Таллин – Петербург, в условиях сильного попутного ветра, всего за двое суток.

Сопоставляя эти данные со сведениями Адама Бременского, можно полагать, что речь в них идет не собственно о Новгороде, а о Новгородской земле, пределов которой можно было достичь при плавании от Бирки, при оптимальных погодных условиях, за 5 суток. Отсюда можно заключить, что на прохождение пути от Бирки до Старой Ладоги в таких же обстоятельствах требовалось 8–12 суток, а до Новгорода – 13–17 суток.

Плавание в обратном направлении – от Новгорода до устья Невы занимало меньшее время, поскольку наибольший участок пути – речной – проходил в этом случае вниз по течению, что подтверждается как источниками, так и экспериментами. В 1164 г., при отражении шведского вторжения, новгородцы, выступившие на помощь осажденной Ладоге, прошли Волхов быстрее чем за

5 суток. В 1990 г. датское судно «Скинфакс» – реплика малого кнорра «Скульделев 3» – преодолело участок пути от Старой Ладого до устья Невы. На это плавание, проходившее только в светлое время суток, потребовалось 3 дня, из которых 2 дня заняло путешествие до Орешка и один день по Неве.

Таким образом, основываясь на полученных данных, можно констатировать, что прохождение маршрута Старая Ладога – Бирка, при круглосуточном плавании и оптимальных погодных условиях, занимало около недели, а от Новгорода до того же пункта – 10–11 суток.

При сложных погодных условиях эти сроки могли увеличиваться в два раза, а, соответственно, средние временные показатели превышали оптимальные примерно в полтора раза. Из вышеизложенного можно заключить, что водные передвижения в средневековье находились в сильной зависимости от погодных условий и, в первую очередь, от направления и силы ветра, поэтому протяженность дневных и суточных переходов была подвержена значительным колебаниям. Постоянные остановки, вероятно, делались лишь в крупных населенных пунктах и в ключевых точках маршрута: перед преодолением порожистых участков и после них, а также при смене условий плавания – когда суда выходили из рек в озеро или в море или наоборот – при входе в русла рек.

Расцвет русского торгового мореплавания, базой которого на Северо-Западе Новгородской земли являлась Ладога, приходится на середину XII в. В письменных источниках, относящихся к этому времени, имеются упоминания о посещениях русскими купцами Готланда, Дании, Германии. Во многом этому способствовали длительные славяно-скандинавские контакты, в результате которых новгородцы заимствовали у викингов некоторые мореходные навыки и унаследовали опыт плаваний по Балтике. Прекращение поездок новгородцев в страны Балтийского региона было связано с обострением в конце XII в. отношений Новгорода со Швецией, Данией и Германией, начавших завоевание Восточной Прибалтики.

На протяжении средневекового периода система навигации на Волховско-Ладожско-Невском пути претерпевает значительные изменения, тесно связанные с экономическим и политическим развитием всего Балтийского региона. Если для раннесредневекового периода в сообщении по пути, ведущем из Балтики к Новгороду, первостепенную роль играли парусно-гребные килевые суда скандинавского типа, то позднее для этого начинают использоваться большие суда типа коггов, которые имели большую грузоподъемность и осадку и ходили только под парусом, что затрудняло их движение в условиях мелководья и против течения рек и делало практически невозможным прохождение порожистых участков на Волхове. В то же время, с другой стороны, прослеживается отчетливая тенденция поступательного освоения побережий внутренних водных путей, происходившего в тесном взаимодействии с формированием и эволюцией системы их навигационного обслуживания.

В результате этого в сферу обслуживания новгородских лодочников постепенно включается участок пути по Ладоге, Неве и частично по Финскому заливу, а передовые центры базирования русских судов перемещаются в XIV–XVI вв. из глубинных районов региона ближе к его морскому побережью – в Орешек, а затем к устью Невы, оказываясь за пределами наиболее труднопроходимых участков внутренних водных путей. Это, с одной стороны, делало их достижимыми для больших иностранных морских судов, а с другой – создало прочные предпосылки для развития русского мореплавания на Балтике.

П.Е. Сорокин

При раскопках Земляного городища Старой Ладogi археологи находят множество древних стеклянных бус. Одни только раскопки 40–50-х гг. XX в. дали их около 10 000.

Первые раскопки городища произошли еще в 1114 г. при князе Мстиславе и Павле посаднике, когда в Старой Ладогe была заложена каменная крепость. Вероятно, тогда же возводились и земляные валы, отчего и была перекопана часть городища. И именно в это лето, по свидетельству летописца, ладожане находили на земле невероятное количество бус. Их было так много, что они решили, что бусы попадали на землю из большой тучи.

Очевидно, вид бус из более древних слоев городища VIII–XI вв. был для ладожан XII в. совершенно незнаком. И это вполне понятно, так как на протяжении нескольких веков (VIII–XII вв.) характер этих украшений постоянно менялся, что наглядно демонстрируется в нашей экспозиции (кат. 189, 236–261, 428).

Сегодня нам известно о бусах Старой Ладogi гораздо больше, чем тем ладожанам, которые их носили. Во-первых, нам известны бусы не какого-то ограниченного отрезка времени, а все те типы этих украшений, которые носили ладожане на протяжении многих веков. Во-вторых, мы знаем, как они были сделаны, а это играет немаловажную роль при их датировке. Бусы делались посредством навивки, дутья, прессования, но основная их часть была сделана из тянутых трубочек и палочек как одноцветных, так и многоцветных – «мозаичных».

Стекло, из которого делались бусы, также было разным. Бусы XI–XII вв., формировавшиеся преимущественно посредством навивки, изготавливались из свинцово-кремнеземного или калиево-кальциевого кремнеземного стекла, варившегося на древесной золе. Их привозили в Ладогy из Киева. Бусы VIII–X вв., сделанные из натриево-калиево-кальциевого стекла, которое варилось, по мнению одних исследователей, с использованием золы морских водорослей, должны были производиться в районе Средиземного моря. По мнению других, эти стекла варились на золе солончаковых растений где-то в аридной континентальной зоне – в Средней Азии, на территории Ирака и в других местах.

Все эти районы предполагаемого изготовления ладожских бус VIII–X вв. находились достаточно далеко от Ладogi, что, без сомнения, говорит о том огромном значении, которое придавалось такому, на первый взгляд, незначительному товару. Поэтому исследование стеклянных бус Старой Ладogi VIII–X вв. и причины их завоза на далекий север кажутся особенно важными.

Не менее важно было проследить, какими торговыми путями везли в Старую Ладогy стеклянные украшения. Сегодня при наличии современных средств передвижения проследить эти пути было бы невозможно. Но в древности караваны торговцев продвигались достаточно медленно, совершая постоянные остановки для пополнения продовольствия и снаряжения. Во время остановок часть товара продавалась. Поэтому пути древнего торгового каравана прослеживаются по находкам товаров, которые он вез, в местах его остановок. Соответственно, и пути, по которым везли стеклянные бусы в северные районы Восточной Европы, выявляются по археологическим находкам стеклянных бус, аналогичных ладожским.

Естественнее всего было бы предположить, что бусы везли в Ладогy по Днепру по пути «из варяг в греки». Но в Поднепровье находки бус, аналогичных ладожским, крайне редки. Вторым путем мог бы быть Волжский путь.

Огромное количество бус, аналогичных ладожским, известно в памятниках VIII–X вв. Северного Кавказа, откуда их могли везти на север по Дону и Волге. Однако на этом пути они неминуемо должны были пройти через таможи расположенной в низовьях Дона хазарской крепости Саркел. Но обнаруженные при раскопках Саркела бусы не имеют с ладожскими ничего общего. Достаточно сказать, что особенно характерен для Старой Ладogi так называемый «рубленный бисер» – бусы средних размеров, преимущественно синего и желтого цвета. Они составляют около 70% (4480 экз.) из всего количества исследованных в 60-х гг. XX в. ладожских бус и преобладают в слоях IX–X вв. Земляного городища Старой Ладogi. В слоях IX–X вв. Саркела они неизвестны вовсе. Что касается многочисленных находок ладожских бус в могильниках так называемой салтовской культуры VIII–IX вв. на Дону, то они попали сюда не торговыми путями, а в процессе миграции аланских племен Северного Кавказа в составе их одежды.

Пути следования бус в Старую Ладogu оказались совершенно иными, чем можно было бы предположить. Судя по находкам известных в Ладoge бус в других памятниках, их везли на север по речным торговым магистралям Западной Европы – Дунаю, Везеру, Эльбе, по Балтийскому морю. Здесь бусы ладожских типов были известны в Бирке, Хельго и Павикен (Швеция), в Хедебю и Рибге (Дания), Копанг (Норвегия), где были открыты мастерские по изготовлению некоторых типов этих бус на привозном сырье. Е.А. Рябинин открыл такую же мастерскую и в Старой Ладoge. Она функционировала в начале IX в., возможно, во время господства в Восточной Европе тех варягов, которые были изгнаны за море незадолго перед призванием русских князей – Рюрика, Синеуса и Трувора в 862 г.

Однако, судя по тому, что наибольшее количество раскопанных в Ладoge бус найдено в слоях городища более позднего времени (IX–X вв.), размах торговли этим товаром начался с появления князей-русов и приходился на период их господства. Более того, в свете всего сказанного кажется наиболее вероятным, что русские князья пришли в Ладogu именно потому, что владение этим центром сулило немалую торговую выгоду.

Разумеется, территория Старой Ладogi не была конечным пунктом транспортировки бус. Отсюда их везли – теперь уже русы – в пушные районы для обмена на меха. Об этом свидетельствуют находки бус ладожских типов в Белозере, в Южном Приладожье и в могильниках полемской культуры Прикамья, куда некоторые виды бус попадали также волжским путем.

Полученные в обмен на бусы меха русы везли в Великие Булгары, где, по свидетельству Ибн Фадлана, они требовали в обмен на меха арабское серебро – дирхемы.

Нет никакого сомнения в том, что торговля бусами по схеме: бусы – меха – серебро – носила неэквивалентный характер и должна была быть очень выгодной. Доказать это нельзя, однако характер подобной торговли можно условно воспроизвести по отдаленным историческим параллелям. Известно, что в XVII–XIX вв. одним из наиболее распространенных товаров, которые везли в Сибирь и на Аляску для обмена на меха, были стеклянные бусы. В XVII в. их привозили из Голландии в архангельский порт, где продавали оптом на вес – фунтами, пудами и даже тоннами. Затем большую часть этого товара направляли в Сибирь. В Мангазейском, Енисейском и Якутском уездах Сибири всевозможные виды крупного бисера служили единицей обмена и составляли так называемое

«государево жалованье», выдававшееся местному нерусскому населению (уже не на вес, а низками или поштучно) в обмен на меха, которые потом продавались иностранцам по большой цене. Таким образом, организованная русами во второй половине IX–X вв. торговля бусами, которые меняли на меха, была как бы прототипом сложных и организованных торговых операций XVII–XIX вв.

О том, что в Старой Ладоге привозные бусы приобретались русами не поштучно, а мерой, косвенно свидетельствуют многочисленные находки на городище бракованных украшений, и не только в слоях первой половины IX в., когда работала открытая Е.А. Рябининым стекольная мастерская, но также и в слоях второй половины IX–X вв. По-видимому, приобретая в Старой Ладоге бусы мерой, их разбирали, сортировали и нанизывали на нити, чтобы затем везти в пушные районы для обмена на меха уже не меры бус, а отдельные низки.

Таким образом, привозные в Ладогу бусы приобретало местное население пушных районов, меха – арабские купцы. Но наибольшую выгоду от этой неэквивалентной торговли должны были получать русы, которые курсировали между Ладогой, пушными районами Приладожья, Прикамья и Великими Булгарами и приобретали в результате этой торговли арабское серебро. И не случайно, что значительная часть их поселений в IX–X вв. располагалась на торговых путях из Ладоги на Среднюю Волгу.

Утвердившись в Старой Ладоге, Рюрик занимает после смерти братьев Изборск и Белоозеро, строит Новгород, двигаясь дальше на восток. Русы осваивают в IX–X вв. и Южное Приладожье, и междуречье Оки и Волги. Таким образом, трехступенчатая торговля в IX–X вв. – бусы – меха – серебро – во многом способствовала становлению и развитию Древнерусского государства.

Однако в торговле бусами участвовала еще одна сторона – страны Северной Европы, через которые везли в Ладогу бусы: Швеция, Дания, Норвегия. По данным нумизматов, Швеция, Норвегия, а также Польша, лишенные собственных запасов серебра, до конца X в. получали его с Востока из Великих Булгар и были кровно в этом заинтересованы. Теперь мы видим, что приходило к ним серебро от русов, осуществлявших посредством трехступенчатой торговли – бусы – меха – серебро – торговый обмен между Великими Булгарами и странами Западной Европы.

З.А. Львова

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Ладога, так же как большинство других городов эпохи викингов, была окружена обширными кладбищами, на которых хоронили как местных жителей – славян и финно-угров, так и приезжих купцов, викингов и членов их семей. Самыми известными и монументальными погребальными памятниками Ладоги являются огромные курганы – сопки, которые использовались местными словенами одновременно и для захоронения умерших сородичей, и для совершения языческих ритуалов. В Ладоге и ее округе известно около 40 сопок, которые протянулись вдоль берегов Волхова.

Однако сопки – это не единственные погребальные памятники Ладоги. В X в. город был окружен обширными курганными некрополями, в которых хоронили по различным обрядам, в зависимости от социального положения умершего и его

богатства. По-видимому, эти древние кладбища были усыпальницами различных ладожских родов, которые могли происходить из разных регионов Скандинавии и Восточной Европы.

Могильник в урочище Победище. Курганный некрополь располагался у южной границы пос. Старая Ладога примерно в 300 м к западу от Никольского монастыря. Раскопки на могильнике проводили Н.Е. Бранденбург (1883–1884 гг.), Н.И. Репников (1903 г.), Н.Н. Чернягин (1927 г.) и В.П. Петренко. В составе курганной группы была одна большая насыпь (высотой около 2 м) и несколько небольших полусферических. В курганах археологи обнаружили погребения по обряду сожжения. В одном из них находился лепной горшок с пережженными костями человека, птиц и животных, фрагменты костяного гребня, оселок (точильный камень) с отверстием для подвешивания, несколько бусин и железный футляр для фитиля или трута. Часть могильника, где между курганами могли находиться и грунтовые (бескурганные) захоронения, была уничтожена в XX в. во время строительства корпусов объединения «Сельхозтехника».

Среди случайных находок в районе «Сельхозтехники» имеется овальная скандинавская фибула, одна из нескольких известных ныне на территории Старой Ладоги. Эта фибула, по-видимому, относится к типу 51 В1 (по типологии И. Янссона) и на этом основании может быть датирована X в. (кат. 312). Существуют веские основания считать, что фибула, вероятнее всего, происходит из разрушенного скандинавского грунтового захоронения в деревянной погребальной камере. В Ладоге захоронения в камерах известны на могильнике в урочище Плакун.

Остатки других курганных и грунтовых захоронений были обнаружены также рядом с оградой Никольского монастыря и к югу от него, по направлению к дер. Княжино. По составу погребального инвентаря некоторые из них стоят ближе к могильнику викингов на Победище, чем к погребениям в сопках. К таким могилам можно отнести захоронение с железной очажной лопаткой, которое имеет аналогии в Юго-Восточном Приладожье, или погребение № 3 в сопке 15-IV (пункт 15 по классификации В.П. Петренко), в котором находился набор железных, обтянутых бронзой весовых гирек, стеклянные бусы и подвеска трапециевидной формы со знаками Рюриковичей (кат. 315). По мнению С.В. Белецкого, на этой подвеске изображены личные знаки князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. Поэтому ее можно датировать временем княжения Ярослава в Новгороде, т. е. 1010–1015 гг.

Можно предположить, что курганные и грунтовые погребения в урочище Победище в древности занимали более обширное пространство, чем сейчас. Большинство захоронений датируется X в., как и могильник в урочище Плакун. Некоторые варианты погребальных обрядов и материальная культура этих двух некрополей близки между собой. Вполне вероятно, что и тот и другой были основаны в одно и то же время культурно близкими группами ладожского населения.

Могильник в урочище Плакун. В Ладоге – международном торговом центре в эпоху викингов – жили и торговали представители различных народов с побережья Балтики. Следы их постоянного пребывания в городе могут считаться древние кладбища – могильники. Из них плакунский могильник до настоящего времени является древнейшим и самым известным достоверно скандинавским некрополем на территории Руси. В течение XX столетия его изучением занимались такие известные петербургские археологи, как

В.И. Равдоникас, Г.П. Гроздилов, Г.Ф. Корзухина, В.А. Назаренко, Е.Н. Носов. Могильник располагался на правом берегу Волхова в урочище Плакун у дер. Чернавино, напротив Староладожской крепости. В начале XX в. в могильнике насчитывалось 18 курганов, но исследовано было только 16. Это небольшие насыпи диаметром от 4 до 20 м и высотой от 0,3 до 1 м. Все они, за исключением одной, содержали в себе погребения, совершенные по обряду сожжения.

В ходе исследований этого могильника археологи определили, что умерших сжигали на погребальных кострах, а затем над ними возводили погребальные насыпи. Большинство погребений принадлежало скандинавским женщинам, которых хоронили с украшениями и различными бытовыми предметами. В курганах найдены оплавленные в пламени костра стеклянные, каменные и металлические бусы, фрагменты бронзовых цепочек, железные оковки от деревянных ларцов и деревянных сосудов для питья, лепные глиняные горшки, фрагменты гребней, изготовленных из рога благородного оленя. Одним из типичных женских погребений является курган № 5, находки из которого представлены на экспозиции (кат. 347–360). Вероятно, в числе погребенных были и мужчины, так как в составе инвентаря обнаружили бронзовую поясную пряжку, меч, бронзовые оковки от ножен боевого ножа, ланцетовидный наконечник стрелы.

Среди вещей, найденных на кострищах плакунских курганов, имеется множество железных заклепок, которыми викинги скрепляли доски своих кораблей и лодок. Эта деталь позволила предположить, что погребенных сжигали вместе с их лодками или с бортами старых боевых кораблей. Подобный ритуал хорошо известен в Скандинавии. Особенностями погребального обряда и своими находками скандинавский некрополь Плакуна напоминает небольшие кладбища шведских викингов из района озера Меларен.

Ранняя датировка основания могильника Плакун связана с находками в кургане № 7 (кат. 361–367). Здесь в погребении были обнаружены фрагменты так называемых фризских кувшинов типа «Татингер» с изображениями крестов и бусина из рубленой проволоки. Эти предметы позволили Г.Ф. Корзухиной датировать погребение IX в. Ближайшие аналогии таким вещам известны в некрополе шведского города викингов – Бирке. Фризские кувшины использовались для вина и, по мнению некоторых исследователей, могли быть привезены христианскими миссионерами, которые проповедовали среди викингов. Находки подобных кувшинов известны на землях Империи Каролингов – во Фризии и Северной Германии. В Ладоге эта находка, по-видимому, является первым археологическим свидетельством проникновения христианства.

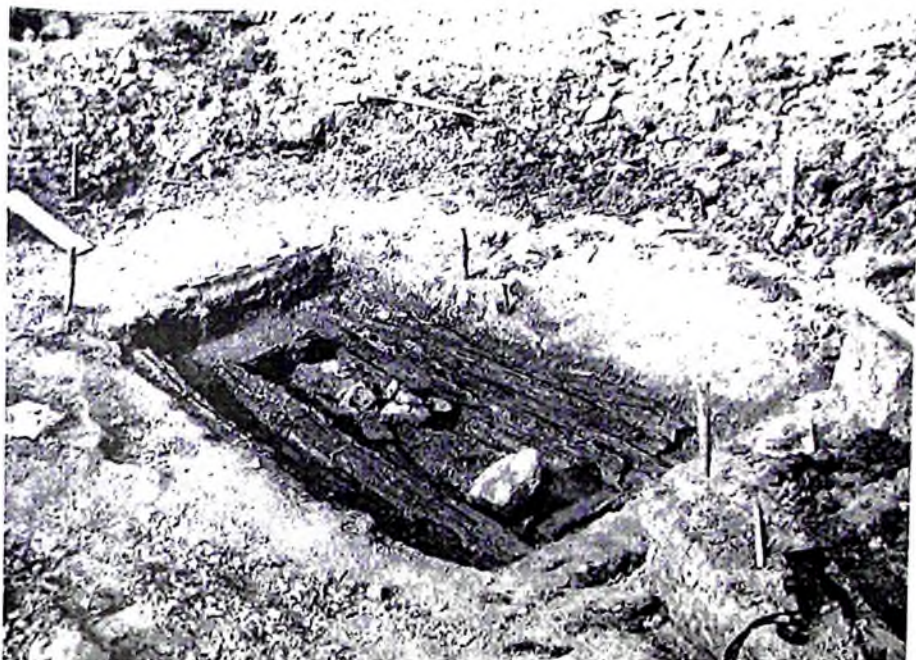
Одним из самых ранних на могильнике может также считаться курган № 11. Здесь было обнаружено погребение в деревянной погребальной камере и дощатый гроб с останками старика. На основании дендрохронологического анализа Б.Н. Черных предполагает, что это могильное сооружение возвели в середине 890-х гг. Следует отметить, что само погребение относится к редкому варианту обряда камерных могил, который практически отсутствует на эталонном памятнике эпохи викингов – Бирке – и вообще на территории Швеции. Однако подобные захоронения хорошо известны на территории Дании, где они принадлежали членам языческих аристократических фамилий. Наиболее важными среди них являются захоронение знатного мужчины в кургане Маммен и женское захоронение в Хёнинкирхе. Оба имеют дендродаты: первое – 970/971 гг., второе – около 1000 г. Таким образом, сейчас камерное погребение плакунского могильника оказывается самым ранним погребением этого типа не только на землях Древней Руси, но и в самой Скандинавии.

Урочище Плакун. Курган № 6. 1968 г.

К вещам, которые, бесспорно, появляются в Ладоге не ранее X в., может быть отнесена литая серебряная позолоченная двурогая подвеска-лунница с растительным орнаментом из скани и зерни, найденная в кургане № 6 (кат. 346). Т. Капелле считает ее примером славяно-скандинавского взаимовлияния в области ремесла, своеобразным гибридным изделием со славянской формой и скандинавским орнаментом. До настоящего времени эта находка остается уникальным примером раннесредневекового ювелирного искусства. Несмотря на широкое распространение в Европе широкоорогих серебряных лунниц со скандинавским орнаментом и их хорошую изученность, плакунский экземпляр не имеет прямых аналогий ни в древнерусских, ни в западнославянских, ни в скандинавских материалах. В отличие от бытующих в этот период широкоорогих лунниц с загнутыми рожками, плакунский экземпляр имеет форму правильного полумесяца.

Растительный орнамент также не имеет аналогов на украшениях такого типа. Большинство подвесок-лунниц, датируемых X–XI вв., сделаны из тонкого серебряного листа с орнаментом из ромбов, треугольников и полос, выполненных в технике зерни. Орнамент же плакунской лунницы имеет завитки и соединения, характерные для скандинавского «plant ornament». Считается, что позднекаролингский растительный орнамент начинает распространяться на предметах североευропейской торевтики в конце IX–X вв. под влиянием церковного искусства Империи Каролингов. Исследователи также отмечают, что чаще всего предметы с растительным орнаментом встречаются с овальными фибулами типа P-51 (по типологии Яна Петерсена). Однако наиболее близкими к плакунскому экземпляру по форме и стилю орнамента являются две лунницы «полунолуного» типа (по типологии В. Гольмстен), происходящие из Ольвии и хранящиеся

Урочище Плакун. Погребальная камера в кургане № 11. 1968 г.

в фондах Государственного Исторического музея. Можно признать, что подвеска из Ладоги является уникальным произведением северного мастера, поэтому не следует относить ее к общей группе ширококорогих подвесок-лунниц и датировать широко – X–XI вв. В XI в. украшения с сочетанием подобных элементов уже не производились.

К югу от небольших курганов Плакуна располагался огромный курган, который исследователи традиционно называют «сопковидной» насыпью. Однако бесспорно, что это сооружение не имеет никакого отношения к ладожским сопкам. По своему местоположению, особенностям погребального обряда и находкам этот большой курган намного ближе к скандинавским погребениям Плакуна, чем к словенским сопкам. На вершине кургана, высота которого более 6 м, было открыто погребение в деревянной камере. На полу из досок лежали останки взрослого мужчины, а рядом с ним – несколько железных наконечников стрел, железные удила (кат. 345), нож с рукоятью, обмотанной проволокой, оковка ведра, ледоходные шипы, серебряные накладки на конскую узду, византийская бронзовая пряжка и костяное острие с навершием в виде морды волка или дракона (кат. 343). Рядом лежали скелеты двух верховых коней. Это богатое «дружинное» погребение имеет ближайšie аналогии в могильниках Киева, Чернигова, Гнёздова, Шестовиц и на кладбищах викингов в Скандинавии. Например, в Бирке, крупнейшем городе викингов, открыли 20 подобных захоронений. Погребальный обряд и инвентарь этой могилы допускает относить ее к захоронениям знатных и богатых ладожан и датировать серединой – второй половиной X в. Редкая в России находка – бронзовая византийская пряжка (кат. 344) – позволяет нам предположить, что умерший путешествовал по пути «из варяг в греки» и мог бывать в Киеве и Константинополе.

Сопка в урочище Плакун. 1971 г.

Несмотря на то, что самые первые курганы могильника могли быть возведены в конце IX в., по-видимому, сам могильник Плакун существовал в основном в первой половине X в. На нем хоронили ладожских жителей скандинавского происхождения. Значительное число женских погребений в составе могильника подтверждает тот факт, что в Ладоге скандинавы проживали вместе со своими семьями. Община, хоронившая усопших сородичей на Плакуне, вероятно, стремилась подчеркнуть свою обособленность от других жителей Ладоги. Эта обособленность могильника позволила некоторым исследователям связывать некрополь с «княжеской дружиной», а один из курганов – даже с могилой Рёрика Фрисландского. По составу погребений и особенностям ритуала могильника на Плакуне и в урочище Победище весьма близки и стоят в одном ряду с так называемыми «дружинными» некрополями Киева, Шестовиц, Тимерева, Пскова и Гнёздова. Оба ладожских могильника позволяют нам подчеркнуть не только специфику погребальных традиций обитателей Ладоги, но и их общность с культурой других первых городов Древней Руси.

К.А. Михайлов

ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ДРЕВНОСТЯХ

К югу от Ладожского озера, занимая почти треть территории современной Ленинградской области, расположена обширная низменность, покрытая лесами и изрезанная множеством рек, крупнейшими из которых являются Волхов, Сясь, Паша, Оять и Свирь. Северо-западная ее граница проходит по берегу Ладоги. С юга, юго-востока и востока низменность ограничивают Вепсовская возвышенность и Тихвинская гряда, лежащая водоразделом между бассейнами Балтийского

и Каспийского морей. С запада и юго-запада естественной границей можно считать заболоченную низину, простирающуюся от побережья Ладожского озера до южных отрогов Тихвинской гряды. Наименее выражена северная граница, которая проходит в Ладожско-Онежском межозерье, по верховьям правых притоков Свири.

История человека в Южном Приладожье насчитывает уже более пяти тысяч лет. Этот огромный период оставил множество следов человеческой деятельности: остатки древних поселений и могильников. Все они крайне важны для истории, но, пожалуй, наибольший интерес вызывают раннесредневековые памятники (VIII–XII вв.), оставленные здесь в тот бурный и малоизученный период, когда зарождалось не только Русское государство, но и тот политический, культурный и экономический организм, который мы привыкли называть Европой, немаловажной частью которого было и Приладожье.

В Южном Приладожье эпохи средневековья исследователи традиционно выделяют две части: западную, в которой расположены археологические памятники Нижнего Поволжья, включающие уникальное Староладожское поселение и его «поселения-спутники», а также грандиозные погребальные сооружения – сопки; и восточную часть региона, получившую в литературе название «Юго-Восточное Приладожье» и отделенную от Нижнего Поволжья болотистым междуречьем Сяси и Волхова. Территориально ее составляют бассейны рек, впадающих с востока и юго-востока в Ладожское озеро. Археологические памятники здесь, в отличие от Ладожской округи, в подавляющем большинстве представлены погребальными древностями.

Как правило, древние могильники в Юго-Восточном Приладожье тяготеют к берегам основных водных артерий. Во многом это, вероятно, объясняется своеобразием природы этого района, когда пригодные для жизни человека места достаточно немногочисленны и существуют в основном вблизи крупных рек. Могильники, как правило, невелики и состоят из одного – шести курганов. Внутреннее устройство почти половины курганов характеризуется присутствием очагов и ритуальных кострищ. В подавляющем большинстве случаев очаги находились рядом с погребением. Погребения очень разнообразны, часто женщины и мужчины похоронены вместе, и сопровождаются захоронениями черепов. Весьма своеобразны и предметы, которые по традиции клали в погребения. Вместе с древними жителями Приладожья похоронены украшения и оружие, привезенные из скандинавских стран, из стран арабского Востока, Византии, Западной Европы, русских городов и финских ремесленных мастерских.

Богатство и разнообразие погребального инвентаря, а также многообразие и развитость погребальных традиций в Юго-Восточном Приладожье резко выделяют этот регион на фоне относительно бедных находками древностей окружающих территорий. Интересно, что именно с этой территорией связана практически первая попытка профессиональных археологических раскопок, которая относится к началу XVIII в. Однако попытки выяснения вопроса, кто же погребен в Приладожских курганах, относятся только к концу XIX в. Почти сразу древности Юго-Восточного Приладожья были определены как наследие одного из финских племен, но большое количество изделий, привезенных на берега Ладожского озера с очень далеких территорий, и в первую очередь из Скандинавии, до сих пор не дает историкам и археологам однозначно на него ответить.

Очевидно, что заселение и развитие Юго-Восточного Приладожья стимулировалось не столько выгодой земледельческого освоения территории, которое в силу природных условий вряд ли было возможно, сколько потребностями обмена и рынка, и не в последнюю очередь – международными. Несомненно, ведущая роль в этом процессе принадлежит Староладожскому поселению. Со времени возникновения в середине VIII в. Ладогу характеризует не только существование в ней ряда ремесел, таких как деревообрабатывающее, бронзолитейное и кузнечное, косторезное и другие, но и широкие торговые связи. Ладога и ближайшая к ней округа с начала своей истории были вовлечены в бурные культурно-исторические процессы, протекавшие в Европе. В немалой степени этому способствовало прохождение по Волхову и Ладожскому озеру целого ряда торговых путей, пересекавших Европу и Азию. Ладога, вначале существовавшая как транзитный перевалочный пункт на ведущей в глубь материка одной из главных водных артерий, быстро превратилась в большой торгово-ремесленный центр Европы, разноэтничный по своему характеру. Выходцы из Ладоги, среди которых, видимо, было много скандинавов, неоднократно проникали на территорию Юго-Восточного Приладожья. Это проникновение стимулировалось постоянным повышением спроса на пушнину, поставщиком которой были финские племена.

Привлекательность этой территории для поездок сюда жителей Ладоги, видимо, объяснялась существованием здесь населения, во многом отличавшегося от основной массы обитателей региона, о чем говорит существование только в Юго-Восточном Приладожье, за исключением Поволховья, таких характерных погребальных насыпей, как сопки. Более того, именно здесь был стратегически важный укрепленный пункт – Сясьское городище. Предполагаемая значимость этого поселения заставляет нас обратиться к данным письменных источников. В «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна», наряду с Альдегьюборгом, традиционнó отождествляемым с Ладогой, упоминается Алаборг. Из текста саги следует, что Алаборг находится с Альдегьюборгом-Ладогой в сложных отношениях подчинения и соперничества, определяющихся, видимо, его географическим положением. Этот пункт является местом пребывания правителя – ярла, который «правит Алаборгом и тем ярлством, которое к нему относится...». Вместе с тем этот правитель признает верховную власть конунга, находящегося в Альдегьюборге, и является вторым лицом в «государстве», обладающим большой политической самостоятельностью и военной силой. После событий, описанных в саге, именно ярл Алаборга становится правителем всего «государства», однако продолжает именоваться ярлом и едет «домой в Алаборг».

В литературе предлагаются различные варианты локализации Алаборга: на Белом озере, в Приладожье, на Онежском озере, вблизи современного города Олонца. Интересным представляется отождествление Алаборга с поселением у дер. Городище на р. Сясь. В пользу последней точки зрения говорит близость предполагаемой даты событий, описанных в саге, и датировки Сясьского археологического комплекса, а также достаточно точная географическая привязка целого ряда топонимов, упоминаемых в саге и указывающих на локализацию Алаборга именно в среднем течении р. Сясь.

Таким образом, история Юго-Восточного Приладожья с самого раннего этапа своего развития предстает как история региона, населенного во многом самостоятельной историко-культурной общностью и теснейшим образом связанного с Ладогой. Ладога же, в свою очередь, явилась своеобразным «центром

притяжения» всего края и основным участником широчайших международных контактов. Связь с Ладогой обусловила зависимость Юго-Восточного Приладожья от событий на всей территории Восточной и Северной Европы, на которые культура приладожского населения откликнулась живейшим образом. Несомненно, этот процесс был весьма сложен и противоречив.

Первые, видимо происходившие от случая к случаю, контакты скандинавов, игравших ведущую роль в зарождавшейся международной торговле и появившихся на Волхове в VIII в., с коренным финским населением Юго-Восточного Приладожья относятся к близкому времени. Возможно, процесс проникновения жителей Ладоги в глубь Приладожья отражает находка в разрушенном погребении у дер. Бор на р. Оять скандинавского меча типа В, по Я. Петерсену, который датируется второй половиной VIII – первой половиной IX в. Возникшие связи несомненно привели к тому, что приладожское население, может быть и небольшая его часть, оказалось вовлечено в сферу интересов торговцев из Ладоги. В 860-е гг. характер контактов скандинавов с местным населением коренным образом меняется. Эти изменения носили отнюдь не локальный характер, поскольку они совпали с пожаром Староладожского поселения, с появлением скандинавского могильника в урочище Плакун вблизи Ладоги и с появлением курганов в знаменитых «дружинных могильниках»: Гнёздовском, расположенном вблизи современного Смоленска, и в могильниках в районе современного Ярославля. В письменных источниках эти процессы нашли отражение в виде легенды о призвании варягов. Активизация движения по трансевразийским путям и увеличение спроса на пушнину стимулировали появление в низовьях Паши и Ояти отдельных скандинавских поселенцев, выступавших в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с местным населением. Их погребальный обряд стал одним из источников заимствования жителями Приладожья курганного способа захоронения.

По всей вероятности, торговые операции в Юго-Восточном Приладожье вскоре приобрели несколько иной характер за счет создания в этих районах своего рода «факторий», концентрирующих к определенному времени значительные партии товара, поскольку большинство торговых поездок скандинавов, в силу ряда причин, были сезонными. Основную работу по сбору мехов у разбросанного населения выполняли, видимо, выходцы из местной среды, причем отнюдь не из родовой знати. Об их составе, роли и социальном статусе говорит, с одной стороны, практически полное отсутствие женских погребений этого времени, с другой – находки в могилах большого количества оружия, а также коней при полном отсутствии престижных изделий, таких как мечи. Возможно, в этой среде и сложились своеобразный обряд погребения, объединивший местные и скандинавские традиции, и материальная культура, включавшая скандинавские вещи, а также поступившие при посредстве скандинавов финские изделия и предметы массового производства ладожских ремесленников.

Период после 890-х гг. во многом продолжает традиции, наметившиеся в предшествующее время. Но можно отметить и ряд изменений. С одной стороны, они, видимо, связаны с подрывом посреднической торговли между Ладогой и Приладожьем. Причиной этого стало появление в Ладоге новых торговых организаций – своего рода купеческих артелей, что отражается в постройке около 894 г. «большого дома». Коллективы, жившие в этой постройке, пожалуй, продолжительное время имели возможность вступать в непосредственные контакты с поставщиками пушнины. О новом характере торговых отношений

свидетельствует некоторое снижение интенсивности связей Ладоги с Приладожьем, выразившееся в увеличении количества вещей, попадающих сюда значительно позже, чем они появляются в Ладоге, при этом количество вещей, привезенных в Приладожье из «заморских стран», сильно возрастает. Непосредственный контакт с охотниками, добывающими шкуры, все же, по-видимому, остался в руках сформировавшейся ранее группы местных жителей из-за малой плотности древнего населения. Прямой контакт с купцами привел к расширению круга этих людей, о чем свидетельствует увеличение количества памятников и разнообразие их погребальных ритуалов, возможно отражающее то, что в международной торговле стали принимать участие представители разных народностей. Об изменении социального статуса и состава этой группы людей говорит увеличение женских и парных – мужских и женских – погребений, а также появление в погребальном наборе престижных изделий – бронзовых ювелирных украшений, в первую очередь скандинавских, и парадного оружия.

С другой стороны, произошедшие изменения связаны и с политическими событиями. Данные письменных источников позволяют отчетливо выявить тенденцию политики первых русских князей – установление контроля над торговыми путями, что нашло отражение в известии о переходе Рюрика из Ладоги в Новгород, занимавший ключевое место на торговых путях. За этим событием последовала серия походов русских князей и их дружинников на племена, расположенные в непосредственной близости от торговых дорог.

Процесс контролирования торговых магистралей получил свое окончательное политическое оформление в результате похода князя Олега на Киев в 882 г., когда под властью русского князя оказались все ключевые точки на пути «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». Подобный контроль, несомненно, должен был заставить торговцев искать новые маршруты, на которых не взимались торговые пошлины. Событием, непосредственно подстегнувшим этот процесс, стало появление в 898 г. на Днепре, одном из важнейших участков пути в арабские страны, кочевых венгерских племен и несомненно последовавший за этим, может и кратковременный, период прекращения функционирования пути. Вероятно, периодом политической нестабильности на традиционных путях объясняется и относительное замедление притока на Северо-Запад Руси арабских монет – главной ценности, ради которой северяне подвергали опасности свои жизни, двигаясь в далекие южные страны. Это отразилось в отсутствии кладов монет в Волховском и Ильменском бассейне в 870–890-е гг. Активизировали поиск новой трассы, видимо, арабские купцы после заключения договоров князя Олега с Византией, поставивших русских в преимущественное положение на константинопольском рынке. Таким образом, в 890-е гг. наметилась тенденция непосредственного включения Юго-Восточного Приладожья в систему трансевразийской торговли.

920–950-е гг. можно рассматривать как период активного участия жителей Приладожья в трансевразийской торговле, трасса которой проходила по территории Приладожья. Это заключение основано на большом количестве и разнообразии привозных изделий (в том числе и сделанных в новой столице Волжской Булгарии – городе Булгаре), которые практически отсутствуют в это время в Ладоге, и на интенсивном притоке арабских монет в Юго-Восточное Приладожье, в то время как в Поволжье и в бассейне Ильменя число привезенных монет сокращается. Основное движение товаров в это время, скорее всего, связано с возникновением Волжского пути.

Изменение трассы движения предметов восточной торговли привело к сильным изменениям в регионе Южного Приладожья. В первую очередь, это отразилось на характере торговых связей. В результате формирования пути через земли Юго-Восточного Приладожья его жители получили возможность непосредственного контакта с купцами, двигавшимися по Волжскому пути, а также возможность его контроля. Повышение спроса на пушнину, а возможно, и на другие предметы восточной торговли, например на рабов, привело к увеличению числа памятников и к большому их разнообразию, а также к возрастанию количества комплексов с оружием, которое известно почти во всех мужских погребениях этого периода. По всей вероятности, другим результатом повышения спроса на предметы восточной торговли стало расширение контактов приладожского населения с другими финскими племенами – основными поставщиками этих товаров, о чем говорит увеличение числа предметов, произведенных финскими ремесленниками. С новым характером торговли связано снижение интенсивности связей между Ладогой и Приладожьем, что, возможно, отражает некоторую самостоятельность последнего.

Одним из самых известных погребальных комплексов этого периода являются погребения из кургана № 6 могильника у дер. Заозерье в междуречье Паши и Сяси. Два погребения – мужское и женское – были совершены одновременно по разным сторонам очага, на который поместили предметы, необходимые для приготовления пищи. Именно так – на мужскую и женскую половины – вплоть до XX в. делилось традиционное финское жилище. Характерен и сам набор предметов (кат. 414–419), предназначенный для открытого очага, а не для печи: железный котел с цепью, на которой он подвешивался над огнем, причем кольца и крючки позволяли регулировать высоту, на которой котел висел; сковородник с длинной ручкой, позволявшей достать железную сковородку из огня, на другом конце сковородника расположена лопаточка. Подобным инструментом карелы пользовались еще в начале XX в., чтобы доставать пищу, запекаемую в углях.

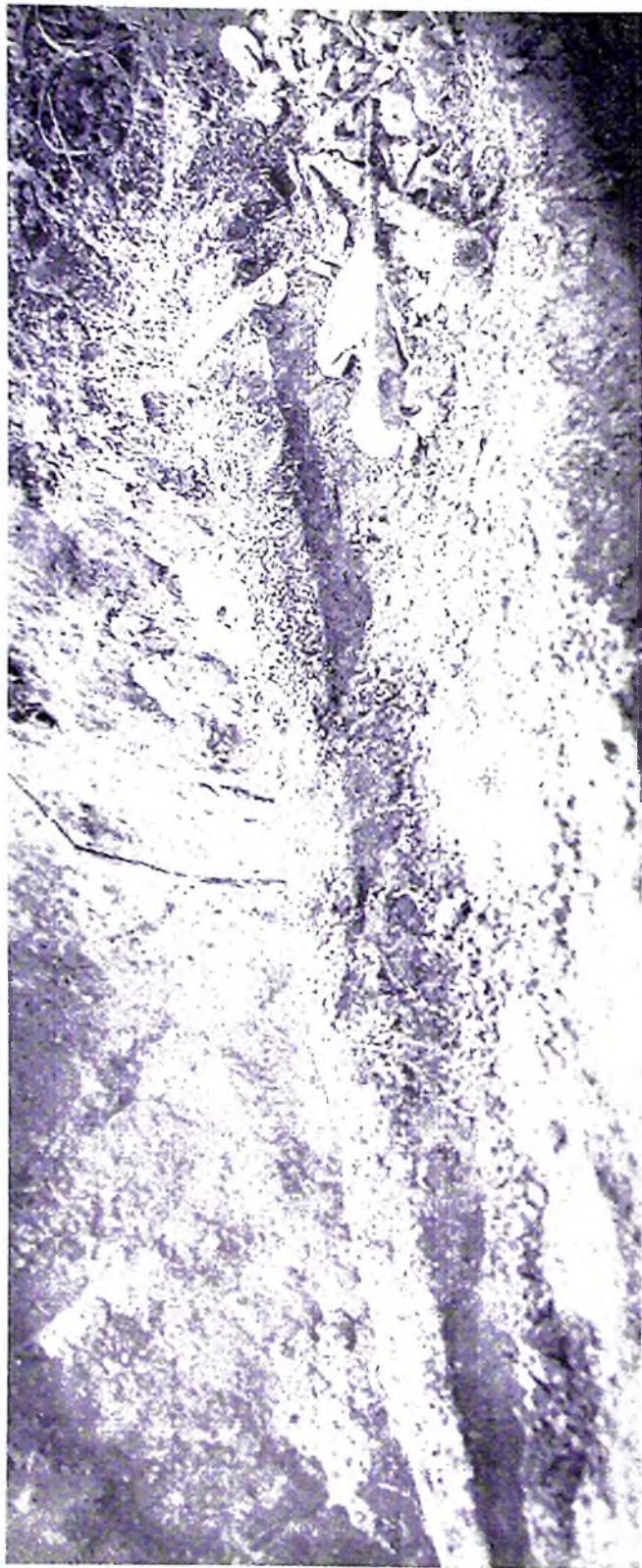
Крайне своеобразен и характер погребений. Здесь представлен весьма редкий случай, когда два одновременных погребения совершены по разным обрядам: мужчина был перед погребением кремирован, а женщина – нет. Очень показателен в этих погребениях состав находок, который объединяет традиционные скандинавские и финские предметы. Так, например, в женском погребении найдены богато орнаментированные скандинавским «звериным орнаментом» бронзовые застёжки-фибулы, которые принято называть скорлупообразными (кат. 383). Они являются не просто изделием скандинавского мастера. Дело в том, что эти застёжки входили в состав национального костюма, распространенного во всей Скандинавии, и имели определенное утилитарное назначение: они пристегивали лямки женской юбки, напоминающей русский сарафан. Другие народы подобный тип одежды не использовали. Однако в этом погребении к фибулам прикреплены подвески в виде ажурной пластины с изображением двух конских голов (а в одном случае – и человека между ними) и с привесками-лапками на цепочках (кат. 384, 385). Подобные подвески (их еще называют шумящими) очень характерны для финского женского костюма, а наиболее близкие найденным у дер. Заозерье известны в верховьях Камы. Смешение разноэтничных элементов происходит и в инвентаре мужского погребения (кат. 389–413). Здесь со скандинавской секирой и мечом, клинок которого помечен клеймом европейского мастера, работавшего, вероятно, в мастерской на Рейне, а перекрестие и навершие которого было изготовлено в Скандинавии (или по заказу

Заозерье. Общий вид кургана № 6. Раскопки В.И. Равдонникаса. 1929 г.

Заозерье. Женское погребение с очажным комплексом в кургане № 6

Заозерье. Мужское погребение в кургане № 6

скандинавского воина), найден серебряный наборный пояс. Мода на такие пояса пришла на Русь с Востока, из степей Поволжья и Подонья, где у многих народов пояс являлся своеобразным паспортом. По форме и расположению бляшек можно было определить, к какому роду относится его владелец и какое положение он занимает. На Руси наборный пояс теряет это значение, но долго остается символом знатности и дальних походов.

После 950-х гг. трасса Волжского пути вновь изменилась и ее северный участок переместился в бассейн Волхова и Ильменя. Об этом свидетельствует снижение интенсивности поступления в Юго-Восточное Приладожье монетного серебра и привозных изделий, а также увеличение числа находок монет в Ильменском бассейне. Видимо, предметы, связанные с трансевразийской торговлей, поступали в Юго-Восточное Приладожье через Ладогу, что и отразилось в повышении интенсивности связей Приладожья со Староладожским поселением. Изменения, произошедшие на Северо-Западе Руси, по всей вероятности, стали результатом новой волны «северной политики» княжеской администрации, наступившей после 945 г. и связанной в основном с необходимостью упрочения княжеской власти внутри племенных территорий. Эта задача во многом была разрешена в ходе действий княгини Ольги в 946–948 гг., когда на Севере Руси были установлены погосты. Письменные источники не упоминают об активных действиях Ольги в Южном Приладожье, однако об определенных потрясениях свидетельствует пожар в Ладоге около 954 г. Скорее всего, он был связан с действиями будущего князя Святослава со своей дружиной, о пребывании которого в «Новограде» пишет византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей», составленном между 948 и 950 гг.

Изменение трассы Волжского пути несомненно привело к снижению товарооборота, связанного с трансевразийской торговлей, и к потере Юго-Восточным Приладожьем возможности контролировать путь. Кроме того, видимо, в это время произошло и общее уменьшение роли Волжской магистрали в связи североморских центров с исламским миром, о чем говорит резкое сокращение поступления восточных товаров в Скандинавию не позднее 970-х гг. Северные страны стали получать необходимое для торговых операций серебро из Западной Европы. В результате этого, вероятно, и появились на Северо-Западе Руси первые западноевропейские монеты. Сложившаяся ситуация привела к высвобождению в Приладожье значительного числа вооруженных людей, что сделало возможным их участие в общерусских военных операциях. Косвенно об этом свидетельствует значительное сокращение по сравнению с предыдущим периодом количества погребений с оружием. С достаточной уверенностью можно говорить об участии выходцев из Приладожья в походах Владимира на Византию и Придунайские земли в 980-е гг., что подтверждает появление в Приладожье византийских монет и венгерских поясных наборов.

Другая группа событий, видимо, также относящаяся к периоду княжения Владимира, связана с проникновением на северорусские земли христианства, чему способствовало крещение Владимира и части его дружины во время похода на Корсунь. Данное заключение основывается на предположении, что первыми предметами христианского культа стали, как ни странно, византийские монеты, центральным изображением которых был крест. На эту мысль наталкивает тот факт, что почти все византийские монеты происходят из трупоположений – нового погребального обряда, появившегося под влиянием христианства, – и имеют ушко для подвешивания, а в тех случаях, когда известно положение

вещей на костяке, занимают центральное место в ожерелье. В результате распространения христианства была разрушена большая языческая культовая постройка на Варяжской улице в Старой Ладоге. По мнению автора раскопок В.П. Петренко, это произошло между 986 и 991 гг.

После 980-х гг. Юго-Восточное Приладожье оказывается в стороне от международной торговли, чему во многом, возможно, способствовала наметившаяся переориентация торговых связей на Западную Европу и о чем свидетельствует поступление на Северо-Запад Руси западноевропейских монет. Данные процессы, а также увеличение экономического влияния Новгорода в этом регионе, отражением чего стало широкое поступление в Приладожье изделий новгородских ремесленников, привели к снижению количества ввозимых, но, что представляется более важным, и вывозимых товаров. Высвободилась новая группа приладожского населения, прежде связанного с международной торговлей. Именно с 980-х гг. можно проследить отток воинских контингентов с Севера Руси, связанный с деятельностью возвратившегося из Скандинавии Владимира. Значительная часть его дружины формировалась в Новгороде, и, видимо, отчасти ее составляли выходцы из Приладожья, тем более что там в 960–980-х гг. существовала значительная прослойка мужчин, носивших оружие.

В 988 г. начинается постройка крепостей в Южной Руси, требовавшая постоянного притока новых воинов. В этом же году, при заключении мира с царем Василием и женитьбе на его сестре Анне, Владимир отправил шеститысячный отряд руссов в Византию, где после 980 г. происходит организация варяжского военного корпуса. Этот процесс, игравший, пожалуй, достаточно значительную роль для Южного Приладожья, отразился в почти полном отсутствии в погребениях предметов вооружения, поскольку найденные топоры и стрелы имели не только военное назначение, а также в резком уменьшении числа мужских погребений. Отсутствие надежной защиты северных территорий позволило викингам совершить ряд набегов на территорию Южного Приладожья. В 995–997 гг. норвежский ярл Эйрик, потерявший свой лен в борьбе с Олавом Норвежским, опираясь на поддержку Олава Шведского, совершил поход на Ладогу и северные земли. Возможно, тогда же произошел пожар, зафиксированный в раскопе на Варяжской улице, а также некоторое «смещение» погребальных памятников Приладожья в глубинные районы. Дело своего брата на землях Приладожья продолжил в 1015 г. Свейн. Шведские конунги, поддерживая походы норвежских ярлов, видимо, преследовали в Приладожье свои цели, поскольку этническая традиция шведов расценивала эти земли как утраченные владения свейских конунгов. Таким образом, вероятно, не последнюю роль в сокращении связей Приладожья с другими территориями сыграла и нестабильная обстановка в этом регионе.

Возникшая в регионе Южного Приладожья нестабильность весьма отрицательно сказывалась как на состоянии международной торговли, так и на самой безопасности Новгорода. Во многом попыткой ее устранения и удачным выходом из создавшегося положения стал династический брак между Ярославом Мудрым и дочерью Олава Шведского – Ингигерд – в 1020 г. Ладога и Приладожье были преподнесены Ингигерд в качестве свадебного дара и переданы в управление ее родственнику – норвежскому ярлу Рагнвальду – стороннику Олава Норвежского. Таким образом, Ладожское ярлство превратилось в своеобразную «буферную зону» между Скандинавией и Русью. Как владения Ингигерд эта территория была защищена от нападения шведов, а как лен Рагнвальда – от нападения норвежцев. О сходных целях при переустройстве Ладоги

свидетельствует относящееся к близкому времени ускоренное создание укреплений. Зависимость Юго-Восточного Приладожья от Русского государства и княжеской власти проявилась как в увеличении экономического влияния Новгорода, так и в активном участии выходцев из Приладожья в политической жизни Новгородской земли. Это выразилось и в участии Рагнвальда, а затем и его сына Эйлифа с дружиной в военных походах Ярослава Мудрого и новгородцев, и в создании на землях Приладожья крупнейшего по тем временам экономико-политического образования, зафиксированного письменными источниками XII в. под названием Обонежского ряда.

К периоду образования Обонежского ряда в истории Юго-Восточного Приладожья относятся материалы погребений из могильников у дер. Новосельск на реке Тихвинке (правый приток Сяси) и у дер. Ильино на реке Паше (кат. 420–437). В этих погребениях сочетаются вещи, массово производившиеся в Новгороде (такие как браслеты, височные кольца, застежки-фибулы), и традиционные финские «шумящие» украшения. Среди многочисленных подвесок обращают на себя внимание зооморфные подвески в виде уточки. Эти подвески издавна пользовались большой популярностью среди финских народов, поскольку именно утка, согласно финскому фольклору, достав со дна древнейшего моря щепотку земли, создала первую сушу, на которой и расселились все существа, в том числе и человек. Очень характерны для финской материальной культуры бронзовые игольники со щитком, украшенным плетеным растительным орнаментом, за который игольник подвешивался к поясу или к одной из застежек-фибул. Они использовались не только как украшения, но и по своему прямому назначению – для хранения иголок. Сквозь трубочку игольника продевалось кольцо, сшитое из полотняной или шерстяной ленточки: потянешь за ленточку с одного конца игольника – из трубочки покажутся иголки, воткнутые в ленточку; потянешь с другого конца – иголки спрячутся обратно.

Со второй половины XI в. история Юго-Восточного Приладожья теснейшим образом связана с историей Новгорода, что привело к переориентации Приладожья на посредническую торговлю с племенами Русского Севера, с которыми, вероятно, они имели давние налаженные контакты. Достаточное своеобразие политическому статусу Приладожья придает наметившаяся с 1050-х гг. его известная самостоятельность, которая могла быть получена после смерти Ингигерд в 1050 г. и Владимира в 1052 г. и после упразднения самостоятельного «стола» в Новгороде. Немаловажную роль в политическом положении Приладожья играло и то, что в 1056–1066 гг. шведский престол занимает Стейнкель, сын ладожского ярла Рагнвальда.

Косвенно большую значимость новой роли Приладожья подтверждают действия новгородской администрации в последней трети XI – начале XII в., связанные с процессом присоединения Ладоги и Приладожья к владениям Новгорода. Первые новгородские посадники в Ладоге появились не ранее последней четверти XI в., однако превращение Ладоги в «новгородский пригород» относится к более позднему времени, а именно к периоду между 1117 и 1132 гг. Вместе с тем возникновение Ладожского наместничества и даже превращение Ладоги в «пригород» Новгорода совсем не обязательно повлекло за собой присоединение Юго-Восточного Приладожья к новгородским владениям. На сохранение Приладожьем некоторой самостоятельности указывает активизация политики новгородских князей в этом районе, отразившаяся в походе новгородского князя Мстислава Владимировича 1105 г. на Ладогу и в постройке ладожской каменной крепости в 1114–1116 гг.

На серьезные потрясения именно в Приладожье указывает сокращение в этом районе на рубеже XI–XII вв. серии кладов. Это группа ладожнопольских кладов: клад 1878 г., зарытый около 1105 г., – более 3000 монет; клад 1929 г., зарытый около 1085 г., – 258 монет и несколько серебряных вещей; клад 1949 г., зарытый около 1095 г., – 2871 монета; а также клад из бассейна Паши: близ дер. Колголема, зарытый во второй половине XI в., – около 6000 монет и близ дер. Вихмесь, зарытый около 1090 г., – 13 426 предметов, среди которых 13 398 монет (крупнейший средневековый клад Восточной Европы). Перечисленные находки отражают не только политическую нестабильность в регионе, но также и размеры богатств, сконцентрированных в это время в Приладожье в результате участия в торговых операциях.

В XII–XIII вв. исчезают своеобразные черты материальной культуры, издревле отличавшие памятники этого региона от окружающего мира. Но приладожское население, само по себе имевшее сложную этническую структуру, несомненно участвовало в формировании целого ряда народностей эпохи позднего средневековья. С достаточной определенностью можно говорить о роли носителей приладожской курганной культуры в формировании двух финских народностей – карел и вепсов.

О.И. Богуславский

ПРЕДМЕТЫ ПРАВОСЛАВНОГО КУЛЬТА И ЭЛЕМЕНТЫ ХРАМОВОГО УБРАНСТВА

В любом древнерусском городе предметы православного культа образуют особую группу находок, в количественном отношении значительно уступающую бытовым предметам, но весьма выразительную и информативную для характеристики духовной культуры эпохи средневековья. Не составляет исключения в этом отношении и Ладога, ставшая уже в XI в. крупным центром распространения новой веры на огромных территориях лесной зоны Восточной Европы.

Самый крупный по размерам экспонат выставки, представляющий христианскую культуру Ладоги, – фрагменты оконниц XII в. из церкви Святого Георгия, обнаруженные в оконных проемах, заложенных при позднейших ремонтах (кат. 441, 442). Эта неожиданная находка оказалась очень важной для реконструкции одного из элементов интерьера древнерусских храмов XI–XIII вв. как каменных, так и деревянных, поскольку в других культовых постройках этого периода, как, впрочем, и в остатках гражданских построек, оконницы просто не могли сохраниться по вполне объективным причинам. Массивная доска, закругленная в верхней части соответственно проему, с небольшими круглыми отверстиями для мутноватых толстых стекол мало похожа на окно в представлениях человека XVIII–XIX вв., т. е. на проем, открывающий интерьер постройки в окружающий мир. Древнерусский храм в такой связи с внешним миром не нуждался, ибо, переступая его порог, верующий в полном соответствии с византийским литургическим канонам должен был узреть отблеск Горнего Света, исходящего от Бога. Свет в храме – это свечи и лампы, огоньки которых претворяются в торжественное мерцание золота и многоцветие дорогих тканей, пробегают бликами по поливным плиткам полов, выводят из мрака и приближают к молящимся иконы и стенные росписи. Ладожские оконницы, как, несомненно,

и все прочие оконницы древнерусских храмов аналогичной конструкции, скорее не соединяют, а жестко разделяют интерьер храма и окружающий мир, оставляя только небольшие круглые отверстия для солнечного света, различного и значимого для тех, кто находился внутри храма только тогда, когда в храме нет службы. Значимость этих предметов в музейной экспозиции определяется прежде всего материалом, из которого они изготовлены: чудом сохранившееся дерево еще хранит следы широких потесов топора, приближающие отдаленных потомков к безвестному мастеру, и даже плохая сохранность досок утверждает необратимость времени.

Непременный, но наиболее беззащитный перед воздействием времени элемент убранства древнерусских храмов, в том числе и ладожских, составляли богослужебные книги, без которых невозможна служба. Книги бережно хранили, но, вопреки всем усилиям, книги горели и ветшали, уничтожались сыростью и рассыпались в прах. Не приходится удивляться, что от книжного богатства Древней Руси до настоящего времени дошли только жалкие остатки, по которым исследователи вынуждены судить и об искусстве переписчиков и иллюстраторов, и о развитии древнерусской литературы. В культурном слое древнерусских городов от этого книжного богатства могли сохраниться только металлические фрагменты переплетов – застёжки, накладки, уголки. Представленные на выставке медные книжные застёжки в виде граненого стерженька, вставлявшегося в металлические петельки, – находка довольно частая и для Ладоги с ее шестью храмами не уникальная (кат. 447–449). Впрочем, эти застёжки могли крепиться и к переплетам не богослужебных, а «четьих», душеполезных книг, владельцами которых, несомненно, были среди грамотных ладожан не только представители духовенства.

Особую группу находок, характеризующую длительный процесс утверждения христианства в Восточной Европе, в любом древнерусском городе образуют памятники портативной культовой пластики, т. е. небольшие по размерам предметы культа, которые могли перемещаться со своими владельцами на огромные расстояния. Производство таких предметов (иконок, нательных крестов, энколпионов, в створках которых хранились реликвии) начинается в Древней Руси уже в конце X в. и интенсивно развивается в XII–XIII вв. в разных ремесленных центрах: в больших и малых городах, в укрепленных усадьбах знати, в многочисленных к тому времени монастырях. Определение места производства того или иного предмета из этой группы находок каждый раз вызывает серьезные затруднения именно из-за возможности неоднократных перемещений и переходов от одного владельца к другому, поскольку исследователи не располагают исходными данными для достоверных представлений о всех перипетиях судеб людей и вещей в отдаленном прошлом. В подавляющем большинстве случаев вообще невозможно установить ни владельцев портативных предметов культа, ни местоположение мастерской, где их создавали. Что касается конкретно средневековой Ладоги, то нет никаких оснований сомневаться в том, что в таком крупном городе Новгородской земли с развитым ремеслом портативные предметы культа несомненно производились, однако вряд ли кто-нибудь возьмет на себя смелость рассуждать о развитии во времени этого производства, ибо достоверными исходными данными исследователи пока не располагают.

Миниатюрная круглая иконка с изображением на лицевой стороне Богоматери Оранты и на оборотной – Процветшего Креста и с ушком для подвешивания была найдена на Земляном городище (кат. 443). И форма иконки, и сами изображения

Церковь Василия Кесарийского. 1906 г.

вызывают устойчивые ассоциации с древнерусскими вислыми печатями эпохи раннего средневековья, что позволяет ориентироваться именно на эти предметы при уточнении датировки памятника, хотя в данном случае речь идет именно о сходстве, но не об идентичности композиций. Самые ранние печати с изображениями Богоматери Оранты появляются в Киеве в XI в., причем образцами для них стали печати византийские. Во второй половине XII–XIII вв. печати с такими изображениями бытуют в Новгороде. Следовательно, есть все основания и ладожскую иконку отнести ко второй половине XII–XIII вв., т. е. к тому периоду, когда Ладога как один из важнейших центров Новгородской волости контролировала обширные территории в Поволхье и поддерживала традиционные связи с весьма отдаленными регионами. Относительно происхождения и принадлежности иконки трудно сказать что-либо определенное. В конечном счете, это не столь важно. Важнее правильно определить эстетический масштаб миниатюрного рельефа. В ладожской иконке в полной мере проявляется свойственный древнерусской портативной культовой пластике «миниатюрный монументализм»,

утверждавший сакральную значимость очень небольших по размерам изображений. «Миниатюрный монументализм» и определяет пластическое решение рельефа с крупными тяжелыми складками мафория, неизбежно небрежной и потому особо выразительной лепкой округлого лика и развернутыми вперед кистями рук Богоматери. Секрет некой особой притягательности миниатюрных рельефов эпохи раннего средневековья, в отличие от портативной культовой пластики Московского царства, именно в этом отсутствии стремления к мелкой детализации, в обобщенной трактовке образов. Помещенное на обороте иконки изображение Прोцветшего Креста – весьма распространенный в эту эпоху охранительный символ, который присутствовал и на миниатюрных иконках, и на медальонах серебряных «барм» – парадного княжеского украшения, и на сырой штукатурке строящихся храмов в надежде на покровительство Бога.

Функциональное назначение ладожской иконки определяется с полной достоверностью: как и другие портативные предметы культа, эта иконка должна была сохранить владельца или владелицу во всех жизненных ситуациях. Вполне можно представить себе эту иконку в составе ожерелья из бус и бронзовых подвесок, принадлежавшего состоятельной горожанке или женщине из ладожской округи. Если судить по великолепным наборам таких ожерелий из эрмитажного собрания, в них иконки и крестики-тельники могли соседствовать с языческими амулетами-лунницами и круглыми подвесками с солярной символикой.

Не менее распространенными, чем иконки, портативными предметами культа в Древней Руси, а затем и в Московском царстве стали кресты-энколпионы для хранения частиц почитаемых мощей. На выставке представлены несколько крестов из Старой Ладogi, попавших в культурный слой в разные периоды существования города. В материалах раскопок Н.И. Репникова присутствует двусторонний крест с оглавием в виде подвижной полой бусины (кат. 444). Судя по форме переключин, крест может быть датирован XIV–XV вв. Низкое качество отливки позволяет утверждать, что она сделана с другого, уже готового изделия, причем мастер не потрудился проработать детали рельефа. На лицевой стороне в центре помещено изображение Распятия, на обороте – святого Никиты, побивающего беса, весьма популярное в позднесредневековой традиции. Прочие изображенные святые не опознаются из-за расплывчатости рельефа. Владельцем этого креста мог быть как представитель духовенства, так и благочестивый мирянин, хранивший реликвию, принесенную из паломничества к близким или дальним святыням.

С.В. Томсинский

ФРЕСКИ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Сегодня благодаря архитектурно-археологическим исследованиям можно говорить о шести ансамблях монументальной живописи церковей Старой Ладogi XII в., фрески которых в той или иной степени изучены. По количеству фресок, сохранившихся на стенах и в собранных фрагментах, на первом месте стоит роспись церкви Святого Георгия, затем Успения Пресвятой Богородицы бывшего женского монастыря, Святого Климента на Земляном городище, Святого Николая Чудотворца одноименного бывшего мужского монастыря и церковей Святого Петра и Воскресения Христова на берегах Ладожки и Волхова.

Исследования по истории строительства всех известных церквей Ладogi, более настойчивые и регулярные, чем изучение фресок, создают впечатление отсутствия значительных хронологических разрывов между их возведением. Возможно, что все они были созданы одной строительной артелью. Рассуждая дальше, логично было бы предположить, что и украшения этих храмов росписями выполнены силами одной живописной дружины. Однако изучение фресок церквей Святого Георгия, Успения, Святого Петра, Воскресения Христова, проведенное В.Н. Лазаревым еще до того, как была установлена последовательность возведения зданий, показало, что расписаны они в разных стилистических традициях разными мастерами. Он сделал первые шаги в разделении по памятникам фрагментов фресок из смешанных коллекций в собрании Эрмитажа. Новые исследования в области производства, техники и стилистики установили некоторые общие черты и отличительные особенности фресок Ладogi XII в.

Фрески церкви Святого Георгия (кат. 469–488). Больше всего сведений и исследований накоплено по настенной живописи церкви Святого Георгия, расположенной во дворе каменной крепости. Здание храма датируется в пределах второй половины XII в. Его роспись стилистически может быть отнесена как к византийским, так и к древнерусским памятникам этого времени. Предположительное авторство живописи также охватывает весь возможный состав исполнителей: от исключительно византийских до исключительно русских. В разных исследованиях колеблется и возможное число художников, украсивших интерьер. Причина разночтений кроется в поспешности выводов, связанных с недостаточным изучением техники и стилистики росписи, а также исторических ситуаций, сопутствующих строительству и украшению здания. Видимо, в росписи церкви Святого Георгия удачно собраны черты, позволяющие в равной степени строить противоположные суждения о ее художественных особенностях, увидеть которые можно в разных ракурсах. Отсюда возникла необходимость изучения приема письма и стилистики в максимально полном объеме имеющегося материала. Наблюдения письма личного, одежды, сопроводительных надписей, орнаментов начинались с фрагментов фресок из раскопок и проверялись при обследовании стенописей, сохранившихся *in situ*.

В конструировании деталей личного – бровей, носа, глаз, складок и световых бликов выявлены отличия, которые можно характеризовать как признаки индивидуального почерка художников. При накоплении нового материала из раскопок гипотетическое число мастеров, расписывавших в XII в. церковь Святого Георгия, увеличилось от ранее предполагаемых двух-трех до семи. При этом замечено, что индивидуальный почерк каждого из них не менялся в зависимости от масштабов изображения и его места в интерьере.

Прослеживающаяся закономерность в применении арочно-колончатых обрамлений отдельных персонажей и сюжетов живо перекликается с традициями романского искусства, активно усвоенными в декорации фасадов владимиро-суздальских соборов. Повышенное внимание к арочному обрамлению подчеркивается в рисунке полей медальонов таким же, как в арках, мотивом киматиона, что сближает эти формы и умножает количество арочных конструкций до их абсолютного господства в обрамлении персоналий и сюжетов. Этот живописный аспект храмовой декорации церкви прямо указывает на отражение вкуса заказчика, вероятнее всего хорошо знакомого с передовыми концепциями стиля второй половины XII в. и, возможно, связанного родственными узами с князьями

Церковь Святого Георгия с юго-запада. 1896 г.

владими́ро-сузда́льской земли. Представляется, что за разгадкой имени князя-заказчика Георгиевского собора в Ладогe кроется ответ на вопрос о дате росписи. Во всяком случае степень стилизации формы на фресках церкви Святого Георгия, настойчиво сопоставляемая исследователями с росписями 1180–1190-х гг., во многом свойственна монументальной живописи первой половины столетия.

Наряду с исследованием технико-технологических особенностей росписи церкви Святого Георгия, особое внимание было уделено проблеме реконструкции

композиционной схемы. В этой работе исходным материалом послужили фрагменты фресок из раскопок. По итогам первых этапов в комплексном исследовании живописного ансамбля наметился путь к разгадке индивидуального почерка художников, выявились стилистические черты орнаментации, перекликающиеся с традициями древнерусской художественной культуры.

Важным в истории церкви оказался 1445 г., связанный с поновлением стенописи, ныне частично изученным, но и таящим в себе еще много специфических особенностей реставрации того времени. При начальном изучении этой проблемы проведено сравнение рисунка и живописи личного, орнамента, сопроводительных надписей на фресках в интерьере и на фрагментах, что позволило говорить о ранее неизвестных правках росписей, вероятнее всего произведенных «идеже отпало» в середине XV в.

Фрески церкви Святого Климента (кат. 451–468). Методические основы исследования руинированных стенописей широко разработаны на фрагментах фресок соборного храма Ладogi во имя святого Климента, воздвигнутого архиепископом Нифонтом в 1153–1156 гг.

Эту церковь – самую большую из современных ей ладожских храмов – археологически исследовали четырежды. При каждом соприкосновении с ее руинами находили образцы стеной живописи, небольшие собрания которых ныне хранятся в Русском музее и Эрмитаже. При последних раскопках в 1979–1980 гг. были собраны все встретившиеся остатки живописи, составившие около 50 кв. м фресок и хранящиеся ныне в коллекции Старолadoжского музея.

Важной находкой стала группа однотипных фрагментов обмазки кладки с греческой надписью-граффити, среди обрывков которой уверенно читается слово «каменосечец». Это открытие можно рассматривать как свидетельство участия византийских зодчих в создании соборного храма Ладogi. Выразительным нюансом византийского творчества служит пример рисунка сапожка восточного типа в жемчужном обрамлении с загнутым вверх носком, неизвестного в таком облике по другим росписям Древней Руси.

Надежным подспорьем в исследовании живописного убранства стали фотографии фресок в нижних частях уцелевших стен западной части храма, выполненные при раскопках Н.И. Репникова в 1912–1913 гг. По ним видно, что нартекс был украшен завесами, а цоколь основного объема заполняли росписи под мраморы.

Однако основная информация получена при работе с обломками стенописи. Образцы личного письма этого ансамбля позволили говорить об участии в росписи двух артелей, руководимых византийскими мастерами – сторонниками «живописного» стиля. Одна из них работала в главном помещении храма, а вторая – в нартексе. Работа двух артелей одновременно может быть объяснена срочностью выполнения архиепископского заказа и размерами собора, почти равного первой каменной Десятинной церкви в Киеве. Оба приема письма ведущих мастеров в значительной мере отличаются от приемов работы художников церкви Святого Георгия. По имеющимся образцам с личным письмом от фресок нартекса можно говорить о русских помощниках, работавших в заданном руководителем артели стилистическом ключе. Создатели фресок церкви Святого Климента работали в традиции классической живописной культуры, что нашло отражение не только в многослойном личном письме, но и в моделировании складок одежды, во многих орнаментальных мотивах. Оригинальным и загадочным по сей день остается прием письма личного и нимбов по красному фону санкиря в нартексе.

Церковь Успения с востока. 1911 г.

Фрески церкви Успения Пресвятой Богородицы. В церкви Успения Пресвятой Богородицы сохранилось около 30 кв. м фресок. Их реставрация и изучение проводились на протяжении XX в. При последних раскопках 1980-х гг. в интерьере, а также в непосредственной близости от здания собрано большое количество фрагментов, которые по своей сохранности намного превосходят живопись на стенах.

Прием письма личного в Успенском соборе повсеместно ограничивается двумя-тремя слоями, что характеризует технику византийских стенописей до первой половины XII в. К этому же времени тяготеет стилистика рисунка цветных стеблей растительного орнамента на откосах окон северного рукава трансепта, зеленые стебли в декорации окон барабана, рисунок и монохромность цвета мраморировок. По фрескам в интерьере и на фрагментах прочитывается типаж персонажей, близкий к романской группе фресок и явно отдаленный от рисунка восточных ликов, свойственного, в частности, Георгиевской и Климентовской стенописям Ладоги.

Предложенная датировка фресок второй четвертью XII в. оказалась созвучной изысканиям в области архитектуры здания. Скорее всего, этот собор, воздвигнутый как храм-усыпальница по княжескому заказу, был самым ранним в истории каменного культового зодчества Ладоги.

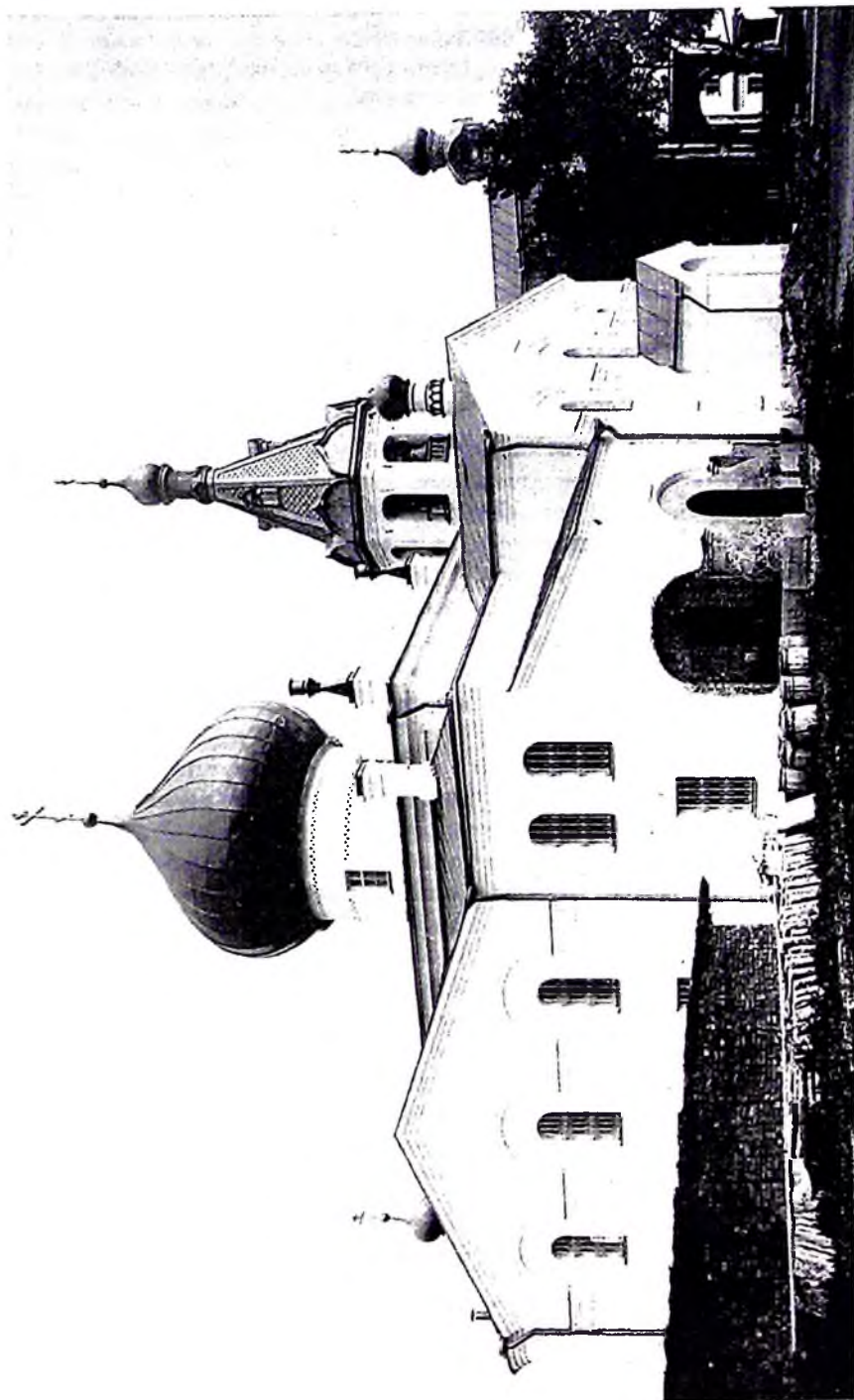
Фрески церкви Святого Николая Чудотворца. Стенопись Никольского собора известна по единичным мельчайшим фрагментам на западных столбах и на южной стене, а также по скромной коллекции обломков, собранных при архитектурно-археологическом исследовании 1978 г.

Время первоначального возведения храма окончательно в науке не установлено. Собор был капитально перестроен, вероятнее всего, в XV в. «по старой основе» с сохранением плана и уцелевших частей стен, столбов и фундаментов. Наши наблюдения стилистики фресок, отмеченной по характеру рисунка мраморировок, ременных плетений, имитации перегородчатой эмали в раскраске фона между белыми стеблями, позволили говорить о близости этой росписи фрескам церкви Святого Георгия в Ладоге. По сумме исторических и архитектурных данных высказано предположение о создании этой церкви по княжескому заказу раньше крепостного храма и о последующем его ремонте при создании здесь мужской обители с участием князя Александра Ярославича.

Фрески церкви Святого Петра и Воскресения Христова (кат. 489–509). Фрески этих, не сохранившихся до наших дней церквей хранятся в перемешанном состоянии в коллекциях Русского музея и Эрмитажа. Отдельные образцы личного письма были опубликованы В.Н. Лазаревым. По стилистике автор атрибутировал их в ряду новгородской группы как наиболее поздние из ладожских. Действительно, рисунок в конструировании лика одного из этих памятников соотносится со степенью стилизации византийских росписей конца столетия. На одной из имеющихся трех фотографий, сделанных при раскопках храма Святого Петра на берегу Ладожки в 1886–1887 гг., на западной грани северо-восточного столба хорошо читается мотив полилитии. По специфике рисунка этот мотив близок декорации цоколя церкви Успения в Ладоге. Небольшое количество фрагментов фресок собрано в наши дни как подъемный материал на поверхности земли в районе руин церкви Святого Петра. Среди них найдено изображение завитка ременного плетения, окомтуренное с обеих сторон тонкими красными линиями, как в церкви Святого Георгия. По нескольким сотням мельчайших обломков можно составить первое представление о колорите росписи, который, скорее всего, соотносится с красками Никольского собора и церкви Святого Георгия в Старой Ладоге.

Совсем незначительное количество фрагментов фресок удалось собрать на огородах вблизи церкви Воскресения Христова на Варяжской улице. О находившейся в ней стенописи некоторое представление дают фотографии, сделанные в ходе экспедиции Н.Е. Бранденбурга в 1886 г., и цветные зарисовки мраморировок художника В.М. Максимова. Особый интерес вызывает полилития на северо-западном столбе с мотивом широких и тонких волнистых линий без центровки рисунка, а со свободной ритмикой, что выделяет данную трактовку мраморировки из всех известных примеров этой части росписи в ладожских храмах XII в. Среди фрагментов росписи этого храма встречены образцы со сложной живописной структурой в несколько слоев, для атрибуции которой, впрочем, никаких данных нет.

В коллекции фрагментов фресок, собранных Н.Е. Бранденбургом в Ладоге, есть интересный образец личного письма по оливковому санкирю, что

Никольский монастырь. Начало XX в.

в принципе перекликается с творческой манерой мастеров главной артели росписи церкви Святого Климента. Но привязать его к соборному храму Ладоги затруднительно из-за различия почерков на этом лике и на фрагментах, достоверно принадлежащих церкви Святого Климента.

В результате анализа накопленных данных по истории стенописей Ладоги с достаточной долей уверенности можно говорить о их создании в течение одного столетия. Точно датированные древнерусские фрески XII в., а также накопленные сведения по истории эволюции стилистических течений в это время открывают перспективу для расстановки ладожских росписей в определенной последовательности относительно росписей летописного собора Святого Климента (1153–1156 гг.) и других датированных росписей Древней Руси и Византии. Стенописям Климентовского храма по признакам техники и приема письма, по характеру и стилистике орнаментальной части росписи, вероятнее всего, предшествуют фрески Успенского собора, ориентированного на романские традиции, но во многом еще загадочного.

Стенная живопись церкви Святого Георгия знаменует интереснейший этап графической стилизации формы, гармонично согласованной в этом памятнике с традициями живописной культуры письма.

Следующая ступень развития линейной стилизации отмечена в одном из ансамблей, раскрытых Н.Е. Бранденбургом в XIX в. Стенопись церкви Воскресения Христова дает нам пример более «живописного» свойства, что ставит ее в ряд между фресками церковью Святого Климента и Святого Георгия. Исторические предпосылки создания Никольского собора, а также отмеченные точки соприкосновения стилистики живописи с фресками церкви Святого Георгия позволяют говорить о стилистической и, соответственно, хронологической близости этих ансамблей.

На решение фасадной декорации и оформление интерьера церкви Святого Георгия оказали влияние владими́ро-суздальские храмы. Поэтому не менее важно было установить не просто участие князя в заказе на возведение церкви Святого Георгия, но и увидеть очевидное отражение в декорации храма передовых княжеских вкусов. Церкви Успения, Николая Чудотворца и Святого Георгия воздвигнуты при прямом или косвенном участии князя (храм-усыпальница, крепостной храм и церковь на месте поселения княжеской дружины). Близость некоторых стилистических черт церковью Николая Чудотворца и Святого Георгия с определенной долей вероятности позволяет говорить о работе в них одной художественной артели. Фрески церкви Успения стилистически перекликаются с романскими веяниями новгородских стенописей первой половины XII в. Климентовская церковь архиепископа Нифонта создана с участием византийских зодчих и расписана двумя художественными артелями, возглавляемыми византийскими мастерами живописной ориентации. Некоторые живописные черты проявляются на фрагментах фресок церкви Воскресения Христова на берегу Волхова.

Во всех стенописях Ладоги можно указать черты стилистики, которые в той или иной мере можно связать с работой русских художников. Предварительное исследование этого вопроса, проведенное на фресках церковью Святого Климента и Святого Георгия, открыло как раз ту сложную картину становления живописных традиций на Руси, которая и могла быть в действительности, а именно тесное сотрудничество византийских и местных мастеров. Путь поиска индивидуального почерка художников сложносоставных артелей, как выясняется,

тернист и опасен крайностями, которыми и так уже изобилует практика исследования древнерусского монументального искусства домонгольской эпохи. Детальное изучение техники и стилистики ладожских стенописей сегодня можно продолжать на огромном археологическом материале. Вероятнее всего, именно этот материал поможет решить важнейшие вопросы авторства и времени создания многих безвестных ансамблей.

На примере ладожских храмов видно, как картина истории стенописей проясняется исключительно благодаря обломкам обрушившихся фресок, нередко обнаруживаемых в лучшем состоянии, чем росписи в сохранившихся интерьерах. Они же являются единственным источником наших знаний о давно руинированных ансамблях. Конечно, в суждениях о времени и авторах фресок решающее значение имеет количественный состав поднятых в раскопах обломков, поэтому необходимо организовать целенаправленные экспедиции по полному сбору разрушенных фресок.

Б.Г. Васильев

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В., Сильман Т.* Предварительное сообщение о рунической надписи из Старой Ладogi // СГЭ, 1957. Вып. 11.
- Бессарабова З.Д.* К вопросу о топографии древнего ладожского поселения (по материалам археологического досмотра земляных работ) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10.
- Бессарабова З.Д.* Следы бронзолитейного производства в Старой Ладoge // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12.
- Бессарабова З.Д.* Сосуд из жировика из Старой Ладogi // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2001. Вып. 4.
- Богуславский О.И.* Южное Приладожье во второй половине I – начале II тысячелетия н.э. (опыт историко-культурной периодизации): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 1991.
- Бранденбург Н.Е.* Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России. 1895, № 18.
- Бранденбург Н.Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.
- Васильев Б.Г.* Манеры мастеров фресок церкви Георгия XII в. Старой Ладogi // Византия и Русь. М., 1989.
- Васильев Б.Г.* Фрески церкви Успения Богородицы в Старой Ладoge // РА. 1994а. № 2.
- Васильев Б.Г.* Фрески церкви Николая Чудотворца в Старой Ладoge // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии (ПСКОВ). СПб., 1994б.
- Васильев Б.Г.* Новые фрагменты фресок церкви Георгия XII в. в Старой Ладoge // Памятники культуры. Новые открытия (ПКНО). 1994. М., 1996.
- Васильев Б.Г.* Древнерусские рисунки-граффити (к постановке вопроса) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11.
- Васильев Б.Г.* Костяное изделие из Старой Ладogi // Русь и южные славяне: Сб. ст. к 100-летию со дня рожд. В.А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998.
- Васильев Б.Г.* Фрески церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладoge. История храма и технико-технологические особенности фресок // Староладожский сборник: Материалы VII конф. «Северо-Западная Русь: Междисциплинар. Иссл.». Старая Ладога; СПб., 1999а.
- Васильев Б.Г.* Фрески середины XV в. церкви св. Георгия в Старой Ладoge // Староладожский сборник: Материалы VII конф. «Северо-Западная Русь: Междисциплинар. иссл.». Старая Ладога; СПб., 1999б.

- Васильев Б.Г.* Страницы истории стенописи Успенского собора XII в. Старой Ладogi // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000а. Вып. 3.
- Васильев Б.Г.* Фрески церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладoge. Ч. 2. Стилистика росписи // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000б. Вып. 3.
- Васильев Б.Г.* Рисунки-граффити церквей XII в. в Старой Ладoge // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2001.
- Васильев Б.Г., Лалазаров С.В., Рождественская Т.В., Сарабьянов В.Д.* Церковь св. Георгия в Старой Ладoge. История, архитектура, фрески. М., 2002.
- Васильев Б.Г., Попов О.Г.* Теоретическая и графическая реконструкция фресок церкви св. Георгия XII в. Старой Ладogi // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2000. Вып. 14.
- Васильев Б.Г., Попов О.Г.* Реконструкция росписей апсид церкви св. Георгия XII в. в Старой Ладoge // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2001. Вып. 4.
- Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях.* СПб., 1988.
- Гроздилов Г.П.* Раскопки в Старой Ладoge в 1948 г. // СА, 1950. Т. 14.
- Давидан О.И.* Гребни Старой Ладogi // АСГЭ, 1962. Вып. 4.
- Давидан О.И.* Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ, 1966. Вып. 8.
- Давидан О.И.* О времени появления токарного станка в Старой Ладoge // АСГЭ, 1970. Вып. 12.
- Давидан О.И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ, 1976. Вып. 17.
- Давидан О.И.* Бронзолитейное дело в Ладoge // АСГЭ, 1980. Вып. 21.
- Давидан О.И.* Ткани Старой Ладogi // АСГЭ, 1981. Вып. 22.
- Давидан О.И.* Янтарь Старой Ладogi // АСГЭ, 1984. Вып. 25.
- Давидан О.И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII–IX вв. // АСГЭ, 1986. Вып. 27.
- Давидан О.И.* Весовые гирьки Старой Ладogi // АСГЭ, 1987. Вып. 28.
- Давидан О.И.* Скарабей из Старой Ладogi // АСГЭ, 1988. Вып. 29.
- Давидан О.И.* Деревянная посуда Старой Ладogi VIII–IX вв. // АСГЭ, 1991. Вып. 31.
- Давидан О.И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 9.
- Давидан О.И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ, 1995. Вып. 9.
- Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А.* «Сага о Хальфдане, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX–XI вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 129–137.
- Длужневская Г.В.* Фотография – память народов. Материалы фотоархива ИИМК РАН // Культурное наследие Российского государства. СПб., 1998.
- Древнерусские города в древнескандинавской письменности.* М., 1987.
- Древности Поволжья.* СПб., 1997.

- Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Человек и Природа, 1967.
- Калинин В.А., Лазаревская Н.А.* Материалы Н.Е. Бранденбурга в собрании фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук // Сб. материалов. Вып. 8. Семнадцатое заседание древнерусского семинара «Храм и культура». Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга (1839–1903): Тез. докл. СПб., 1995.
- Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979.
- Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1.
- Кирпичников А.Н.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2.
- Кирпичников А.Н., Губчевская Л.А.* Старая Ладога. История и культура. СПб., 2002.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и Варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 1996.
- Корзухина Г.Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА, 1961. № 3.
- Корзухина Г.Ф.* О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Таллин, 1971а.
- Корзухина Г.Ф.* Курган в урочище Плакун близ Старой Ладоги // КСИА, 1971б, Вып. 125.
- Корзухина Г.Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА, 1973. Вып. 135.
- Кочуркина С.И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Кочуркина С.И., Линевский А.М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ, 1962. Вып. Е 4-4.
- Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
- Кузьмин С.Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины, концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. 1919–1997. СПб.; Псков, 1997. Т. 1.
- Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И.* К вопросу о некрополе Старой Ладоги // Вестник молодых ученых. СПб., 2001. Серия: Исторические науки. № 1.

- Культура, образование, история Ленинградской области. Науч.-практ. конф.: Тез. докл. СПб., 2002.*
- Культурное наследие Российского государства. Вып. II. Прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии. СПб., 2000.*
- Культурное наследие Российского государства. Вып. III. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии. СПб., 2002.*
- Ладога и Северная Европа. СПб., 1996.*
- Ладога и Северная Русь. СПб., 1995.*
- Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997.*
- Ладога и эпоха викингов. СПб., 1998.*
- Лазарев В.Н. Фрески Старой Ладоги. М., 1960.*
- Лазарев В.Н. Новые фрагменты росписей из Старой Ладоги // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967.*
- Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.*
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.*
- Лебедев Г.С., Седых В.Н. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ. Л., 1985. Вып. 9.*
- Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.*
- Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. Л., 1988.*
- Литааврин Г.Г. Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.*
- Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ, 1968. Вып. 10.*
- Мачинский Д.А. Колбязи «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. Вып. 1.*
- Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998.*
- Мачинский Д.А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002.*
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988.*
- Медведева М.В. Археологическое изучение Старой Ладоги (по материалам Фотоархива Института истории материальной культуры РАН) // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2002. Вып. 3.*
- Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры. СПб., 2001.*
- Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья // АСГЭ, 1980. Вып. 21.*

- Миролюбов М.А.* Пахотные орудия Старой Ладogi // АСГЭ, 1972. Вып. 14.
- Миролюбов М.А.* Орудия обработки льна районов Северо-Запада СССР // Славяно-русская этнография. Л., 1973.
- Михайлов К.А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунско-го могильника // Новгород и Новгородская земля: История и Археология. Новгород, 1996.
- Михайлов К.А.* Погребение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб., 1997.
- Михайлов К.А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Назаренко В.А.* Погребальная обрядность Приладожской чуди: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л. 1983.
- Назаренко В.А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Назаренко В.А.* Приладожская чужь // Финны в Европе VI–XV вв. М., 1990. Т. 2. Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Носов Е.Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладoge // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Орлов С.Н.* Сопки волховского типа около Старой Ладogi (по материалам Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.) // СА, 1955. Т. XXII.
- Орлов С.Н.* Старая Ладога. Л., 1960.
- Оятева Е.И.* Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ, 1965. Вып. 7.
- Петренко В.П.* Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi // КСИА, 1977. Вып. 150.
- Петренко В.П.* Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладogi // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Петренко В.П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.
- Петренко В.П., Кузьменко Ю.К.* Описание памятника № 144 // Е.А. Мельникова. Скандинавские рунические надписи. М., 1977.
- Повесть Временных Лет.* Пг., 1916. Т. 1.
- Поветкин В.И.* Слово о музыкальной археологии России // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11.
- Полное собрание русских летописей.* М., 1962. Т. 2.
- Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ, 1967. Т. IX.
- Равдоникас В.И.* Старая Ладога. Л., 1948.

- Равдоникас В.И.* Старая Ладога (Из итогов археол. исслед. 1938–1947 гг.) // СА, 1949. Т. XI.
- Равдоникас В.И.* Старая Ладога // СА, 1950а. Т. XII. Ч. II.
- Равдоникас В.И.* Старая Ладога // СА, 1950б. Т. XII.
- Равдоникас В.И.* Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938–50 гг. // КСИИМК, 1951. Вып. 41.
- Равдоникас В.И., Лаушкин К.Д.* Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. Вып. 4.
- Рыдзевская Е.А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК, 1945. Вып. II.
- Рыдзевская Е.А.* «Россика» в исландских сагах // Древняя Русь и Скандинавия (IX–XIV вв.). М., 1978.
- Рябини́н Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ, 1981. Вып. Е1-60.
- Рябини́н Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–75 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985.
- Рябини́н Е.А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общевосточных связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
- Рябини́н Е.Н., Черных Н.Б.* Стратиграфия застройки и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований. СА, 1988. № 1.
- Сапунов Б.В., Драга А.А.* Оконная рама XII в. из ц. Георгия в Старой Ладоге // СГЭ, XXIII. Л., 1962.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М., 1981.
- Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- Спицин А.А.* Дополнительные замечания // Курганы Южного Приладожья. МАР, 1895. № 18.
- Средневековая Ладога.* Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985 (Статьи Кирпичникова А.Н., Назаренко В.А., Носова Е.Н., Петренко В.А., Рябина Е.А., Черных Н.Б.).
- Тарасов И.И.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладоге // Вестник молодых ученых. 2001. Серия: Исторические науки. 1.
- Херрман И.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Церковь св. Георгия в Старой Ладоге.* История, архитектура, фрески. Монографическое исследование памятника XII в. / Авт.-сост. В.Д. Сарабьянов. М., 2002. (Авт. разделов: Б.Г. Васильев, С.В. Лалазаров, Т.В. Рождественская, В.Д. Сарабьянов).
- Штакельберг Ю.И.* Глиняные диски из Старой Ладоги // АСГЭ, 1962. Вып. 4.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970.

- Arbman H.* Sweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937.
- Arbman H.* Svear i osterviking, Stockholm, 1955.
- Arbman H.* The Vikings. London, 1961.
- Arbman H.* Sverige ock Ostern under vikingatiden // Sverige ock Europa under forntid ock medeltid. Stockholm, 1962a.
- Arbman H.* Vikingarna. Stockholm, 1962b.
- Arne T.J.* La Suede et l'Orient. Upsala, 1914.
- Arne T.J.* Svenska vikingakolonier i Russland. Stockholm, 1917.
- Aspelin I.R.* Antiquites du Nord Finno-Ougren. Helsingfors, 1880.
- Davidan O.I.* Kunsthandwerkliche Gegenfande des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Sammlung des Staatlichen Ermitage in St. Petersburg) // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, Jahrgang 20, 1992. Bonn, 1993.
- Jansson I.* Gurtel und Gurtelzubehor vom orientalischen Tup // Birka II: 2. Stockholm, 1986.
- Petrenko V.P., Kuzmenko J.K.* Nya fynd med runor fren Gamla Ladoga // Viking, 1978.
- Raudonikas W.I.* Die Normannen der Wikingerzeit und Ladogagebiet. Stockholm, 1930.
- Stender-Petersen A.* Zur Rus' Frage // Varangica, 1956.
- Stender-Petersen A.* Russian Studies // Acta Jutlandica, 1956. T. XXVIII. H. 2.
- Stender-Petersen A.* Runestaven fra Ladoga // Kuml (1958), 1959.
- Stender-Petersen A.* Der alteste russische Stadt // Historische Zeitschrift, 1960. Bd. 91. H. 1.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
Вестник ЛГУ	Вестник Ленинградского Государственного университета
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ПАВ	Петербургский археологический вестник
РА	Российская археология
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
СЛМ	Музей-заповедник «Старая Ладога»

СТАРАЯ ЛАДОГА
ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА РУСИ

Оформление обложки, титула и шмуцтитулов *А.Р. Шилов*
Корректор *Е.В. Торопова*
Компьютерная верстка *Е.В. Звягинцева, Е.Г. Коненкова, Е.Ю. Петухова*
Сканирование и ретушь иллюстраций *Ф.А. Русов*

ЛП № 000023 от 09.10.98
Подписано в печать 15.05.03. Формат 84 x 108 1/16
Уч.-изд. л. 16. Тир. 500. Зак. 84

Издательство Государственного Эрмитажа
190000, С.-Петербург, Дворцовая наб., 34

Отпечатано на роталпринте Государственного Эрмитажа
190000, С.-Петербург, Дворцовая наб., 34

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ